

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 2 (50)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Беляева О. А.	доктор юридических наук, профессор (ИЗиСП)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларию Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А.	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В.	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2023

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Залоило М. В.</i> Трансформация роли государства в современном мире: парадигмальные сдвиги концепции суверенитета.....	5
<i>Лановая Г. М.</i> Тенденции изменения системы норм права в современных условиях.....	19
<i>Ломакина И. Б.</i> Понимание восточной государственности в агрогидравлической концепции К. А. Виттфогеля.....	31
<i>Павлов В. И.</i> Категория правовой реальности в антропологической концепции права	43
<i>Певцова Е. А.</i> Субъективные коллизии в праве	59
<i>Честнов И. Л.</i> Политическая юриспруденция как междисциплинарное направление в постклассической юридической науке	80

Публичное право

<i>Дорская А. А., Дорский А. Ю.</i> Реализация права на справедливое правосудие (на примере судебной защиты свободы совести).....	88
<i>Власова Н. В.</i> Проблемы эффективности определения применимого права и формулирования коллизионных норм в международном частном праве.....	97

Частное право

<i>Баукин В. Г., Кудряшова В. В.</i> О терминологическом соотношении понятий «представитель» и «законный представитель»	105
<i>Дашко А. В.</i> Признание дополнительного соглашения недействительным при принятии нового закона	118

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2023, № 2 (50).....	129
--	------------

Требования к оформлению статей.....	132
-------------------------------------	-----

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Zaloilo M. V.</i> Transformation of the Role of the State in the Modern World: Paradigm Shifts of the Concept of Sovereignty.....	5
<i>Lanovaya G. M.</i> Trends in the System of Legal Norms in Modern Conditions.....	19
<i>Lomakina I. B.</i> Understanding Eastern Statehood in the Agro-Hydraulic Concept of K. A. Wittfogel.....	31
<i>Pavlov V. I.</i> The Category of Legal Reality in the Anthropological Concept of Law	43
<i>Pevtsova E. A.</i> Subjective Conflicts in Law	59
<i>Chestnov I. L.</i> Political Jurisprudence as an Interdisciplinary Trend in Postclassical Legal Science	80

Public Law

<i>Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu.</i> Implementation of the Right to Fair Justice (on the Example of Protection of Freedom of Conscience)	88
<i>Vlasova N. V.</i> Problems of Effectiveness of Determination of Applicable Law and Formulation of Conflict Rules in Private International Law	97

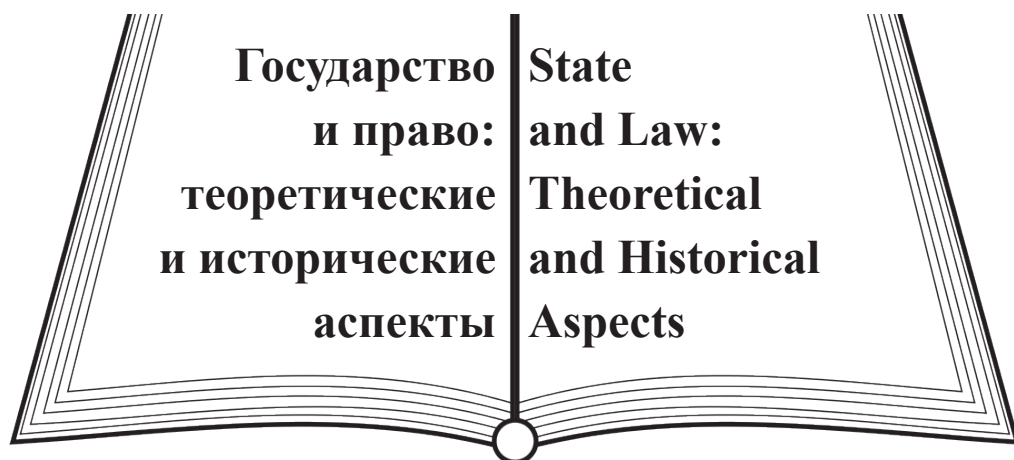
Private Law

<i>Baukin V. G., Kudryashova V. V.</i> On the Terminological Correlation of the Concepts “Representative” and “Legal Representative”.....	105
<i>Dashko A. V.</i> Recognition of an Additional Agreement as Invalid when a New Law is Adopted.....	118

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,

2023, № 2 (50)	129
-----------------------------	-----

Requirements for Style Articles.....	132
--------------------------------------	-----

УДК 342.3

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01

М. В. Залоило

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. Обоснованная в XVI веке концепция суверенитета подвергается в XX–XXI веках заметным модификациям в связи с расширением межгосударственного сотрудничества и вхождением государств в различные международные организации и интеграционные объединения, формированием и развитием каталога прав человека, динамикой социально-экономического развития, технологическими новациями и прочими факторами, каждый из которых определяет те или иные ограничения или, наоборот, расширения суверенитета государств. Целью статьи является выявление векторов трансформации государственного суверенитета в современных условиях. Для ее достижения в статье определяется конституционная основа и очерчиваются территориальные пределы действия государственного суверенитета; исследуются понятие и содержание государственного суверенитета в историческом аспекте, а также в современной интерпретации, в том числе международно-правовой; анализируются проблемы обеспечения технологического суверенитета государства. По результатам проведенного исследования формулируются выводы о направлениях трансформации

© Залоило М. В., 2023

содержания понятия суверенитет; о стоящих перед юридической наукой задачах, решение которых необходимо для обеспечения сохранения государственного, правового, экономического, цифрового, технологического суверенитета и национальной идентичности Российской Федерации в кризисных обстоятельствах, в свете функционирования международных центров принятия решений, а также в связи с необходимостью конкретизации норм Конституции об укреплении суверенитета Российской Федерации.

Ключевые слова: государство; суверенитет; правовой суверенитет; цифровизация; виртуальное пространство; технологический суверенитет.

UDC 342.3

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01

M. V. Zaloilo

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF THE STATE IN THE MODERN WORLD: PARADIGM SHIFTS OF THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY

Abstract. Established in the 16th century the concept of sovereignty is exposed in the XX–XXI centuries to noticeable modifications due to the expansion of interstate cooperation and the entry of states into various international organizations and integration associations, the formation and development of a catalogue of human rights, the dynamics of socio-economic development, technological innovations and other factors, each of which determines certain restrictions or, conversely, expansion of state sovereignty. The purpose of the article is to identify the vectors of transformation of state sovereignty in modern conditions. To achieve it, the article defines the constitutional basis and outlines the territorial limits of the state sovereignty; the concept and content of state sovereignty are studied in the historical aspect, as well as in the modern interpretation, including international legal one; the problems of ensuring the technological sovereignty of the state are analyzed. Based on the results of the study, conclusions are represented about the directions of transformation of the content of the concept of sovereignty; about the tasks facing legal science, the solution of which is necessary to ensure the preservation of the state, legal, economic, digital, technological sovereignty and national identity of the Russian Federation in crisis circumstances, in the light of the functioning of international decision-making centers, as well as in connection with the need to specify the norms of the Constitution on strengthening the sovereignty of the Russian Federation.

Keywords: state; sovereignty; legal sovereignty; digitalization; virtual space; technological sovereignty.

Введение

Суверенитет, под которым принято понимать самостоятельность, верховенство, единство и независимость государственной власти внутри страны и за ее пределами, является одним из основных и важнейших признаков государства (наряду с территорией, населением, наличием верховной политической власти, монополией на применение силы). Это понятие было обосновано французским философом и правоведом Жаном Боденом в сочинении «Шесть книг о государстве» [1, с. 305] еще в XVI веке. Тогда под суверенитетом понималась абсолютная и постоянная власть государства над гражданами и подданными, характеризующаяся независимостью как внутри страны, так и в отношениях с другими государствами, выше которой только Бог и законы природы.

Долгое время в последующем считалось, что суверенитет обладает практически абсолютным характером. Однако в XX – начале XXI века его содержание претерпевало изменения в связи с международным признанием прав и свобод человека и гражданина, воплощением идей верховенства права и правового государства, развитием демократических процессов, межгосударственного общения в рамках международных организаций, тенденций глобализации, интеграции и интернационализации [9; 20; 23, с. 95–105; 24, с. 187–200; 25; 29, с. 5–22].

В разнонаправленных обстоятельствах глобализации и усиления международной напряженности и нестабильности возрастают риски ограничения или полной утраты государствами своего суверенитета, в том числе под влиянием внешнего управления. Немаловажным является и фактор высокой динамики научно-технического прогресса. Президентом Российской Федерации поставлена задача по обеспечению на долгосрочную перспективу технологического суверенитета Российской Федерации, имеющая стратегическое значение для сохранения суверенитета российского государства. В связи с этим требуется выработка доктринальных подходов, создание правовых моделей обеспечения национальной идентичности и предотвращения размывания государственного суверенитета.

Конституционная основа и территориальные пределы действия государственного суверенитета

Суверенитет признается одним из принципов конституционного права и закреплен практически во всех конституциях современных государств. Суверенитет Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, распространяющийся на всю ее территорию, определен Конституцией Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя (ч. 1 ст. 4). Как разъяснил Конституционный суд Российской

Федерации в своем Постановлении от 7 июня 2000 года № 10-П, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении. Российская Федерация в силу статьи 67 Конституции обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Конституционный принцип суверенитета государства конкретизирован в отраслевом законодательстве [25, с. 66].

На государственном суверенитете основывается пространственно-правовое устройство государства [29, с. 8]. Государственная граница России — это пространственный предел действия ее государственного суверенитета. Положения ст. 4, 15 Конституции составляют основу правового суверенитета страны.

В связи с территориальными пределами действия государственного суверенитета со второй половины XX века актуализируется проблема разграничения границ между воздушным и космическим пространством [8, с. 15–22]. Если в отношении первого над своей территорией государства имеют полный и исключительный суверенитет в силу ст. 1 Чикагской конвенции о международной гражданской авиации 1944 года, то в отношении космического пространства суверенитет какого-либо государства не простирается (см. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 года). Верхней границей выступает высота в 100–110 км [16, с. 112–118]. Попытки пересмотреть устоявшийся правовой режим космического пространства предпринимаются в связи с реализацией проектов по добыче космических ресурсов (США, Япония, Люксембург, Германия), освоению Марса (Mars Odyssey, Trace Gas Orbiter, Mars Orbiter Mission, MAVEN-1, MRO, Mars Express, частные проекты Mars One, Inspiration Mars, план по заселению Марса Илона Маска) и пр.

Актуален вопрос о распространении суверенитета сопредельных государств на арктические территории. Долгое время здесь действовал секторальный подход. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, в которой Россия участвует с 1997 года, обозначила международно-конвенционный принцип, что дезавуировало суверенные права нашего государства на «часть национального арктического сектора с Северным полюсом во главе, установленные в результате фактического владения и закрепленные целым рядом нормативно-правовых актов» [22, с. 225]. Дискуссия арктических держав в отношении суверенных прав на часть территории Арктики сохраняет свою остроту [2]. Кроме того, по мере развития технологий освоения Антарктики прогнозируются претензии на территориальный суверенитет в ней [22, с. 228], предпосылкой чего является пробельность Договора об Антарктике 1959 года, который не оговаривает «статус этой территории как зоны “правового вакуума”, полностью свободной от претензий того или иного государства на установление правовых границ» [22, с. 228].

Государственный суверенитет и международное право

В международном праве суверенитет государства является одним из общепризнанных принципов, хотя документально не закреплён. В Уставе ООН (ст. 2) включён принцип суверенного равенства государств и оговорено, что этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании гл. VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии».

Суверенитет неизбежно ограничивается в условиях участия государства в международных организациях, когда они принимают на себя определённые международные обязательства, оказывающие влияние на внутреннюю жизнь страны, национальное законодательство и правовую систему в целом. Согласно ст. 79 Конституции Россия может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами РФ, если это не влечёт за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя РФ. Стоит оговориться, что передача части полномочий межгосударственным объединениям не тождественна передаче части суверенитета: «именно благодаря ему Российская Федерация может в любое время вернуть себе такие полномочия» [13, с. 28] (первичность суверенных прав). Иными словами, здесь проявляется самостоятельность и независимость государственной власти в международных отношениях. Однако передавая часть своих полномочий межгосударственным объединениям, государства приобретают «легальные способы решения общих вопросов мирового развития» [25, с. 64] (таких как противодействие коррупции, терроризму, отмыванию доходов, полученных преступным путём, экологическим, экономическим, эпидемиологическим и тому подобным вызовам и кризисам и пр.). В рамках конституционных преобразований 2020 года в ст. 79 Конституции РФ была внесена поправка, согласно которой был утверждён приоритет норм Основного закона нашей страны над нормами международного права (правовой суверенитет), что гарантирует реальное утверждение государственного суверенитета [27, с. 88–99].

Своеобразным ограничением суверенитета государства выступает действие экстерриториальных режимов. Частным случаем является санкционирование государством применения на своей территории иностранного законодательства, что имеет место при регламентации частноправовых отношений с иностранным элементом [17, с. 26–27], то есть в тех отношениях, основным методом правового регулирования которых выступает диспозитивный метод. Решение проблемы конфликта гражданско-правовых законов страны суда и государства, к которому относится тот или иной иностранный элемент, содержится в вырабатываемых национальным правовым порядком коллизионных нормах, указывающих, какой материально-правовой закон подлежит применению к соответствующему отношению [17, с. 156]. В целях эффективной защиты прав участников трансграничных отношений и расширения международных хозяйственных связей государства добровольно ограничивают свой суверенитет и иным образом, допуская

исполнение иностранных судебных решений в своей юрисдикции. Ограничением действия коллизии нормы, которая может отсылать к иностранному закону, служат оговорка о публичном порядке, а также применение принципа взаимности и сверхимперативных норм (норм непосредственного применения). Границы исполнения иностранных судебных решений очерчивает соблюдение правила о непротиворечии иностранных судебных решений публичному порядку государства, где испрашивается их исполнение, а также применение принципа взаимности [6, с. 190–196].

Интеграционные процессы обуславливают передачу некоторых суверенных полномочий на надгосударственный уровень, что хорошо видно на примере Европейского союза, где функционируют самостоятельные институциональные органы (Европейский Парламент, Комиссия, Счетная палата и Центральный банк, Совет и Суд ЕС), сложилась система наднационального права, включающая нормы первичного (учредительные договоры) и вторичного права (акты институтов ЕС). Некоторые авторы в этом отношении говорят о становлении сетевого сверхгосударства, целенаправленно подавляющего национальное государство [23, с. 99].

Одним из основных неотъемлемых элементов интеграционных процессов выступает межгосударственная координация в сфере права (сближение правовых систем), идеальным воплощением которой является формирование единого правового пространства [5, с. 3]. В отличие от интернационализации (европеизации, американизации) права, отличающейся стихийностью взаимовлияния и взаимопроникновения систем национального права, сближение правовых систем в рамках правовой интеграции является организованным, упорядоченным процессом сотрудничества государств, направленным на содействие эффективному функционированию и взаимному сопряжению национальных правовых порядков [5, с. 10]. Способами сближения правовых систем являются унификация и гармонизация, отличия которых заключаются в степени идентичности созданных правовых предписаний. Посредством этих способов вырабатываются международные правовые стандарты, соответствие которым национального законодательства и национально-государственных институтов играет важную роль в расширении международного сотрудничества, интеграции государств, глобализации. Международное право программирует поведение государств, оказывает влияние на их внутреннее законодательство и правоприменительную практику.

Неизбежны и риски реализации международных стандартов. Так, примат института прав и свобод человека и гражданина над государственным суверенитетом, провозглашаемый международными организациями и соответствующими документами, создает угрозу всеобщей гуманитарной интервенции и неоправданных вмешательств международного сообщества во внутренние дела государств.

Векторы трансформации понятия и содержания государственного суверенитета в современном мире

В современных условиях сформировались два противоречивых вектора — курс на «обеспечение суверенных прав государства в условиях расширения сфер международного сотрудничества» и, напротив, «признание понятий “суверенитет” и “государство-нация” устаревшими, переход к доминированию международных институтов и наднациональных структур» [25, с. 64].

Отдельные авторы пишут о «пост-суверенном мировом порядке» и трансформации роли государства в современном мире [20, с. 45–46], отрицают необходимость существования такой категории [28, с. 146; 30, с. 4], обосновывают тенденцию преодоления национального государства и любых форм политической социализации [26, с. 225–229]. По мнению других, понятие суверенитета под воздействием кризиса международных отношений, основанных на Вестфальских принципах, размывается, что обозначается как *Westfailure* (провал Вестфальских принципов) [34, р. 345–354], а абсолютный внешний суверенитет государства в современных условиях невозможен.

Конец эпохи модели суверенного государства связывается с обострением национальных и этнических проблем, функциональными изменениями государственной территории как основы власти, включением государств в «надгосударственные глобальные и региональные организационные системы» [10, с. 7–8].

Усиливается экономическая, политическая, информационная взаимозависимость государств [24, с. 190]. В связи с этим формируются концепции «открытого общества» [4], «сетевого общества» [12]. Ввиду заявляемой неспособности национальных государств обеспечить эффективное управление в условиях глобализации высказываются предложения о введении ограничений суверенитета, института международного контроля, основанного на сетевом принципе [15]. Формируется новая постпозитивистская концепция суверенитета, основанная на отказе от института государственности, передаче управления наднациональным структурам: транснациональным, межправительственным и неправительственным институтам [32; 35, р. 853], зарождении глобального административного пространства и глобального управления [25, с. 74]. В противовес закрытой политике, основанной на принципе национально-государственного суверенитета, ставится открытая политика, в основе которой супра- и субнациональная взаимозависимость [11]. Однако при формулировании выводов об изменении роли государства не стоит забывать о теории цикличности его развития, обоснованной еще древнегреческим историком и государственным деятелем Полибием во II веке до нашей эры [9, с. 42]. Происходящие в мире события (Брекзит, проблемы миграции, экономические санкции и пр.) демонстрируют неготовность национального суверенитета сдавать свои позиции под натиском глобализации и интеграции.

С указанными тенденциями изменения роли государства напрямую связана концепция мягкого права, или, как пишут представители науки международного

частного права, «разгосударствления» права, что выражается в усилении значения норм права негосударственного происхождения, расширении принципа автономии воли сторон трансграничных частнопроводных отношений [19, с. 9–21], а также в развитии альтернативных негосударственной и надгосударственной систем разрешения трансграничных споров [18, с. 193]. Таким образом, процессы глобализации ставят под сомнение монопольную роль государства в создании права и осуществлении правосудия [7, с. 138–161]. На передний план выходят концепты транснационального права, частного правотворчества (в международном частном праве, международном банковском праве и других отраслях) [18, с. 198].

Процессы глобализации размывают национальную и историческую идентичность государств — основу суверенитета [23, с. 100]. Одновременно обостряются национальные интересы, которые отражают стремление государств и народов сохранить свой суверенитет. Противоборство всеобщих, региональных и национальных интересов находит отражение в разных ответах и решениях проблем суверенитета. Вместе с тем обоснованные и справедливые решения надо искать в русле права. На сохранение общероссийской культурной идентичности направлены поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году. На это ориентируют и программно-стратегические документы¹.

Цифровизация и проблемы обеспечения технологического суверенитета государства

Цифровизация, ставшая одним из определяющих векторов развития государства и общества [14; 21], требует выделения нового пространственно-правового аспекта — виртуального пространства. Построенное на технологии, предполагающей преодоление любых барьеров в распространении и хранении информации, оно не имеет территориальных границ и не позволяет установить полный контроль над потоками информации. Это усложняет способность государства поддерживать свою суверенную власть [33, р. 1370]. В этой связи логична постановка вопроса об информационном (цифровом) суверенитете государства в условиях колоссальной зависимости современного общества от цифровых ресурсов [18, с. 198], его соотношении с национальным суверенитетом. Практика государств в обеспечении такого суверенитета идет по пути установления жестких ограничений (Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика) либо по пути либерализации регулирования интернета (Бразилия). В России прослеживается четкая тенденция «обособления национальных сегментов интернета в рамках государственных границ» [22, с. 41].

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>

Коренное изменение социальных и политических процессов в современных условиях ставят новые вызовы основам стратегической безопасности и стабильности существования общества и государства. Одним из таких вызовов является необходимость обеспечения технологического суверенитета государства. Этот термин изначально нашел применение в документах стратегического планирования. В общем в доктрине технологический суверенитет рассматривается как часть экономического суверенитета государства и представляет собой «достигнутый уровень реальной независимости страны в области науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов и потребностей в техносфере с учетом существующих и перспективных угроз» [3, с. 3693]. Вопросы технологического суверенитета России в активном формате стали возникать начиная с 2014 года — после введения экономических и политических санкций в отношении российского государства [31, с. 452]. В сложившихся сложных условиях перехода к новому миропорядку при сохранении традиционных, складывающихся на протяжении ряда лет угроз основным гарантом обеспечения жизнеспособности и нормального функционирования социальных и политических институтов, сохранения достаточного уровня жизни граждан является государство. В марте 2023 года Правительство РФ планирует утвердить концепцию технологического развития страны на период до 2030 года.

В качестве возможных направлений развития в юриспруденции научных подходов по обеспечению технологического суверенитета Российской Федерации возможно назвать следующие:

- повышение цифровой и информационно-правовой грамотности населения;
- изучение возможностей и перспектив решения задач обеспечения технологического суверенитета страны при помощи правовых средств;
- разработка непротиворечивого унифицированного понятийно-категориального аппарата и выделение научного института (подотрасли юридических знаний) технологического суверенитета государства;
- исследование сложившихся законодательной и правоприменительной основ обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации;
- изучение опыта правового обеспечения технологического суверенитета в зарубежных государствах;
- модернизация существующих документов стратегического планирования, определяющих технологии, обладание которыми критически важно с точки зрения национальной безопасности, а также меры по обеспечению технологического суверенитета страны, с учетом новых рисков и угроз;
- выработка коррелирующих с принятыми документами стратегического планирования юридического прогноза и концепции дальнейшего совершенствования законодательства для каждого из основных этапов достижения целей технологического развития Российской Федерации;

- расширение сферы проведения правовых экспериментов и применения специальных правовых режимов в отношении развития и внедрения критических технологий;
- создание правовых условий ведения технологического бизнеса, обеспечение повышения привлекательности отечественной юрисдикции;
- формирование эффективной правоприменительной практики реализации созданной и вновь создаваемой нормативной правовой базы стимулирования инновационной деятельности;
- укрепление межгосударственного сотрудничества в рамках региональных интеграционных союзов (ШОС, БРИКС, ЕАЭС), межгосударственное взаимодействие при подготовке кадров, в ходе научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности.

Заключение

Концепция государственного суверенитета, обоснованная в XVI–XVII веке, в последние десятилетия приобретает новое звучание, трансформируется в условиях глобализации, интеграции, цифровизации и прочих объективных и субъективных факторов, в радикальных случаях — ставится под сомнение и отрицается. Вместе с тем неизбежным является определенное ограничение изначально абсолютного суверенитета, обусловленное расширением межгосударственного сотрудничества в рамках международных правительственных организаций. Наряду с этим протекающие параллельно процессы «разгосударствления» в области регулирования трансграничных частноправовых отношений, проникновение концепта мягкого права в область международного публичного и даже внутригосударственного права, развития права открытых и сетевых обществ позволяют прогнозировать риски отчуждения, значительных ограничений и даже постепенной утраты суверенитета государствами в том виде, в котором он традиционно понимается в науках теории государства и права, конституционного и международного права. Новой тенденцией в доктрине выступает деление суверенитета на виды: экономический, правовой, политический, сетевой, цифровой, технологический и пр.

В связи с этим перед юридической наукой стоят задачи проведения комплексных, междисциплинарных исследований государства, научного обоснования активизации его роли в гармонизации экономических, социальных и политических процессов, обеспечения сохранения государственного, правового, экономического, цифрового, технологического суверенитета и национальной идентичности Российской Федерации, поддержания оптимального баланса между суверенным правопорядком и необходимостью межгосударственного сотрудничества в политической, экономической, культурной сферах, согласования национальных норм и международных стандартов, создания правовых средств предупреждения и преодоления кризисных ситуаций, угрожающих

потерей суверенитета и национальной самобытности, развития и конкретизации конституционных положений об укреплении суверенитета Российской Федерации, разработки доктринальных концепций сохранения суверенитета в условиях функционирования международных центров принятия решений.

Список источников

1. Антология мировой политической мысли. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция: в 5 т. / отв. ред. А. А. Миголатьев. Т. 1. М.: Мысль, 1997. 832 с.
2. Арктическое право: концепция развития / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2014. 152 с.
3. Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 10. С. 3691–3708.
4. Базедов Ю. Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права / пер. с англ. Ю. М. Юмашева. М.: Норма, 2022. 384 с.
5. Бахин С. В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 46 с.
6. Власова Н. В. Взаимность как основание признания и исполнения в России иностранных судебных решений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 190–196.
7. Войникакис Е. А. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права: сб. науч. работ. Вып. 1. М.: Изд. Воробьев А. В., 2010. С. 138–161.
8. Головина А. А. К проблеме границ правового суверенитета в космосе // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 2 (34). С. 15–22.
9. Государство в меняющемся мире: мат-лы VI Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 г.) / отв. ред. В. И. Лафитский. М.: ИЗиСП, 2012. 1120 с.
10. Деев Н. Н. 2003.04.001. Штайгер Х. Кончается ли эпоха суверенного государства? Steiger H. Geht das Zeitalter des souveränen Staates zu Ende? // Der Staat. В., 2002. Bd. 41, Н. 3. S. 331–358 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: реферативный журнал. 2003. № 4. С. 7–12.
11. Иванов Д. В. Эволюция концепции глобализации // Телескоп. 2002. № 4. С. 3–14.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т. Я. Хабриевой; обращение к читателям В. В. Путина. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2021. 368 с.
14. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП; Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с.
15. Кортунов С. В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Безопасность Евразии. 2007. № 4 (30). С. 230–261.
16. Ложковой П. Н. Суверенитет государства и планетарный характер дистанционного зондирования Земли из космоса // Современное право. 2017. № 5. С. 112–118.

17. Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
18. Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.
19. Мажорина М. В. Право на выбор неправа: как открыть ящик Пандоры с помощью *lex voluntatis* // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 12. С. 9–21.
20. Пастухова Н. Б. Проблемы государственного суверенитета. М.: Норма, 2006. 288 с.
21. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП; Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
22. Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2019. 240 с.
23. Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3 (27). С. 95–105.
24. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187–200.
25. Тихомиров Ю. А. Государство: преемственность и новизна: научное издание. М.: Юриспруденция, 2011. 80 с.
26. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Складнева. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2008. 415 с.
27. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 240 с.
28. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
29. Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 5–22.
30. Черняк Л. Ю. Теории отрицания государственного суверенитета: основные подходы // Академический юридический журнал. 2008. № 1. С. 4–12.
31. Щукина Т. В. Вопросы технологического суверенитета России: публично-правовые аспекты // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. (город Казань, 23 сентября 2022 года): в 6 т. / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. Т. 6. Казань: Познание Казанского инновационного ун-та, 2022. С. 451–461.
32. Agamben G. *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press, 1998. 110 p.
33. Johnson D. R., Post D. G. *Law and Borders – The Rise of Law in Cyberspace* // *Stanford Law Review*. 1996. Vol. 48. P. 1367–1402.
34. Strange S. *The Westfailure System* // *Review of International Studies*. 1999. № 25(3). P. 345–354.
35. *The Oxford companion to politics of the world* / ed. in chief Joel Krieger. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1993. 1056 p.

References

1. Antologija mirovoj politicheskoj my'sli: Zarubezhnaja politicheskaja mysl': istoki i jevoljucija: v 5 t. T. 1 / otv. red. A. A. Migolat'ev. M.: Mysl', 1997. 832 s.
2. Arkticheskoe pravo: koncepcija razvitija / otv. red. T. Ja. Habrieva. M.: ID «Jurisprudencija», 2014. 152 s.
3. Afanas'ev A. A. Tehnologicheskij suverenitet: k voprosu o sushhnosti // Kreativnaja jekonomika. 2022. Tom 16. № 10. S. 3691–3708.
4. Bazedov Ju. Pravo otkrytyh obshhestv — chastnoe i gosudarstvennoe regulirovanie mezhdunarodny'h otnoshenij: obshhij kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava / per. s angl. Ju. M. Jumasheva. M.: Norma, 2022. 384 s.
5. Bahin S. V. Sotrudnichestvo gosudarstv po sblizheniju nacional'ny'h pravovyh sistem (unifikacija i garmonizacija prava): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2003. 46 s.
6. Vlasova N. V. Vzaimnost' kak osnovanie priznanija i ispolnenija v Rossii inostranny'h sudebny'h reshenij // Aktual'nye problemy' rossijskogo prava. 2016. № 10. S. 190–196.
7. Vojnikakis E. A. Paradigmal'ny'j sdvig v sovremennom prave // Filosofija politiki i prava: sb. nauch. rabot. Vy'p. 1. M.: Izd. Vorob'ev A. V., 2010. S. 138–161.
8. Golovina A. A. K probleme granic pravovogo suvereniteta v kosmose // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2019. № 2 (34). S. 15–22.
9. Gosudarstvo v menjajushhemsja mire: mat-ly' VI Mezhdunar. shkoly-praktikuma molody'h ucheny'h-juristov (Moskva, 26–28 maja 2011 god) / otv. red. V. I. Lafitskij. M.: IZiSP, 2012. 1120 s.
10. Deev N. N. 2003.04.001. Shtajger X. Konchaetsja li jepoha suverenno go gosudarstva? Steiger H. Geht das Zeitalter des souveränen Staates zu Ende? // Der Staat. B., 2002. Bd. 41, H. 3. S. 331–358 // Social'nye i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativny'j zhurnal. 2003. № 4. S. 7–12.
11. Ivanov D. V. Jevoljucija koncepcii globalizacii // Teleskop. 2002. № 4. S. 3–14.
12. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura / per. s angl., pod nauch. red. O. I. Shkaratana. M.: GU VSHJE, 2000. 608 s.
13. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejny'j): s uchetom izmenenij, odobrenny'h v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 goda / pod red. T. Ja. Habrievoj; obrashhenie k chitateljam V. V. Putina. M.: IZiSP; INFRA-M, 2021. 368 s.
14. Koncepcija cifrovogo gosudarstva i cifrovoj pravovoj sredy': monografija / pod obsh. red. N. N. Chernogora, D. A. Pashenceva. M.: IZiSP; Norma: INFRA-M, 2021. 244 s.
15. Kortunov S. V. Krushenie Vestfal'skoj sistemy i stanovlenie novogo mirovogo porjadka // Bezopasnost' Evrazii. 2007. № 4 (30). S. 230–261.
16. Lozhkovej P. N. Suverenitet gosudarstva i planetarny'j karakter distancionnogo zondirovanija Zemli iz kosmosa // Sovremennoe pravo. 2017. № 5. S. 112–118.
17. Lunc L. A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: V 3 t. M.: Spark, 2002. 1007 s.
18. Mazhorina M. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v uslovijah globalizacii: ot razgosudarstvlenija k fragmentacii // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly' jekonomiki. 2018. № 1. S. 193–217.
19. Mazhorina M. V. Pravo na vy'bor neprava: kak otkry't' jashhik Pandory s pomoshh'ju lex voluntatis // Lex russica. 2021. T. 74. № 12. S. 9–21.
20. Pastuhova N. B. Problemy' gosudarstvennogo suvereniteta. M.: Norma, 2006. 288 s.
21. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaja A. A. Smena tehnologicheskikh ukkladov i pravovoe razvitie Rossii: monografija. M.: IZiSP; Norma; INFRA-M, 2021. 184 s.

22. Pravovoe prostranstvo: granicy i dinamika: monografija / otv. red. Ju. A. Tihomirov. M.: IZiSP; INFRA-M, 2019. 240 s.
23. Sajamov Ju. N. Vestfal'skij mir i ego principy` vchera i segodnja // Vek globalizacii. 2018. № 3 (27). S. 95–105.
24. Terent`eva L. V. Konceptija suvereniteta gosudarstva v uslovijah globalizacionny`h i informacionno-kommunikacionny`h processov // Pravo. Zhurnal Vy`sšej shkoly` jekonomiki. 2017. № 1. S. 187–200.
25. Tihomirov Ju. A. Gosudarstvo: preemstvennost` i novizna: nauchnoe izdanie. M.: Jurisprudencija, 2011. 80 s.
26. Habermas Ju. Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoj teorii / per. s nem. Ju. S. Medvedeva; pod red. D. V. Skljadneva. 2-e izd., ster. SPb.: Nauka, 2008. 415 s.
27. Habrieva T. Ja., Klishas A. A. Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 goda № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovanija otdel`ny`h voprosov organizacii i funkcionirovanija publichnoj vlasti». M.: Norma; INFRA-M, 2020. 240 s.
28. Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii / per. s angl. pod red. V. L. Inozemceva. M.: Kul`turnaja revoljucija, 2006. 559 s.
29. Chernogor N. N., Emel`janov A. S. Prostranstvenno-pravovaja matrica sovremennoj Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 5. S. 5–22.
30. Chernjak L. Ju. Teorii otricanija gosudarstvennogo suvereniteta: osnovnye podhody // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2008. № 1. S. 4–12.
31. Shhukina T. V. Voprosy` tehnologicheskogo suvereniteta Rossii: publichno-pravovye aspekty // Cifrovye tehnologii i pravo: sb. nauch. tr. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (gorod Kazan`, 23 sentjabrja 2022 goda) / pod red. I. R. Begisheva, E. A. Gromovoj, M. V. Zaloilo, I. A. Filipovoj A. A. Shutovoj. V 6 t. T. 6. Kazan`; Izd-vo Poznanie Kazanskogo innovacionnogo universiteta, 2022. S. 451–461.
32. Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998. 110 p.
33. Johnson D. R., Post D. G. Law and Borders – The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. P. 1367–1402.
34. Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies. 1999. № 25 (3). P. 345–354.
35. The Oxford companion to politics of the world / Ed. in chief Joel Krieger. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1993. 1056 p.

Статья поступила в редакцию: 07.02.2023;
одобрена после рецензирования: 23.02.2023;
принята к публикации: 25.02.2023.

The article was submitted: 07.02.2023;
approved after reviewing: 23.02.2023;
accepted for publication: 25.02.2023.

УДК 340.13

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.02

Г. М. Лановая

Московский университет МВД России
им. В. Я. Кикотя,
Москва, Российская Федерация,
lanovaya-galina@mail.ru

**ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ НОРМ ПРАВА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. Статья посвящена анализу тех наиболее явных тенденций, которые представляются значимыми для понимания особенностей трансформации системы норм права в современных условиях. При этом названные тенденции принципиально отграничиваются от общих закономерностей, которым подчинено изменение права в исторической перспективе и которые проявляются на любом этапе развития человеческого общества. Анализируя причины возникновения выявленных тенденций, автор обосновывает, что последние определены прежде всего трансформацией среды, в которой воспроизводится и функционирует право, а также в некоторой степени переменной социальных ожиданий, с реализацией которых обществом связывается мысль об инструментальной ценности норм права. Существование выявленных тенденций, в свою очередь, приводит к снижению как специально-юридической, так и социальной эффективности права. Уменьшается полезность и, как следствие, востребованность инструментального потенциала, объективно присущего нормам как правовым средствам.

Ключевые слова: нормы права; система норм права; современное право; изменение права; функционирование права; эффективное действие права.

UDC 340.13

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.02

G. M. Lanovaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation,
lanovaya-galina@mail.ru

**TRENDS IN THE SYSTEM OF LEGAL NORMS
IN MODERN CONDITIONS**

Abstract. The article is devoted to the analysis of those most obvious trends that seem significant for understanding the features of the transformation of the system of legal norms

in modern conditions. At the same time, these tendencies are fundamentally distinguished from the general patterns to which the change in law is subject in the historical perspective and which manifest themselves at any stage in the development of human society. Analyzing the reasons for the emergence of the identified trends, the author substantiates that the latter are determined primarily by the transformation of the environment in which law is reproduced and functions, as well as, to some extent, by the change in social expectations, with the implementation of which society associates the idea of the instrumental value of the rule of law. The existence of the identified trends, in turn, leads to a decrease in both the special legal and social effectiveness of law. The usefulness and, as a result, the demand for instrumental potential, which is objectively inherent in norms as legal means, are decreasing.

Keywords: rules of law; system of rules of law; modern law; change of law; functioning of law; effective operation of law.

Введение

В отечественной теории государства и права особое внимание традиционно уделяется изучению системы норм права. Это обстоятельство связано и с длительным господством нормативистского подхода к правопониманию, и с тем, что система норм права — основной компонент правовой системы общества, чутко реагирующий на любые перемены, которые происходят как в названной системе, так и во внешней по отношению к ней среде. Последнее обстоятельство делает актуальным анализ тенденций, характеризующих изменение системы норм права в современных условиях: определив их, можно лучше понять, что происходит с различными компонентами правовой системы общества и как реагирует на происходящее правовое сознание.

В поле зрения исследователей чаще всего попадают два обстоятельства — существенное увеличение массива правовых норм [3, с. 112; 15, с. 186] и появление множества новых отраслей, подотраслей и институтов права [12, с. 5, 447–448]. При этом увеличение массива правовых норм, как правило, связывают прежде всего с усложнением системы общественных отношений. Появление новых отраслей, подотраслей и институтов воспринимается в качестве закономерного следствия увеличения массива правовых норм и включения в предмет правового регулирования принципиально новых по своему характеру отношений.

Однако важно понимать, что сами по себе ни увеличение количества правовых норм, ни усложнение системы отраслей и институтов права не могут считаться тенденциями, понимание которых дает возможность разобраться в специфике тех трансформаций, которые претерпевает право именно в современных условиях.

В любом человеческом обществе объем социальных отношений и их разнообразие в исторической перспективе увеличиваются. В условиях, когда появляется множество новых отношений, которые воспринимаются в качестве нуждающихся в упорядочении посредством права, увеличение числа правовых норм и усложнение их системы оказываются неизбежными. В этой связи в указанных процессах следует усматривать не современные тенденции изменения

системы норм права, а проявление общих эволюционных закономерностей, как это делает Т. В. Кашанина [7, с. 44–45].

Также важно принимать во внимание, что и существенное увеличение массива правовых норм, и появление множества новых отраслей, подотраслей и институтов права — это процессы, указывая на которые мы констатируем наличие лишь количественных изменений в системе норм права. Однако сложно допустить мысль о том, что в условиях, когда во всех сферах жизни общества происходят ранее невиданные по своим масштабам и темпам трансформации, система норм права не претерпевает — наряду с количественными — качественных изменений. А если качественные изменения все же имеют место, то возникает вопрос: каковы они? И свидетельствуют ли существующие тенденции о том, что система норм права меняется к лучшему, что нормы права становятся более эффективными в реализации своего инструментального назначения?

Методы

Методологически статья основана на социологическом подходе к пониманию права, предполагающем признание многообразия форм существования права, несводимости последнего только лишь к нормам, установленным государством. В этой связи в ходе проведения исследования использовались прежде всего компоненты социологической методологии, а также совместимые с ней элементы других методологических подходов: диалектического, исторического, системного, формально-логического. Наряду с общенаучными использовались частнонаучные методы исследования, выработанные теорией государства и права.

Основная часть

Представляется, что важной тенденцией изменения системы норм права в современных условиях является, во-первых, то, что увеличение массива правовых норм происходит быстрее, чем растет число общественных отношений, требующих правового регулирования.

Основным источником появления правовых норм как общеобязательных, формально определенных правил поведения является правотворческая деятельность государства. Последнее, будучи политической организацией общества, в силу своей природы стремится охватить своей властью как можно больше аспектов общественной жизни, сделать регламентацию отношений более детальной и конкретной. В доцифровую эпоху естественным ограничителем нормотворческих усилий субъектов, обладающих властными полномочиями, является то, что любое правотворческое решение необходимо принять, оформить в установленном порядке и транслировать, что подразумевает довольно большой объем работы

по созданию, редактированию и обработке документов. Таким образом, система норм права увеличивается в объеме или с той же скоростью, с какой меняются общественные отношения, либо — чаще — гораздо медленнее. Применение современной цифровой техники, текстовых редакторов, баз данных и множества других инструментов позволяет субъектам, наделенным правотворческими полномочиями, решать технические по своему характеру задачи гораздо быстрее, чем это было возможно, например, в эпоху печатных машинок. Поскольку технологические ограничения для нормотворчества практически полностью снимаются, закономерно происходит увеличение темпов разрастания массива правовых норм.

Следствием того, что в условиях развития цифровых и иных информационных технологий скорость приращения норм существенно возрастает в сравнении с тем, с какой скоростью растет объем регулируемых ими общественных отношений, становится избыточность нормативного массива, негативно сказывающаяся на правореализационной практике и на восприятии права массовым правосознанием.

Во-вторых, увеличение количества норм, устанавливаемых государством, вызывает по принципу обратной связи разрастание того массива, который принято называть негосударственным правом. Последнее настолько сильно увеличивается в объеме, что оказывается уже невозможным игнорировать не только гипотетическую возможность его существования, но и его реальное влияние на правовую практику.

Примечательно в этом плане то, что еще тридцать лет назад правовыми не признавались никакие другие нормы, кроме устанавливаемых государством юридических правил или стихийно складывающихся обычаев, приобретающих правовое значение в силу их санкционирования государством. Любые другие нормы если и маркировались в качестве правовых, то при этом рассматривались как оказывающие влияние на правоотношения и правовую практику опосредованно, за счет преломления в нормах государственного права (в частности, нормы естественного права, даже тогда, когда их существование признавалось не методологическим допущением, а фактом социальной действительности, воспринимались прежде как то, что позволяет «увидеть... предосновы права» [1, с. 26]). Сегодня о существовании норм негосударственного права говорят все более смело: предметом изучения становятся и сам феномен множественности форм права [4, с. 65–71; 10, с. 49–74; 11, с. 5–23], и отдельно взятые формы негосударственного права [2, с. 5–25; 5, с. 155–166; 6, с. 460–518].

Ощутимое увеличение количества норм негосударственного права в современных условиях компенсирует разрастание массива норм государственного права, и этим определяется то, что процесс юридизации права не приводит к его полному огосударствлению. Несмотря на увеличение массива норм государственного права, снижается давление последнего на участников правоотношений там, где их поведение регламентируется диспозитивно и правила устанавливаются государственно-властным порядком именно для тех случаев, которые не урегулированы самими участниками отношений.

Наиболее ярко рассматриваемая тенденция проявляется в корпоративном (внутрифирменном) праве, в котором объем формальных норм, устанавливаемых властным порядком (официальным руководителем корпорации или командой, осуществляющей руководство ею) и получающих документальное оформление, оказывается весьма значительным. Серьезное увеличение массива норм корпоративного (внутрифирменного) права связано не только с тем, что использование современных информационных технологий позволяет тратить меньше усилий на их продуцирование. Корпоративное право становится чрезвычайно востребованным в силу того, что сохраняет для участников формальных и неформальных социальных групп возможность согласовывать требования государственного права с собственными интересами, создавать такие правовые механизмы, которые бы обеспечивали реализацию всех общеобязательных государственно-властных норм с наименьшими для себя потерями либо позволяли бы исполнять их лишь формально.

Важно подчеркнуть, что в ситуации увеличения массива норм как государственного, так и негосударственного права они в своей совокупности не составляют целостной, внутренне непротиворечивой системы. В условиях постоянного изменения содержания норм государственного права приведение в соответствие с ними норм негосударственного права даже там, где оно возможно, оказывается труднорешаемой задачей.

В-третьих, несмотря на то что увеличение массива правовых норм происходит быстрее, чем растет объем требующих правового регулирования общественных отношений, процесс изменения системы норм права тем не менее протекает гораздо медленнее изменения общественных отношений. При этом, следует подчеркнуть, сказанное в полной мере относится и к нормам права, устанавливаемым волей государства, и к нормам негосударственного права.

Что касается государственного права, то изменения в его нормативном массиве не успевают за развитием отношений во многом в силу того, что процесс оформления властных решений в нормативно-правовые предписания, несмотря на все технологические усовершенствования, остается длительным. При этом возможности для его существенного упрощения отсутствуют в силу того, что почти любое упрощение способно негативно повлиять на легитимность устанавливаемых государством юридических требований.

Попытки изменить ситуацию приводят к актуализации научного прогнозирования и стратегического планирования. Однако пока их механизмы недостаточно эффективны. Во-первых, большинство сфер, охватываемых правовым регулированием, имеет множество сценариев развития. Во-вторых, реальные процессы все равно зачастую развиваются быстрее, чем принимаемые на основе результатов прогнозирования нормативные решения успевают сформировать устойчивую правовую практику. В-третьих, как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, «пока явно не хватает эффективных и новых инструментов познания окружающей действительности. И хотя они вроде бы есть, их использование не позволяет предвидеть ход процессов и своевременно влиять

на последних в нужных направлениях <...> достаточно назвать экономические и финансовые кризисы, пандемию COVID-19, обострение проблем сохранения климата, социальные и политические потрясения» [16, с. 9].

Что касается негосударственного права, то отбор моделей поведения, которые подтверждают свою полезность и целесообразность и в этой связи могут стать правовыми нормами, является во временном плане процессом, еще более длительным, чем правотворчество органов государства. Он предполагает, с одной стороны, осознание ценности и целесообразности новых моделей поведения, с другой стороны, их освоение через осмысление собственного опыта правозначимой деятельности и наблюдение за другими людьми. И первое, и второе требуют времени.

В-четвертых, приращение нормативного массива в современных условиях происходит в основном за счет норм, предельно конкретных, охватывающих своим регулированием узкий круг качественно однородных общественных отношений. Это объясняется не только стремлением решать возникающие проблемы точно, сохраняя стабильность системы права в целом и используя привычный правовой инструментарий, но и значимостью для правосознания современного человека таких установок, как формализм и рационализм.

При этом важно понимать, что в условиях, когда развитие отношений происходит так быстро, как сейчас, значимость норм, за счет которых в основном приращивается рассматриваемая нами система, снижается и, наоборот, складываются предпосылки для увеличения роли в механизме правового регулирования отношений тех норм общего характера, которые принято называть нетипичными, нестандартными, вспомогательными [14, с. 24] (норм-принципов, декларативных и дефинитивных норм и др.). Такие нормы, носящие установочный и/или ориентирующий характер, задают лишь наиболее общие параметры регулирования отношений и поэтому медленнее устаревают.

В ситуации, когда вторичные пробелы в праве возникают быстрее, чем осуществляющие нормотворчество субъекты успевают их заполнять, нормы общего характера оказываются необходимым элементом системы правового регулирования, а их эффективное применение — тем стабилизирующим фактором, который позволяет упорядочивать отношения в условиях отсутствия конкретных предписаний субъектам, поведение которых регулируется правом. В частности, нормы-принципы играют важную роль в принятии правоприменителем решений в проблемных ситуациях, когда типичные, конкретные нормы, определяющие, как следует поступать, отсутствуют, а отказать в принятии решения на этом основании невозможно.

В-пятых, еще одной значимой тенденцией изменения системы норм права в современных условиях является, с одной стороны, гуманизация правовых норм общеустановочного характера (прежде всего, норм-принципов), с другой стороны, дегуманизация регулятивных и охранительных норм, составляющих основной объем нормативного массива.

Типичным является утверждение о том, что глобальная компьютеризация «таит в себе опасность утраты диалогичности в общении с другими людьми»

и, как следствие, порождает «дефицит человечности» [9, с. 175]. Но не только компьютеризация становится причиной наблюдаемой дегуманизации регулятивных и охранительных норм права. Источником возникновения проблем прежде всего является то, что происходит с самим человеком, каким образом изменяется его место в социуме.

В условиях крайнего индивидуализма и эгоизма человека, сопровождающих его постепенную десоциализацию в условиях цифровизации и виртуализации отношений, актуальной для современного общества проблемой становится не защита свободы индивида правовыми средствами, а ограничение той меры свободы, которая определена человеком для самого себя и отстаивается им. Реальность обозначенной проблемы подтверждается тем, какую актуальность в современных условиях приобретают проблемы, связанные с предупреждением обратной дискриминации и с защитой от злоупотребления субъективными правами.

Бесспорно, дегуманизация права не может быть провозглашена принципом правового регулирования и закреплена на уровне норм общеустановочного характера. Приверженность правам человека по-прежнему воспринимается в качестве одного из основных принципов права и остается критерием позитивной оценки современного государства как правового. Поэтому рассматриваемая тенденция обнаруживается именно на уровне регулятивных и охранительных норм, устанавливающих конкретные правила поведения участников правоотношений, в то же время на уровне норм общеустановочного характера гуманизм по-прежнему провозглашается одним из основных принципов права.

В-шестых, значимой тенденцией становится постепенная утрата системой норм права функциональности. По мере усложнения названной системы увеличивается количество сбоев в процессе правореализации, а право все чаще демонстрирует свою неэффективность там, где его инструментарий применяется для решения актуальных для общества задач.

Конечно, для любой системы характерно то, что чем более сложной она становится, тем меньшей оказывается ее надежность. Увеличение количества элементов и уровней означает повышение вероятности выхода из строя какого-либо из них и, как следствие, снижение вероятности бесперебойного, безотказного функционирования системы. Кроме того, увеличение количества элементов в системе означает усложнение связей между ними, что не только увеличивает вероятность сбоев в ее функционировании, но и делает более сложным устранение проблем, появляющихся там, где между элементами возникает связь по типу препятствования или несовместимости.

Однако увеличение количества сбоев в процессе функционирования системы норм права в современных условиях связано не только с существованием указанных закономерностей, но и с тем, что разрастание массива правовых норм означает возникновение для их адресатов переизбытка правовой информации.

Связующим звеном между нормой и ее реализацией выступает правосознание. К сожалению, развитие технологий, увеличивая производительность

субъектов правотворчества, не влияет на способность человеческого мозга обработать, усвоить то количество нормативной информации, которое в результате образуется. Как следствие, современный человек оказывается не способным подстроиться под требования современного права, обеспечить строгое и неуклонное следование им даже тогда, когда он этого желает. Недовольство этой ситуацией способствует снижению авторитета действующего права, что само по себе оказывается фактором, негативно сказывающимся на способности норм права эффективно функционировать.

Обозначенная проблема оказывается ощутимой не только для субъектов права, выступающих адресатами правовых норм, но и для правоприменителей. С одной стороны, правоприменителям оказывается сложно сориентироваться в тех требованиях, которые предъявляются к ним действующим правом, а следовательно, и реализовать их. С другой стороны, они часто сталкиваются не только с необходимостью реализовать то или иное обязательное для них нормативное правовое предписание, но и с прессингом выбора. Нередко должностное лицо, наделенное правоприменительными полномочиями, просто теряется во множестве вариантов, которые предлагают ему действующие правовые нормы.

Широкое распространение получают коллизии в правореализационной практике. Например, обнаруживается несогласованность по содержанию, противоречивость государственно-властных актов индивидуального характера, например постановлений судебных органов одного уровня, вынесенных по аналогичным делам в разных регионах страны, административной практики региональных органов исполнительной власти.

Самостоятельной проблемой оказывается то, что в условиях быстрого изменения общественных отношений нормы права в той роли, которая определена самой природой права, перестают быть столь востребованными, как ранее. Норма права является инструментом консервирования наиболее целесообразных отношений: закрепляя определенные требования к содержанию и/или форме отношений в качестве общеобязательных, правовые нормы тем самым обеспечивают их сохранение и устойчивое воспроизводство в неизменном виде на протяжении длительного времени. Однако в современных условиях консервирование перестает быть тем универсальным механизмом, который позволяет эффективно решать проблемы, с которыми сталкиваются участники социального взаимодействия. Актуальной для общества проблемой становится уже не консервирование наиболее целесообразных отношений, а управление их динамикой, поскольку лишь динамика отношений сегодня оказывается тем, что остается неизменным. В то же время как раз для управления динамикой отношений нормы права в силу самой природы права оказываются не вполне пригодными.

В-седьмых, поскольку правовые нормы ценны не сами по себе, а способностью быть инструментами реализации специально-юридических и общесоциальных функций права, снижение эффективности норм права как таких инструментов приводит к актуализации проблемы обеспечения реального

осуществления нормативно-правовых требований. В силу этого в системе норм права существенно увеличивается количество таких специфических норм, как нормы-гарантии.

Названные нормы, имея своим назначением не формализацию принципиально новых субъективных прав и юридических обязанностей, а создание дополнительных специальных механизмов — механизмов правового гарантирования, — заключают в себе предписания, реализация которых, как предполагается, призвана обеспечивать беспрепятственное осуществление притязаний управомоченных субъектов, а в случае необходимости — защиту прав. Вместе с тем в действительности нормы-гарантии, которыми активно приращивается массив правовых норм в современных условиях, оказываются прежде всего инструментами, используемыми для приведения в действие самого права. В этом смысле показательным, например, является то, что в специальной литературе констатируется наличие норм-гарантий, задача которых состоит в обеспечении законной реализации материальных и даже других процессуальных норм [13, с. 145].

К сожалению, в реальности нормы-гарантии не позволяют решить проблему снижения эффективности норм права. Правовое гарантирование предполагает «перераспределение риска негативных правовых последствий отклонения от идеальной модели правоотношения таким образом, чтобы он лежал на гаранте, а не на лицах, для которых наличие данного отношения предполагает существование и реализацию субъективных прав» [17, с. 11]. Однако в современных условиях такое перераспределение риска мало что дает для устранения факторов, вследствие которых эффективность действия права снижается.

В-восьмых, увеличение количества норм-гарантий коррелирует с еще одной явной тенденцией — увеличением числа процедурно-процессуальных норм, которое приводит к еще большему усложнению системы норм права и ее дальнейшей формализации.

С увеличением числа процедурно-процессуальных норм право становится все менее доступным для обывателей, все больше затрудняется правореализация, по крайней мере осуществление предписаний правовых норм в таких формах, как исполнение, соблюдение и использование. Несмотря на то что правовых норм становится все больше, их востребованность снижается. Многие отношения оказываются правовыми случайно, вследствие того что попадают в предмет правового регулирования, а не в силу того, что целенаправленно конструируются на основе правовых норм, с учетом заключенных в них требований. В описываемых условиях повышается значимость контроля над развитием правоотношений со стороны государства. Возникают предпосылки для смещения правореализации в сферу профессионального правоприменения.

Когда нормы права изначально предназначаются для их осуществления посредством правоприменения, наблюдается процесс профессионализации не только правореализации, но и самого права. При этом профессионализация норм права не только делает их понимание доступным лишь для лиц, имеющих

специальное юридическое образование и навыки правоинтерпретации; «профессионализируясь, правовые нормы все более удаляются от иных социальных регуляторов не только по форме, но и по содержанию» [8, с. 104].

Выводы

Принимая во внимание изложенное, можно утверждать, что в современных условиях система норм права претерпевает не только количественные, но и качественные изменения. Качественные изменения в рассматриваемой системе часто не привлекают внимание исследователей, поскольку они не связаны с таким переходом названной системы в новое состояние, которое можно было бы считать ее развитием.

И количественные, и качественные изменения в системе норм права обусловлены реакцией данной системы на трансформации, происходящие во внешней для нее среде. Однако, отвечая собственными изменениями на перемены в среде своего существования, система норм права тем не менее оказывается неспособной обеспечить в своем функционировании устранение тех проблем, надежду на решение которых связывает с ними общество. С одной стороны, она оказывается недостаточно эффективной в решении актуальных для общества задач; с другой стороны, развертывание инструментального потенциала, объективно заложенного в нормах права, перестает быть востребованным. Парадоксальным образом система норм современного права оказывается не вполне соответствующей запросам и надеждам человека, общества и государства.

Список источников

1. Алексеев С. С. Философия права // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. С. 7–320.
2. Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород: НА МВД России, 2002. 165 с.
3. Беляев М. А. Коллизионность права с точки зрения системного подхода: эпистемологический аспект // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 106–113.
4. Гарашко А. Ю. Взаимодействие государственного и общественного права как предпосылка мутуализма в правовом регулировании // История государства и права. 2020. № 4. С. 65–71.
5. Глухарева Л. И., Земскова П. Е., Калина В. Ф. и др. Социогуманитарные смыслы и значение права. М.: РУСАЙН, 2019. 254 с.
6. Кашанина Т. В. Структура права. М.: Проспект, 2013. 584 с.
7. Кашанина Т. В. Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 44–53.
8. Кравченко А., Мамычев А. Феномен бюрократизации права: постановка проблемы // Власть. 2019. № 3. С. 102–104.
9. Лазар М. Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 170–181.

10. Малахов В. П. Общая теория права и государства: к проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. 144 с.
11. Палазян А. С. Критерии различения форм современного права // Проблемы развития государства и права в современном Российском обществе: сб. науч. ст. Вып. VIII. Современное Российское государство: движущие силы и тенденции развития. М.: МосУ МВД России, 2007. С. 5–23.
12. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2015. 505 с.
13. Поникаров В. А. Классификация норм-гарантий в административно-юрисдикционной деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2006. № 8. С. 145–150.
14. Рыбаков В. А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3 (36). С. 24–29.
15. Сехин И. В. Плотность нормативно-правового регулирования: понятие и шкала оценки // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 186–189.
16. Тихомиров Ю. А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 5–13.
17. Цыганкова Я. В. Природа и механизм правового гарантирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2018. 32 с.

References

1. Alekseev S. S. *Filosofiya prava* // *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 7. Filosofiya prava i teoriya prava*. М.: Statut, 2010. S. 7–320.
2. Baranov V. M. *Tenevoe pravo*. N. Novgorod: NA MVD Rossii, 2002. 165 s.
3. Belyaev M. A. *Kollizionnost` prava s toчки zreniya sistemnogo podxoda: e`pistemo-logicheskij aspekt* // *Yuridicheskaya texnika*. 2017. № 11. S. 106–113.
4. Garashko A. Yu. *Vzaimodejstvie gosudarstvennogo i obshhestvennogo prava kak predposy`lka mutualizma v pravovom regulirovanii* // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2020. № 4. S. 65–71.
5. Gluxareva L. I., Zemskova P. E., Kalina V. F. i dr. *Sociogumanitarny`e smy`sly` i znachenie prava*. М.: RUSAJN, 2019. 254 s.
6. Kashanina T. V. *Struktura prava*. М.: Prospekt, 2013. 584 s.
7. Kashanina T. V. *E`volyucionny`e zakonomernosti prava* // *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava*. 2017. № 12. S. 44–53.
8. Kravchenko A., Mamy`chev A. *Fenomen byurokratizacii prava: postanovka problemy`* // *Vlast`*. 2019. № 3. S. 102–104.
9. Lazar M. G. *Cifrovizaciya obshhestva, ee posledstviya i kontrol` nad nasele-niem* // *Problemy` deyatel`nosti uchenogo i nauchny`x kollektivov*. 2018. № 4 (34). S. 170–181.
10. Malaxov V. P. *Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: k probleme pravoponimaniya*. М.: YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2013. 144 s.
11. Palazyan A. S. *Kriterii razlicheniya form sovremennogo prava* // *Problemy` razvitiya gosudarstva i prava v sovremennom Rossijskom obshhestve: sb. nauch. st. Vy`p. VIII. Sovremennoe Rossijskoe gosudarstvo: dvizhushhie sily` i tendencii razvitiya*. М.: MosU MVD Rossii, 2007. S. 5–23.

12. Petrov D. E. *Differenciaciya i integraciya strukturny`x obrazovaniy sistemy` prava: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01. Saratov, 2015. 505 s.*

13. Ponikarov V. A. *Klassifikaciya norm-garantij v administrativno-yurisdikcionnoj deyatel`nosti ugovovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2006. № 8. S. 145–150.*

14. Ry`bakov V. A. *Netipichny`e normy` prava // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2013. № 3 (36). S. 24–29.*

15. Sexin I. V. *Plotnost` normativno-pravovogo regulirovaniya: ponyatie i shkala ocenki // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 25. № 4. S. 186–189.*

16. Tixomirov Yu. A. *Formula pravovogo vozdejstviya // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. S. 5–13.*

17. Cygankova Ya. V. *Priroda i mexanizm pravovogo garantirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. M., 2018. 32 s.*

Статья поступила в редакцию: 10.02.2023;
одобрена после рецензирования: 26.02.2023;
принята к публикации: 29.02.2023.

The article was submitted: 10.02.2023;
approved after reviewing: 26.02.2023;
accepted for publication: 29.02.2023.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.03

И. Б. Ломакина

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
lomakina7311@gmail.com

ПОНИМАНИЕ ВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В АГРОГИДРАВЛИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К. А. ВИТТФОГЕЛЯ

Аннотация. Статья посвящена пониманию восточной государственности в агро-деспотической концепции К. А. Виттфогеля. Отмечается, что восточная государственность представляет собой особый тип государственности, который не связан с формированием частной собственности и развитием моногамного брака. Данный тип государственности был историчен и имел свою внутреннюю логику развития. Эта внутренняя логика развития была обусловлена материальными условиями жизни и ментальностью народа. Восточная государственность в агрогидравлической концепции К. А. Виттфогеля выглядит чрезмерно демонизированной. В статье доказывается, что выводы, к которым пришел ученый, недостаточно аргументированы и не выдержали проверки временем. Хотя исходные предпосылки формирования государственности на Востоке Виттфогелем были обозначены верно. В данной статье предлагается преодоление идеологических штампов и клише ориенталистского дискурса. Доказывается, что, существуя тысячелетиями, восточная государственность сегодня демонстрирует удивительный созидательный потенциал и современный Китай тому яркое подтверждение.

Ключевые слова: агрогидравлический деспотизм; азиатский способ производства; восточная деспотия; государственность, рабовладение; ориенталистский дискурс.

UDC 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.03

I. B. Lomakina

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russian Federation,
lomakina7311@gmail.com

UNDERSTANDING EASTERN STATEHOOD IN THE AGRO-HYDRAULIC CONCEPT OF K. A. WITTFOGEL

Abstract. The article is devoted to the understanding of Eastern statehood in the agro-despotic concept of K. A. Wittfogel. It is noted that Eastern statehood is a special type of statehood, which is not associated with the formation of private property and the development of monogamous marriage. This type of statehood was historical and had its own internal logic

of development. This internal logic of development was determined by the material conditions of life and the mentality of the people. Eastern statehood in the agro-hydraulic concept of K. A. Wittfogel looks overly demonized. The article proves that the conclusions reached by the scientist are insufficiently substantiated and have not stood the test of time. Although, the initial prerequisites for the formation of statehood in the East were identified by Wittfogel, right. This article proposes to overcome the ideological clichés and clichés of Orientalist discourse. It is proved that, having existed for millennia, the eastern statehood today demonstrates an amazing creative potential and modern China is a vivid confirmation of this.

Keywords: agro-hydraulic despotism; Asian way of production; eastern despotism; statehood; slavery; orientalist discourse.

Введение

Ирригационная теория происхождения государства в западном политико-правовом дискурсе обычно связана с именем Карла Августа Виттфогеля (1896–1988). К. А. Виттфогель действительно создал весьма оригинальную гидравлическую концепцию, объясняющую причины возникновения государственности на Востоке. Начатая с марксистских позиций о производительных силах, его агрогидравлическая концепция со временем эволюционировала в сторону изучения надстроечных явлений (политики, социальных институтов) и предстала в законченном виде в книге «Oriental despotism: a comparative study of total power» (Wittfogel, 1957) [14].

После своего выхода данная работа вызвала бурную полемику, в которой принимали участие ученые всего мира, а не только США и Европы. К. Р. Галеев в своей фундаментальной статье по историографии данного вопроса приводит исчерпывающий список иностранных источников, посвященных анализу творчества К. А. Виттфогеля [3]. Работа была переведена на японский, немецкий, французский, испанский и итальянский языки. Выступая в качестве обвинителя марксизма, он стал одним из идеологов холодной войны, в которой восточные деспотии, к коим он относил и СССР, и Китай должны были непременно сойти с авансцены истории. Поэтому совсем не удивительно, что на работу К. А. Виттфогеля советские цензоры наложили табу. Будучи идейным врагом всего социалистического мира, Виттфогель снискал себе славу ученого апологета капитала и колониализма. Сейчас книга переведена в режим свободного доступа и одна из переведенных версий представлена в открытом доступе в Интернете. Несмотря на то что в советское время книга не была переведена на русский язык, все же ирригационная теория осмыслялась некоторыми исследователями в контексте критики зарубежных теорий. В числе современных русскоязычных исследователей агродеспотического гидравлизма К. А. Виттфогеля стоит упомянуть: М. С. Восленского, К. Р. Галеева, Ю. В. Латова, Г. Г. Пикова, Р. М. Нуреева, А. Л. Янова [7]. Поставив К. А. Виттфогля в один ряд с А. Тойнби и Л. Н. Гумилевым, Ю. В. Латов остроумно замечает о том, что «очевидно, что “воды” (“гидравлики”) в его концепции оказалось слишком много» [7].

Методы

Методологически статья основана на постклассическом антрополого-правовом подходе, позволяющем с учетом контекстуальности, а именно материальных условий жизни и ментальности народа, проследить процесс государствообразования на Востоке, выявить общее и особенное в механизме восточных государств, а также в динамике проследить факторы, обуславливающие специфику государственной власти. Данный подход ориентирует проводить исследование творчества К. А. Виттфогеля на основе использования синтеза классической и неклассической методологии с учетом признания идеологичности ориенталистского дискурса в целом.

Основная часть

Как показано в ряде опубликованных работ, восточная государственность прошла длительный путь своего развития. Возникнув в IV тысячелетии до нашей эры, она явила миру уникальный политико-правовой опыт, который описывался и оценивался, как это ни парадоксально звучит, европейскими дискурсивными практиками преимущественно через призму негации [13]. Такое положение дел было обусловлено победой европейского индустриализма с превращением Востока в «рынки сбыта и источники сырья» (К. Маркс). Пройдя с триумфальным знаменем по всему миру, на котором было кровью выписана идеологема «Свобода, равенство и братство», европейская интеллектуальная элита создала, несмотря на мнимое множество моделей государства (репрезентативных образов), фактически только две. Первая модель государства была олицетворением варварства и деспотизма; вторая — выступала его антиподом и государство здесь было цитаделью демократии и права.

Истоки негативистской ориенталистской традиции начали прослеживаться уже в Античности. Хотя восточная государственность в тот период времени была еще на пике своего могущества. Противостояние двух потенциальных цивилизаций (Западной и Восточной) можно обнаружить уже у Аристотеля. Так, в работе «Политика» великий греческий мыслитель как бы между делом замечает: «Варвары от природы выступают в большей степени рабами, чем греки, и азиаты более склонны к рабству, чем европейцы: вследствие чего они терпят, не протестуя, деспотическое правление. Такие монархии подобны тираниям, но они пребывают в безопасности, будучи наследственными и законными» [1, с. 373]. Вместе с тем нельзя игнорировать и тот факт, что наряду с негативной оценкой восточной государственности существовала противоположная позиция, предполагающая обратное. Так, например, греческий мыслитель Ксенофонт в своем фундаментальном труде «Киропедия» [6] рассматривал государственное устройство Персидской империи как образцовое, отмечая, что «персидские законы содержат предупредительные меры и с самого начала воспитывают

граждан так, что они никогда не позволяют себе дурного или позорного поступка» [6, с. 15]. Ксенофонт, размышляя о справедливости в персидском понимании этого слова, указывает на то, что персы считают справедливым, когда все подданные Кира имеют равные права, поэтому, используя греческий термин «исономия», Ксенофонт считает Персию благоустроенным (цивилизованным, то есть основанном на праве, а не на произволе. — *И. Б.*) государством.

О том, что восточная государственность была уникальной, не лишенной внутренней потенции развития, пишет известный американский историк У. Мак-Нил: «Греческие философы, торговцы, путешественники познакомились с весьма впечатляющими теологическими и космологическими системами и почерпнули немало полезных знаний. Природа вещей настолько поразила воображение греков, что они создали новую науку — философию» [9, с. 298].

Представленные точки зрения являют собой исключение из общего контекста ориенталистской традиции. Экономическое отставание в XVI веке восточных государств от западных только усугубило имеющиеся противоречия. Поэтому по мере превращения Востока в захолустье всемирно-исторического процесса, его государственность начинают рассматривать исключительно как дикую и отсталую. Жан Боден, Джон Локк, Адам Смит, Ричард Джонс, Дэвид Юм, Шарль Луи де Монтескье, Георг Вильгельм Фридрих Гегель усматривали на Востоке преимущественно застой, рабство и нищету. Продолжая европоцентристскую ориенталистскую традицию и отчасти вторя своему учителю Гегелю, Карл Маркс вбил «последний гвоздь в крышку гроба», увековечив в дискурсивных практиках восточный деспотизм и азиатский способ производства как внеисторический тупиковый путь развития.

Так, в работе «Лекции по философии истории» Г. В. Ф. Гегель пророчествовал о всемирной неизбежной гибели «внеисторических обществ» Востока. «Это конечная судьба азиатских империй подчиняться европейцам, и Китай также должен будет однажды принять эту судьбу» [4, с. 53], — писал Гегель. И далее: «То, что может быть названо политической жизнью является деспотизмом без каких-либо принципов, без моральных и религиозных правил», а «Китай и Индия пребывают в состоянии застоя и до наших дней продолжают естественную растительную жизнь» [4, с. 53].

К. Маркс в целом разделял европоцентристские взгляды Гегеля. И, с одной стороны, он сожалеет о тех ужасах, которые творили англичане в Индии, но, с другой стороны, он считал, что восточные деспотии «должны представлять другие» [11, с. 146]. Поэтому авангардом истории должна была стать Англия. Именно ей, согласно Марксу, «предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» [10, с. 12].

Анализируя колониальную политику Англии, Маркс констатирует, что Англия со своими ткацкими станками разрушает восточный деспотизм, а это миссия хотя и имеет некоторые издержки в форме угнетения и порабощения простого

индийского народа, но все же ведет к подлинной социальной революции. И эта миссия прогрессивная, так как «мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались с первого взгляда, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились крупные империи, как совершались несказанные жестокости, как истреблялось население больших городов, спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, соблаговолившего обратить на них свое внимание. Мы не должны забывать, что эта лишенная достоинства, неподвижная и растительная жизнь, эта пассивная форма существования вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала в Индостане самое убийство религиозным ритуалом. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения господина этих обстоятельств, что они превратили его саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, predetermined природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого особенно бросается в глаза в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед короной Сабалой» [10, с. 11].

Воззрения К. Маркса на восточную государственность весьма красочно показывают, что в разрабатываемом им романтическом мессианском проекте счастливого будущего человечества — «коммунизме», деспотический Восток обречен на гибель. Разрабатывая модель всемирно-исторического развития (формационный подход), Маркс формулирует идею о пяти типах обществ, в основе которых лежит способ производства. Понимая, что восточная государственность не очень-то вписывается в представленную типологию, он формулирует проблему осмысления азиатского способа производства. Обнаруженная Марксом связь азиатского способа производства с искусственно созданными ирригационными системами и каналами, рабским трудом общинников и их полном бесправии впоследствии легла в основу теории агрогидравлического деспотизма К. А. Виттфогеля. Однако в части понимания надстройки Виттфогель отходит от марксистской идеи о том, что базис первичен, а надстройка вторична. По его мнению, гидравлическая надстройка может переноситься в общества, где нет гидравлического базиса. (Монгольская империя – Россия). Виттфогель включает в свою концепцию либеральный конструкт «свободная воля сообщества». Он полагает, что были такие государства, которые осознанно отвергли ирригационный способ производства, дабы сохранить свои свободы. Поэтому, по его мнению, государства, которые развили

ирригацию и которые активно ее использовали в экономической жизни, остались восточными деспотиями с азиатским способом производства.

Рассмотрим азиатский способ производства как базис восточных деспотий. По Марксу, азиатский способ производства заключался: в государственной собственности на землю; сервильном равенстве общинников перед государством; отсутствии наследственной знати; слабом развитии права в европейском понимании, его связи с религиозными долженствованиями, которые в большей мере связаны были с культом природы. Засушливый климат и специализация на выращивании злаков детерминировали общественные оросительные работы, в результате чего государство становится и целью, и средством.

Таким образом, на протяжении не одного столетия в западном гуманитарном дискурсе сформировалась традиция ориентализма, которая, как прозорливо отмечает Эдвард Саид, в своей фундаментальной работе есть «не пустая европейская фантазия о Востоке, а сотворенная совокупность теории и практики, в которую на протяжении многих поколений делались значительные материальные вложения (material investment). Постоянные инвестиции сделали ориентализм, в качестве системы знаний о Востоке, общепринятой системой фильтрации Востока для западного сознания» [13, с. 125].

Данные рассуждения автора подкрепляются тем обстоятельством, что знания о восточной государственности западной науки базируются на экстерииорности репрезентации, предполагающей невозможность бедного Востока представлять самого себя [13].

Таким образом, оценка восточной традиции управления с точки зрения ориентализма как дикой и отсталой, ни к чему негодной, кроме как закрепощать бедных и отсталых китайских, индийских, шумерийских крестьян, не выглядит обоснованно, а лишь репрезентативует свои представления о правильном, прогрессивном капитализме и неправильном азиатском способе производства.

Такое видение проблемы представляется не очень адекватным с точки зрения понимания того, что мир многогранен и не так прост, как может быть казалось тогда. Романтизм и вера в мировой прогресс во главе с флагманом индустрии Англией не принес счастья и процветания колониям, которыми она владела. Поэтому сопротивляясь из всех сил заморским политическим ноу-хау в виде либеральных институтов, местная элита (речь не идет о компрадорской буржуазии) сопротивлялась из всех сил, пытаясь сохранить вековые устои своей политической азиатской культуры, в которой, как писал Конфуций много тысяч лет тому назад, «отец должен быть отцом, а сын сыном. Мораль благородного мужа подобна ветру, а мораль низкого человека подобна траве, куда дует ветер туда наклоняется трава». Приведенную цитату не стоит понимать буквально. За чередой слов кроется глубокий смысл о правовой идентичности, о социальных статусах и особом положении бюрократии, которая выступала грантом стабильной и замиренной жизни.

Восточная государственность, несмотря на ее демонизацию европейским ориенталистским дискурсом, все же была для большинства населения и остается

легитимной как с точки зрения ее характера (деспотического в европейском понимании), так и с точки зрения ее функциональной составляющей (огосударствление всех сфер жизни общества, не исключая социальной ответственности бюрократии). Есть все основания полагать, что восточная государственность — это самостоятельный путь развития мировой цивилизации, который не лучше и не хуже европейского, как не лучше и не хуже мужской пол в отличие от женского.

Восточная государственность, рассматриваемая как дикая и отсталая, не вписываемая в формационную марксистскую типологию, явила собой, как нам представляется, особый тип политико-экономического устройства, и этот тип устройства, так же как и западная государственность, имел в потенции свою логику развития. Поэтому в своем развертывании во всемирно-историческом процессе (используя марксистскую терминологию) эта государственность приобрела в дальнейшем более развитые формы на индустриальной стадии. Отсюда феномен победы социалистической революции в экономически неразвитой стране. Этим же обстоятельством объясняется жизнеспособность авторитарных и тоталитарных режимов, вопреки предсказаниям К. А. Виттфогеля о том, что «гидравлическое общество есть... классический пример общественной стагнации. Эта общественная форма... меняет свой основополагающий строй только под влиянием приходящей извне силы» [14]. Поэтому без активного воздействия со стороны Запада спонтанный генезис полицентричного общества на деспотическом Востоке Виттфогель считал невозможным.

Таким образом, мы полагаем, что восточная государственность, базирующаяся на азиатском способе производства и авторитарном правлении бюрократии, изначально имела аутентичные предпосылки для формирования особого типа государства, не рабовладельческого и не феодального в европейском смысле, а, как пишет в своих работах Д. Ю. Миропольский [12, с. 131], государства основанного на номенклатурно-объемных отношениях, имманентно содержащих в себе механизм эксплуатации не рабов, как в Греции или в Риме, а крестьян-общинников. Поэтому, рассматривая формирование государственности на Востоке, стоит отметить, что не родовая знать, а бюрократия была главным мобилизующим началом во всех сферах жизни общества.

Возникает вопрос: почему восточное рабовладение не было классическим с точки зрения западной культуры? Вопрос сложный. С экономической точки зрения Д. Ю. Миропольский весьма аргументированно заявляет о том, что в экономике евразийского типа (в нашем случае восточной государственности) завоеванные территории вливаются в состав царства или империи, и завоеванные народы становятся полноправными подданными царя, с коллективной собственностью на рабочую силу, которую эксплуатировали по плану. Создание и поддержание в нормальном состоянии сложной, единой ирригационной системы требовало не рабов, а нормально живущих подданных. Рабочего делает собственником своей рабочей силы не милость капиталиста, а возможность уходить на другое место работы. В плановой экономике совокупный работник — собственник рабочей силы так же не вследствие милости бюрократии, а вследствие

того, что в случае нарушения нормального воспроизводства совокупной рабочей силы бюрократия потеряет если не все, то очень многое [12, с. 132].

К представленной выше экономической аргументации можно еще добавить и психологический момент, а именно: раз все завоеванное население включается в единый экономический процесс, то, соответственно, это население должно быть своим и разделять ценности той политической культуры, которая стала гегемоном-объединителем. Поэтому каждый должен был участвовать в «великом почине» (государственном строительстве). В таком варианте государство не отчуждалось от общества и существовало с ним слитно, являя собой некий симбиоз обязанностей и прав, воплощенных в «великом служении», например, Сыну Неба (китайскому императору) или заместителю Бога на земле (египетскому фараону). Поэтому как с экономической, так и с психологической точки зрения использование труда чужих было неприемлемым для государств восточного типа. Как бы то ни было, какие бы аргументы ни приводились на этот счет, очевидным фактом является то, что труд крестьян-общинников использовался повсеместно и на постоянной основе в создании материально-технической базы государства.

Поэтому, как отмечают многочисленные исследователи Востока, в частности Л. С. Васильев, один из самых авторитетных советских востоковедов, рабство на Востоке носило патриархальный характер [2]. Патриархальный характер рабства обусловил использование труда рабов в домашнем хозяйстве, поэтому они не были «говорящим орудием» как, например, в Греции или Риме, а просто находились в услужении у правящей бюрократии. Рабами были евнухи, прислуга, наложницы, иногда палачи, мусорщики и прочие представители «грязных» профессий. «Основными же товаропроизводителями были крестьяне-общинники. И все тяготы трудовой жизни (повинности — обязательные работы) ложились на их плечи. Будучи задействованными во всех грандиозных “стройках века”: строительстве пирамид, прокладывании ирригационных каналов, воздвижении Великой стены или постройке Храма Великой Богини, свободные общинники эксплуатировались бюрократией во имя процветания государства» [8].

Как отмечает В. В. Коровкин, исследователь экономического строя государств восточного типа: «Восточный мир создал форму военно-политического объединения в виде обширных монархических государств, но не сумел выработать нужных ему форм рабовладельческого экономического строя» [5, с. 68]. Восточный мир в принципе не мог создать рабовладельческого экономического строя потому, что, в отличие от античного мира, исходные предпосылки у него были другие. Однако ориенталистский дискурс продолжал настаивать на том, что восточная деспотия — это деспотия, основанная на тотальном рабстве. Поэтому К. А. Виттфогель, будучи одним из борцов с авторитаризмом и тоталитаризмом, следуя марксистской традиции, видел, как и К. Маркс ранее, в восточной государственности всеобщее рабство. Всеобщего рабства на Востоке никогда не было, но была патерналистская модель, в которую все подданные государства вписывались как винтики в единое целое. Целое всегда

доминировало над частным, отсюда «общественное выше личного», «народ и партия едины», а долг и ответственность имманентны праву и государству в целом.

Заключение

Подводя итог возникновению государственности на Востоке, отметим следующее:

1. Солидаризируясь с точкой зрения К. А. Виттфогеля, стоит отметить, что государственность на Востоке возникла не в результате появления частной собственности и моногамного брака, как на Западе, а в результате строительства стратегических объектов, и в первую очередь ирригационных систем и каналов. Гидравлический базис восточных государств обеспечил население возможностью стабильно осуществлять хозяйствующую деятельность, без риска наводнений, размыва почвы, что, в свою очередь, повысило рентабельность хозяйств. Прибавочный продукт (используя марксистскую терминологию) изымался государством и использовался в целях наращивания инфраструктуры, обеспечивающей стабильное поддержание и защиту этих самых стратегических объектов.

2. Гидравлический базис восточной государственности был обусловлен материальными условиями жизни и ментальностью самого народа, творца своей истории, которая, увы, была написана победителями с позиций азиатского способа производства (К. Маркс) и агрогидравлического деспотизма (К. А. Виттфогель). Поэтому ориенталистская традиция требует пересмотра с точки зрения исторической справедливости. Конечно, восточную государственность не стоит идеализировать, но опыт восточной традиции управления нельзя сбрасывать со счетов.

3. Восточная государственность была государственностью, в основе которой лежала номенклатурность, выраженная господством бюрократии. Основными товаропроизводителями в таком типе экономических и политических отношений выступали крестьяне-общинники, вовлеченные в процесс государствообразования на основе их трудовой повинности.

4. Восточная государственность базировалась на принципе холизма, но холизма, осуществляемого сверху. В таких обществах практически не было места самоорганизации на низовом уровне. Зато было место собирания всех вокруг сильного лидера, «отца нации», «партии власти» и прочих государственных структур.

5. Авторитарный режим и мобилизационный тип экономики, сформированный в условиях, далеких от идеальных рыночных условий (умеренный климат, плодородная почва, не требующая дополнительных затрат на ее использование, средняя плотность населения и прочее), был исторически обусловлен и не был произволом безответственной бюрократии, жестоко эксплуатировавшей своих подданных. Чужих в данном социокультурном контексте деспотических восточных государств, как это ни парадоксально звучит, попросту

не было. Все чужие включались в единое социокультурное пространство и в деспотической имперской модели воспроизводились как включенные свои. Поэтому вопрос рабства скорее вопрос риторический, и, как нам представляется, К. Маркс и К. А. Виттфогель на него дали не очень адекватный ответ.

6. Марксистская теория, базирующаяся на формационном подходе и волею судеб развитая Виттфогелем (несмотря на его отречение от марксизма), показала, что восточная государственность — это особый тип государственности, в основе которого лежит азиатский способ производства. Поэтому государственность на Востоке — это патерналистское государство с зачатками плановой экономики и господством власти бюрократии. Воспроизводство данного типа государства на протяжении многих тысячелетий, говорит о том, что данный тип государства историчен и ориенталисты его напрасно списали в архив истории. Восточные государства имеют потенцию в своем развитии, и современные Китай, Индия, Иран — яркое тому подтверждение.

7. Ключевой особенностью восточного администрирования стоит отметить то, что государственная власть реализовывалась в форме демократического централизма, который был фундаментальной скрепой всей политической культуры Востока. Демократический централизм, предполагал обобществление, а, вернее, огосударствление всех форм жизни общества сформировал особый тип коммуникации, в котором институциональная легитимация осуществлялась через систему воспитания лояльных императору и государству подданных. Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в конфуцианстве.

Таким образом, обозначив специфические особенности восточной государственности агрогидравлических деспотий (К. А. Виттфогель), стоит отказаться от нарратива, сформулированного У. Черчиллем о том, что «демократия — худшая форма правления, если не считать всех остальных». Каждый тип государства и каждая форма государства (форма правления, территориальное устройство, политический режим) всегда контекстуально обусловлены и всегда имеют институциональное выражение в реальных практиках населения (граждан или подданных, статусных групп, в том числе элит). Их отражение в дискурсивном пространстве имеет идеологическое значение. Историю пишут победители. Сегодня нет победителей или, по крайней мере, ситуация изменилась по сравнению с ситуацией 90-х годов XX века. Поэтому изменение вектора развития заставляет задуматься о том, что прошлое Запада не находится на Востоке, как ранее утверждали ориенталисты. Ведь сегодня Восток не везде и не всегда ресурсная окраина мира, источник сырья и рынок сбыта. Представляется, что признание этих идеологически не ангажированных (хотя любая интерпретация связана с редукцией) идей является более продуктивной стратегией понимания государственности в контексте политических и экономических процессов в современном мире, мире противоречий и угроз.

Вышеизложенное дает основание полагать, что мифологемы и идеологемы, растиражированные ориенталистским дискурсом о восточном деспотизме и азиатском способе производства как диком и внеисторичном, со временем будут пересмотрены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч. И. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, С. А. Жебелева, Т. А. Мимер. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
2. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. 368 с.
3. Галеев К. Р. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2011. С. 155–179.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
5. Коровкин В. В. Очерки истории государственного хозяйства, государственных финансов и налогообложения в Древнем мире. М.: Магистр, 2009. 733 с.
6. Ксенофонт. Киропедия. М.: Наука, 1976. 347 с.
7. Латов Ю. В. «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 8–37.
8. Ломакина И. Б., Честнов И. Л. История политических и правовых учений: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2019. 128 с.
9. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. 1064 с.
10. Маркс К. Британское владычество в Индии. М.: Прогресс, 1982. 21 с.
11. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М.: АСТ., 2021. 224 с.
12. Миропольский Д. Ю. Очерки теории продукта: номенклатура и объем на аграрной стадии. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2023. 276 с.
13. Саид Э. Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов. М.: Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
14. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power, New Haven and London, CT: Yale University Press, 1957 / Inc. sixth printing Forge Village: The Murray Printing Company, 1967. 326 p. (Неофициальный перевод Страхова А. А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (дата обращения: 14.01.2023)).

References

1. Aristotel'. Politika // Sochineniya: v 4 t. T. 4 / per. s drevnegrech. I. V. Braginskaya, M. L. Gasparova, S. A. Zhebeleva, T. A. Mimer. M.: My'sl', 1983. S. 376–644.
2. Vasil'ev L. S. Problemy` genезisa kitajskogo gosudarstva. M.: Nauka, 1983. 368 s.
3. Galeev K. R. Teoriya gidravlicheskogo gosudarstva K. Vittfogelya i ee sovremennaya kritika // Sociologicheskoe obozrenie. T. 10. № 3. 2011. S. 155–179.
4. Gegel` G. V. F. Lekcii po filosofii istorii. SPb.: Nauka, 1993. 480 s.
5. Korovkin V. V. Ocherki istorii gosudarstvennogo hozyajstva, gosudarstvennyh finansov i nalogooblozheniya v Drevnem mire. M.: Magistr, 2009. 733 s.
6. Ksenofont. Kiropediya. M.: Nauka, 1976. 347 s.
7. Latov Yu. V. «Vostochny`j despotizm» K. A. Vittfogelya (k 50-letiyu «strannoj» knigi) // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2007. T. 8. № 2. S. 8–37.
8. Lomakina I. B., Chestnov I. L. Istoriya politicheskikh i pravovy`h uchenij: ucheb. posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij jurid. in-t (filial) un-t prokuratury Rossijskoj Federacii, 2019. 128 s.

9. Mak-Nil U. Voshozhdenie Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva. Kiev: Nika-Centr; M.: Starklajt, 2004. 1064 s.

10. Marks K. Britanskoe vladychestvo v Indii. M.: Progress, 1982. 21 s.

11. Marks K. Vosemnadcatoe bryumera Lui Bonaparta. M.: AST, 2021. 224 s.

12. Miropol'skij D.Yu. Ocherki teorii produkta: nomenklatura i ob'em na agrarnoj stadii. SPb.: Izd-vo SPbGEU. 2023. 276 s.

13. Said E. Orientalizm / nauch. red. A. R. Ihsanov. M.: Muzej sovremennogo iskusstva Garazh, 2021. 560 s.

14. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power, New Haven and London, CT: Yale University Press, 1957 / Inc. sixth printing Forge Village: The Murray Printing Company, 1967. 326 p. (Neoficial'nyj perevod Strahova A. A. Despotizm Vostoka. Sravnitel'noe issledovanie total'noj vlasti, 2017 [Elektronnyj resurs]. URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (data obrascheniya: 14.01.2023)).

Статья поступила в редакцию: 04.02.2023;
одобрена после рецензирования: 20.02.2023;
принята к публикации: 22.02.2023.

The article was submitted: 04.02.2023;
approved after reviewing: 20.02.2023;
accepted for publication: 22.02.2023.

УДК 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.04

В. И. Павлов

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
Минск, Беларусь,
vadim.i.pavlov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2867-1039>

**КАТЕГОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА**

Аннотация. В статье исследуется категория правовой реальности в рамках одного из современных направлений фундаментального правоведения — антропологии права. Обосновывается, что каждая общеправовая концепция обладает свойственной ей правовой онтологией и характерным для нее пониманием правовой реальности и права как явления. В антропологии права модель правовой онтологии определяется познавательными принципами и общей эпистемологической установкой данного направления, выражающейся в центральном положении человека среди всех других элементов правовой реальности. На этом основании доказывается, что модель правовой онтологии имеет антрополого-фундированный характер. Поскольку человек в антропологической концепции права представлен в совокупности своих субъектно-правовых и личностно-правовых характеристик, постольку с учетом принципа человекомерности права и сама правовая реальность представляется в качестве двухуровневого образования как синтеза личностно-правового и институционального уровней правового бытия. В отличие от позитивистско-аналитических направлений, придерживающихся отождествления правовой реальности с реальностью юридического долженствования, в антропологии права обосновывается синтез сущего и должного в праве, достигаемый в фигуре правового деятеля.

Ключевые слова: правовая реальность; антропология права; человек в праве; правовой деятель; онтология права.

UDC 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.04

V. I. Pavlov

National Center for Legislation
and Legal Research of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus,
vadim.i.pavlov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2867-1039>

**THE CATEGORY OF LEGAL REALITY
IN THE ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF LAW**

Abstract. The article examines the category of legal reality within one of the modern areas of fundamental law — anthropology of law. It is substantiated that each general legal

concept has its characteristic legal ontology and a characteristic understanding of legal reality and law as a phenomenon. In the anthropology of law, the model of legal ontology is determined by cognitive principles and the general epistemological attitude of this direction, expressed in the central position of a person among all other elements of legal reality. On this basis, it is proved that the model of legal ontology has an anthropic in the fundine character. Since a person in the anthropological concept of law is presented in the aggregate of his subject-legal and personality-legal characteristics, so much, taking into account the principle of humanity of law and legal reality itself, as a two-level education as a synthesis of personal legal and institutional levels of legal life. In contrast to the positivist and analytical directions adhering to the identification of legal reality with the reality of legal obligation, the synthesis of the existing and due in the law achieved in the figure of a legal figure is justified in the anthropology of law.

Keywords: legal reality; anthropology of law; person in law; legal figure; ontology of law.

Введение

Антропология права как одно из современных направлений правовых исследований представляет собой компонент фундаментального юридического знания, формирующийся в рамках двух основных исследовательских линий: теоретико-методологической и юридико-этнографической. Несмотря на взаимосвязь, данные познавательные линии представляют собой самостоятельные направления антрополого-правового познания, прежде всего в методологическом плане. Если юридико-этнографическая линия антропологии права сконцентрирована на традиционном сравнительно-правовом познании особенностей действия права в контексте правовых культур и традиций народов, наций, этнических групп в рамках различных государств, то теоретико-методологическая линия связана с разработкой методологии антрополого-правового познания как своего рода аналога традиционному формально-юридическому взгляду на социальную реальность. В таком контексте об антропологии права нередко говорят как о направлении развития современной постклассической юриспруденции [6, с. 142; 19; 23; 29], поскольку в ее основу положены такие методологические концепции, как социальный конструктивизм, антропология, феноменология, герменевтика и т. д.

Все разнообразие современных антрополого-правовых исследований осуществляется в рамках единой антрополого-правовой научно-исследовательской программы, которая развивается и конкурирует в одном гносеологическом пространстве как с другими постклассическими программами или парадигмами (коммуникативная, герменевтическая и др.), так и с традиционными подходами в теоретической юриспруденции (юснатурализм, юридический позитивизм, социологическая юриспруденция). Одним из первых о формировании антрополого-правовой научно-исследовательской программы на постсоветском пространстве высказался И. Л. Честнов — лидер Санкт-Петербургской школы постклассической антропологии права [33, с. 59–72].

В рамках антрополого-правовой программы разрабатываются различные антрополого-ориентированные подходы, концепции, исследования как общетеоретической, так и отраслевой направленности. Всех их отличает единство в главном, в исходных основаниях правового познания, выражающихся в ориентации на человека как на главный элемент права, на выявление связей человека как правовой личности с другими элементами права. Однако имеются и различия, связанные, прежде всего, с составом и пониманием базовых элементов антрополого-правовой теории и ее понятийно-категориальным аппаратом. Понятийно-категориальная неоднородность антропологии права на современном этапе ее развития отчасти является нормальным явлением, поскольку направление находится в стадии своего становления и апробации собственных концептуальных средств познания. В то же время исследований, посвященных этим вопросам, не так много, но именно они являются сегодня наиболее востребованными, поскольку вырабатывают базовые единицы антрополого-правового мышления. В настоящей статье мы остановимся на познании категории правовой реальности как одной из базовых в разрабатываемой автором антропологической концепции права.

Методы

Методологической основой исследования являются положения антрополого-правового подхода, которые одновременно рассматриваются и как предмет познания в связи с анализом категории правовой реальности и гносеологических принципов антропологической концепции права. Применительно к понятию человека как правового деятеля используются положения экзистенциально-онтологической методологии познания субъектности. Наряду с антрополого-правовой методологией применяется и традиционный юридико-догматический подход, а также общенаучные и частнонаучные методы правового познания.

Основное исследование

1. В современной литературе справедливо отмечается, что сегодня «антропология права стоит перед проблемой разработки теории самой себя, а именно теории своего предмета, своей методологии, своего категориально-понятийного аппарата» [6, с. 142]. Важнейшее значение для формирования понятий и категорий имеют исходные установки антрополого-правового познания, которыми выступают познавательные принципы концепции. Центральным принципом антрополого-правового познания является *принцип человекомерности права*, в соответствии с которым право и все его элементы анализируются только в связи с действующим в них человеком, представленным в качестве

правового деятеля. В отличие от традиционной общеправовой теории, изучающей закономерности развития и функционирования права как институционального явления, антропология права направлена на познание закономерностей развития и функционирования права как человекомерного явления — посредством существующего в праве человека. При этом понятие «человек в праве», либо как его аналог понятие «правовой деятель» выражает не только юридико-догматические, то есть субъектно-правовые характеристики лица, связанные с правоспособностью, дееспособностью и правовым статусом как формально-юридическими признаками правовой персональности. Понятие человека как правового деятеля включает в себя более широкий круг антропологических характеристик, имеющих юридическое значение и являющихся значимыми для права: саму правовую личность, личностные правовые ценности, индивидуальное правовое сознание, правовое мышление, правопритязание и т. д. Ориентация познания на человеческое измерение права в связи с таким образом лица как правового деятеля и составляет особенность антрополого-правовой методологии.

Принцип человекомерности права как исходная установка познания оказывает влияние практически на все компоненты антрополого-правовой концепции, в том числе и на формирование ее языка. Уже в силу антрополого-правовой специфики понимания лица в сфере права, представленного как субъектно-правовым, так и личностно-правовым уровнями правовой персональности, а также с учетом человекомерности как главной гносеологической установки, базовые категории антрополого-правовой концепции приобретают строго определенный онтологический статус. Речь идет об используемой в антропологии права *онтологической модели*, то есть о том, как представляется с антрополого-правовой точки зрения само *бытие права*, его осуществление в актуальной реальности и каким образом оно выражается в правовых понятиях и категориях.

Во всех антрополого-правовых подходах онтология права понимается, как правило, человекоцентрично и всегда рассматривается под антропологическим углом зрения. Это означает, что правовое бытие понимается в конститутивной связи с правовым деятелем, то есть как правовое существование человека в связи с правовыми нормами и фактами. В антропологии права бытие права всегда рассматривается человекоцентрично, поэтому ядром такой онтологии выступает антропология. Такая антрополого-фундированная онтология права предполагает понимание его бытия не как некоторой отдельной от человека правовой сущности (правовых процедур, механизмов, систем, институтов, объективированных в законодательстве норм, источников права и т. д.), но как бытия человека в праве, правового деятеля в данных правовых сущностях и в связи с ними. Поэтому сам по себе анализ функционирования права как системы норм и институтов без учета их человеческого измерения представляет уже иную правовую онтологию, в рамках которой сущность права не связывается с действующим в нем человеком. Антрополого-ориентированная онтология права, таким образом, основана на утверждении правового бытия как практики существования человека как правового деятеля, который

представляется в активной позиции и к нормативной системе права, и к фактической правовой жизни.

2. Базовой категорией, характеризующей бытие права, его онтологический статус, является *категория правовой реальности*, которая предельно описывает сферу правового, то есть границы, в рамках которых разворачивается область юридического. Правовая реальность является, таким образом, онтологической, бытийной категорией, поскольку определяет наше исходное представление о праве и его границах. В зависимости от того, как понимается правовая реальность, так в рамках той или иной правовой концепции представляется и картина сферы правового, на основании которой, в свою очередь, можно сделать вывод о типе правовой онтологии, использующейся в рамках концепции.

Категория как единица мышления и описания реальности является наиболее абстрактным, предельным выражением объекта. Как отмечал В. Н. Борисов, категории есть «всеобщие мыслительные формы... <...> ...выражающие различные стороны (определенности) любого конкретного сущего» [4, с. 23–24]. Поэтому категории есть фундаментальные, основные понятия любой теории или концепции; они выражают ее теоретическое ядро, максимально обобщая особенное, специфическое в ее предмете. На этом основании категории составляют часть методологии концепции, поскольку являются инструментом ее теоретического познания. Конструирование категорий не сводится только к формально-логической обработке выражаемого ими содержания. Еще А. М. Васильев обращал внимание на то, что образование категорий представляет собой «диалектическую обработку материала, при которой обнаруживаются внутренне необходимые и существенные свойства правовых явлений и процессов, общее раскрывается в особенном, отдельном, частном, богатство отдельного включается в общее» [5, с. 83].

Как уже отмечалось выше, категория правовой реальности и в онтологическом, и в гносеологическом аспектах указывает на сферу, в границах которой осуществляется правовое бытие. В онтологическом аспекте правовая реальность представляет собой мир права, данный правовому деятелю через опыт, в гносеологическом — картину правовой реальности как ее познавательную модель. В зависимости от познавательной модели, избранной в рамках концепции, мы получаем не только определенную картину мира права, но и соответствующую интерпретацию поведения людей, участников правового общения в рамках данной познавательной позиции вместе с восприятием ими права как явления.

3. Различие видов социальной реальности и определение природы правовой реальности обсуждалось правоведами еще в начале XX в. Уже в тот период было сформулировано положение о различии идеальной и материальной, эмпирической реальности, а также о невозможности сведения правовой реальности к эмпирической действительности [обзор позиций см.: 7, с. 101–187]. П. И. Новгородцев отмечал, что «право есть отвлеченная мыслимая связь, далеко не соответствующая конкретной действительности, которая не покрывает и не исчерпывает той мыслимой связи и в случае нарушения права может

становиться с ней в противоречие» [16, с. 551]. И вместе с тем указывал, что «конкретная жизнь вносит много изменений, дополнений и корректур в отвлеченные требования права, которые... имеют отношение не к конкретному бытию, а к абстрактному долженствованию» [16, с. 55].

В современной юриспруденции существуют различные подходы к пониманию правовой реальности, однако в целом они могут быть сведены к двум основным группам. В рамках первой группы, формируемой под влиянием идей позитивистско-аналитической традиции в юриспруденции, правовая реальность понимается как особая сфера нормативного долженствования, отличная от мира фактичности [см.: 2; 3; 8]. Согласно этой позиции «право представляет собой особый род бытия, причем идеального, суть которого состоит в долженствовании, и эта сфера конституирует человека как человека» [7, с. 125]. Вторая группа основывается на включении в правовую реальность не только сферы нормативного долженствования, но и фактической социальной среды, то есть сферы сущего, обладающей юридической значимостью [9; 12; 18; 20; 22; 24; 32]. В литературе иногда эти два подхода называются соответственно интерналистским и экстерналистским, возводя первый к идеям Г. Кельзена и К. Савиньи, второй — к направлениям, синтезирующим различные гуманитарные дисциплины и методологии [7, с. 208–211].

Позиции юридического концептуализма, связанные с ограничением правовой реальности только сферой нормативного долженствования, в последнее десятилетие значительно усилились. Это связано с разработкой новых философско-аналитических концепций, прежде всего деонтической логики, способствующей укреплению логико-позитивистских начал в теоретическом правоведении [17, с. 28]. Кроме того, в рамках постклассического правоведения был обоснован ряд положений, ослабляющих традиционное юридуко-догматическое представление о правовой реальности и в то же время высвобождающих пространство для развития позитивистско-аналитических начал в правоведении. В частности, это положения о методологической невозможности при правовом познании избежать интерпретативной деятельности субъекта, о конструктивистском характере социально-правовой реальности, о запрете на реификацию социально-правовых явлений и методологическую установку «наивного реализма», о проблематичности применения в социальных науках корреспондентской теории истины и др. [21; 25; 30; 32, с. 87–100]. Несмотря на то что из данных положений постклассической методологии не следует утверждение об отождествлении правовой реальности со сферой нормативного долженствования в неокантианском стиле, тем не менее акцент в постклассике на языке и конструируемости правовой реальности неявно *ослабляет связь должного и сущего, нормы и факта* и дает основания для релятивизации правового познания. Вместе с тем главное значение постклассической правовой методологии для развития юридической науки, на наш взгляд, заключается в выявлении закономерностей правового познания, которые позволяют уяснить и преодолеть недостатки классической новоевропейской методологии: без учета

этих закономерностей правовое познание будет неполным. Прежде всего, это понимание права и правовой реальности не как универсальных, а как социокультурно и исторически контекстуальных, а значит, вариативных явлений, опосредованных лингво-смысловой и конструктивной деятельностью человека как правового деятеля, что в целом указывает на человекомерный характер права.

Г. А. Гаджиев для описания правовой реальности выдвинул идею «юридического концепта действительности», понимаемую им как «система теоретических юридических воззрений, формально-абстрактное отображение правовой действительности... особая реальность не существующих реально объектов» [7, с. 286]. В целом данная идея является отражением позиции первой рассмотренной выше группы, то есть юридического концептуализма, сводящего реальность права к особой искусственно-юридической сфере должностования. Однако юридический концепт действительности, судя по позиции исследователя и использованию им для аргументации идеи юридического силлогизма [7, с. 287, 291, 293], является не столько онтологической характеристикой права, сколько признанием ценности операционального языка права как языка континентальной юридической догматики. Именно поэтому Г. А. Гаджиев подчеркивает ценность и обособленность этого языка ввиду его практичности, фиктивности, юридической абстрактности, формальной догматичности [7, с. 291].

Заметим, что выделение, помимо логико-нормативного иных уровней правовой реальности, не означает, что последние не опосредуются юридическим языком. Социальные, фактические правовые явления, независимо от вида правовой онтологии, всегда представляются в ней посредством юридического дискурса. То есть они также нуждаются в традиционном юридическом понятийно-категориальном оформлении, однако от этого их природа *не становится* *сузубо концептуальной*. Юридический язык ограничен в своих конструктивных возможностях; он не всегда может детерминировать природу правового явления, если только на уровне аксиоматического основания концепции сознательно не вывести всю сферу фактического за пределы юридически значимого. Например, юридические понятия, характеризующие такие личностно-правовые явления, как правовое сознание, правовое признание, личностная правовая ценность, правовое притязание, правовая воля, юридически значимый интерес и др., выражают двухсоставной характер демонстрируемых ими явлений. Сами данные явления, несмотря на то что они вводятся в сферу юридической значимости дискурсивным, логико-понятийным способом, то есть приобретают путем юридического номинирования и вменения концептуалистские, идеально-юридические характеристики и соответствующую им природу, тем не менее не утрачивают своей фактически-деятельностной основы, поскольку всегда непосредственно связаны с человеком и его поведением. Акты правового сознания, например, хотя и являются идеальными проявлениями и концептуализируются законодателем в нормах объективного права посредством терминологического указания на умысел, неосторожность, мотив, цели, законные

интересы и т. д., тем не менее не утрачивают своего фактически-деятельностного, можно даже сказать и материального содержания. Они осуществляются в реальной действительности в конкретном человеческом правовом сознании, формирующемся в практиках поведения, то есть антропологически, а не концептуально и формально-юридически. Даже в советском правоведении идеальные правовые явления, личностные психические, волевые, эмоциональные процессы, имеющие юридическое значение, рассматривались как «объективно-реальные явления», как «реально существующие факты» [15, с. 22–23]. Реализм этих актов, несмотря на идеальный характер последних, отражает их личностную, антрополого-правовую основу, то есть указывает на внеконцептуалистскую и внеконструктивистскую природу актов правового сознания.

Таким образом, антрополого-правовые понятия хотя и образуют особую концептуальную понятийно-категориальную реальность, однако не делают отображаемые ими явления одномерными, относящимися только к сфере юридической концептуальной реальности. Особенность антрополого-правовых явлений такова, что они, помимо своей юридической концептуальной значимости, имеют и личностно-правовую природу, что отражается и на способе уяснения отображающих данные явления юридических понятий. Без учета данной природы и ориентируясь лишь на концептуалистское, конструктивистское содержание юридического понятия, верное понимание сути данных правовых явлений практически невозможно, примером чему выступают понятия правовой воли и правового смысла, используемые в теории правотворчества, правореализации и толкования права. Верное понимание процесса толкования правовой нормы, уяснения ее смысла требует различать, с одной стороны, волю законодателя как проектно выраженное знаково-текстуальными средствами в тексте нормативного правового акта намерение субъекта правотворчества, его проектный правовой смысл, с другой — актуальную правовую волю субъекта понимания правового предписания, правовой смысл, формируемый правовым деятелем в актуальной юридически значимой ситуации и выступающий компонентом личностно-правового уровня человека в праве. Правовая воля в данном случае, в отличие от воли законодателя, выступает личностно-правовым актом и элементом мотивационно-волевого процесса, который выражается в возможности свободно и осознанно определять направление развития своих личностных проявлений относительно того или иного элемента правовой реальности, в частности относительно установления правового смысла нормы права. В ситуации правовой дискреции в правореализации, при столкновении с «нормами с открытой текстурой» различение данных двух волевых проявлений в праве просто необходимо. И, напротив, такие юридические понятия-конструкции, как статусы, составы, презумпции, фикции, признаки и др. и в качестве явлений, и в качестве понятий функционируют только на особом концептуальном уровне правовой реальности.

4. В определении позиции между двумя указанными группами подходов к пониманию правовой реальности в антропологии права, наряду с принципом

человекомерности права, важнейшее значение имеет и познавательный *принцип двухуровневости правовой реальности*. Как исходная установка познания, принцип двухуровневости выражает дуальную природу и соответствующий состав правовой реальности, формирующийся в антрополого-правовом подходе из институционального и личностно-правового уровней. В аналитических целях все элементы правовой реальности распределяются на два хотя и взаимосвязанных, но все же различных уровня: антрополого- или личностно-правовой уровень и институциональный уровень.

Элементы правовой реальности, которые непосредственно связаны с личностно-правовыми свойствами и характеристиками человека, составляют антрополого-правовой уровень правовой реальности. Их особенностью является то, что они не могут быть оторваны от человека в праве, поскольку по своей природе не подлежат вменению лицу через специальные процедуры юридического конструирования без утраты их антрополого-правового содержания. Однако от этого данные элементы не перестают быть правовыми, поскольку они либо направлены на юридически значимый объект, либо сами связаны с определенной юридической значимостью. К ним относятся: сама правовая личность как самостоятельный феномен; правосознание личности; правовая культура личности; личностные правовые ценности; личностный правовой смысл; составляющие мотивационно-волевого процесса — юридически значимые потребности; юридически значимые интересы; правовые мотивы; правовые цели; правовая воля; правопритязание; субъективное право, рассматриваемое в качестве личностно-правового проявления. Могут быть выделены и иные компоненты данного уровня правовой реальности в зависимости от правовой концепции (например, правовое признание, императивно-атрибутивное переживание и т. д.).

Элементы правовой реальности, которые непосредственно не связаны с правовым деятелем и его личностно-правовыми характеристиками, составляют институциональный уровень правовой реальности. Они создаются путем юридического конструирования и в своей совокупности составляют особый выделенный мир юридического должествования как обособленный уровень реальности. К элементам институционального уровня правовой реальности относятся юридические процедуры, законодательство, объективированные в позитивном праве источники права, объективированные и выраженные в письменных правовых актах правовые смыслы, государственные органы как институциональные формы осуществления права и т. д. К институциональному уровню правовой реальности можно отнести и все концептуальные правовые образования, если их рассматривать как самостоятельную часть реальности права. Их институциональный статус обусловлен природой этих образований, не связанной с правовым деятелем, способом образования, заключающемся только в использовании средств юридической концептуалистики, а также в порядке их существования и функционирования только как особого мира искусственных юридических объектов. К ним относятся презумпции, фикции, юридические и фактические составы и другие юридические

конструкции, функционирующие и сохраняющие свое субстанциальное юридическое содержание во времени. Этим объясняется, например, феномен рецепции римского права, в процессе которого и на современном этапе во многих отраслях частного права, прежде всего в гражданском праве, используются древнейшие юридические конструкции.

Выделение в антропологии права двух уровней правовой реальности в целях правового познания при одновременном утверждении в качестве главного исходного положения познания принципа человекомерности права, предполагающего, что право в целом и все его элементы в частности рассматриваются в связи с действующим в нем человеком, не означает противоречия и несовместимости данных принципов. Как уже отмечалось, все правовые явления как конструктивистской, так и деятельностно-фактической природы подлежат языковому опосредованию и лингво-смысловой интерпретации. При этом фактические, личностно-правовые явления от этого не утрачивают в своем составе фактического содержания. Человекомерность как связь всех элементов правовой реальности с правовым деятелем и его интерпретативной деятельностью не означает, что все указанные элементы переносятся в область правового сознания или правового языка. То, что правовая реальность основывается на смыслообразующем характере всех ее элементов, не означает, что реальность тождественна этому смыслу, выступающему в праве в качестве юридической концептуалистики. Фактические, деятельностные компоненты, в нашем случае — различные антрополого-правовые проявления, также остаются включенными в эту реальность и несмотря на то, что они всегда поддаются юридико-дискурсивной интерпретации, от этого не перестают быть компонентами личностно-правовой природы. Как в связи с этим отмечается в литературе, утверждение первичности смыслообразующей деятельности лица по отношению к реальности «вовсе не означает отрицания объективности внешнего мира и его предметов», которые выступают *«онтологической предпосылкой реальности»* [24, с. 82–83].

Полагаем, что в процессе правовой концептуализации фактический компонент, входящий в состав правовой реальности, не исчезает, а выступает связующим звеном правового должного с правовым сущим, норм объективного права с антрополого-правовыми свойствами лица, конкретными практиками существования, правовым поведением, конкретной социокультурной средой. В антропологической концепции права эта связь осуществляется не через нормативную систему права, а через фигуру правового деятеля. На этом основании проявляются различия в правопорядках, национальных правовых системах даже в рамках одной и той же группы правовых семей, использующих в юриспруденции одинаковый либо схожий понятийно-категориальный аппарат. В то же время типизация фактического проявляется в том, что даже в правопорядках разных правовых семей, использующих различную правовую доктрину, базовые юридически значимые деяния понимаются и юридизируются сходным образом. Например, во всех правопорядках возмездное соглашение

между лицами по поводу собственности рассматривается как договор купли-продажи, а противоправное лишение жизни человека — как убийство.

В этой связи представляется дискуссионной позиция Е. В. Тимошиной, которая, критикуя номиналистический и реалистический подходы в классической юридической эпистемологии (на примере юридического позитивизма и юснатурализма соответственно), практически всех дореволюционных правоведов отнесла к нарушающим последовательность применения этой методологии, кроме Л. И. Петражицкого, предложившего понятие нормативного факта [30]. Вслед за Л. И. Петражицким исследователь рассматривает интерпретационную деятельность лица как единственное основание констатации юридического характера социального факта на основе «интерпретации субъектом его смысла как основания возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей» [30, с. 66]. Однако наделение юридическим смыслом факта с позиции вопроса о его природе и реальности, к которой он принадлежит, еще не означает, что сама субстанциальность, то есть поведение, акты сознания утрачивают свою антрополого-правовую и событийно-деятельностную основы как составных элементов правовой реальности. В противном случае правовую реальность нужно признать только реальностью правовых понятий, то есть как идеально-концептуальную, лингво-смысловую или логико-нормативную часть действительности. Такая позиция, связанная с гиперболизацией понятия нормативного факта в учении Л. И. Петражицкого, в конечном счете имплицитно приводит к позитивистской позиции и к разрыву должного и сущего, что ведет к отчуждению правового знания от потребностей юридической практики и правовой жизни. Теоретиками права в связи с этим обращалось внимание на опасность сведения правовой реальности к ее концептуалистскому смыслу [13, с. 39–57; 26; 28].

Вывод

1. Правовая реальность является онтологической категорией, которая указывает на сферу, в границах которой осуществляется правовое бытие. В онтологическом аспекте правовая реальность представляет собой мир права, данный правовому деятелю через опыт, в гносеологическом — характеризует картину правовой реальности как ее познавательную модель. Гносеологический аспект правовой реальности, выражающийся в форме ее определенной познавательной модели, принимаемой за основу в рамках той или иной правовой концепции, обуславливает как картину мира права, так и соответствующую интерпретацию поведения участников правового общения в рамках данной познавательной модели вместе с восприятием ими права как явления. Иными словами, гносеологический аспект правовой реальности в рамках определенной правовой концепции во многом предопределяет и онтологический, то есть определенное правовое представление предполагает соответствующую интерпретацию и понимание правовой действительности.

2. Каждая общеправовая концепция обладает свойственной ей правовой онтологией и характерным для нее пониманием правовой реальности и права как явления. Для выражения сферы правового бытия, границ, в рамках которых оно осуществляется, среди всех элементов правовой реальности обычно выдвигаются базовые с позиции правовой концепции элементы, выступающие интегральными основаниями картины правовой реальности. Количество и виды выделяемых элементов могут быть различными. В частности, в качестве базовых одни исследователи выделяют идею права, норму права и правовую жизнь [11, с. 177], другие — нормативный акт, правоотношение, правосознание [14, с. 30], третьи — позитивное право, общие принципы права, а также юридические судебные и доктринальные концепции [7, с. 251]. Базовые элементы обуславливают понимание и производных элементов правовой реальности, которые зависят от базовых и интерпретируются в их контексте. В аспекте вопроса о понимании права, то есть того, в чем его сущность, какова его главная идея и смысл, базовые элементы одновременно определяют и понимание правовой реальности. Учитывая вышеизложенное, правовая реальность может быть определена как существующий мир права в совокупности составляющих его идеальных (концептуальных) и материальных (фактических) элементов, обладающих правовой значимостью вследствие различных способов их юрисдикции в рамках определенной правовой концепции.

3. В антрополого-правовой концепции в соответствии с принципом человекомерности права главным элементом правовой реальности является человек как правовой деятель. Он же выступает и центральным элементом учения о понимании права наряду с такими двумя другими элементами, обосновываемыми в антропологическом правопонимании, как норма права и факт правовой жизни. Однако для характеристики правовой реальности как границы сферы права, определенного поля проявления юридической значимости в антропологии права используется не схема антропологического правопонимания, а сама антрополого-правовая модель человека в праве. Согласно ей, человек в правовых взаимодействиях всегда представлен в совокупности своих субъектно-правовых и личностно-правовых характеристик, поэтому с учетом принципа человекомерности права и сама правовая реальность в аналитических целях представляется в качестве двухуровневого образования как синтеза личностно-правового и институционального уровней правового бытия. Данное положение выражается в принципе двухуровневости правовой реальности. Личностно-правовой уровень правовой реальности представлен правовым деятелем и связанными с ним соответствующими личностно-правовыми элементами (правовым сознанием личности, личностными правовыми ценностями, правопритязанием и т. д.). Институциональный уровень правовой реальности представлен элементами, созданными средствами юридического конструирования и представляющими сферу юридического должествования. Несмотря на то что наряду с категорией правовой реальности правоведами также используются схожие по смыслу понятия правовой среды, правового

пространства, правовой сферы и др. [1; 10; 27; 31], полагаем, что по сравнению с ними правовая реальность является наиболее предельно-абстрактной и более точной общетеоретической категорией, отражающей мир права в целом и его онтологический статус в частности.

Список источников

1. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фундамент повышения качества правовой среды // Образование и право. 2021. № 5. С. 89–92.
2. Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / под ред. д-ра юрид. наук А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 307–472.
3. Антонов М. В., Оглезнев В. В. Юридический позитивизм и истина в праве // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 4. С. 42–61.
4. Борисов В. Н. Философия Аристотеля. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 1996. 70 с.
5. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
6. Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. 328 с.
7. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 320 с.
8. Дидикин А. Б. История и методология аналитической юриспруденции: учеб. пособие. М.: Проспект, 2020. 136 с.
9. Лазарев В. В. Об экзистенции отечественной юридической науки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 57–64.
10. Лазарев В. В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 5–17.
11. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография. Харьков: Право, 2002. 328 с.
12. Максимов С. И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 41–54.
13. Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 400 с.
14. Манов Г. В. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 9. С. 29–36.
15. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с.
16. Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сб. ст. [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. С. 505–574.
17. Павлов В. И. Мир юридического позитивизма и антропологическое измерение права // Как возможна логика в праве? Коллективная монография / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 27–70.
18. Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13.

19. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 34–39.
20. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: И. Д. С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. 864 с.
21. Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 9–42.
22. Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.
23. Пучков О. А. Антропологическое постижение права: монография. Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. юрид. акад., 1999. 383 с.
24. Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5. С. 48–98.
25. Разуваев Н. В. Три парадигмы правового познания: к юбилею профессора А. В. Полякова // Управленческое консультирование. 2015. № 3 (75). С. 60–67.
26. Реальна ли правовая реальность: научная дискуссия / сост. Г. Г. Бернацкий // Правоведение. 2013. № 3. С. 238–271.
27. Ромашов Р. А. Интернет-правовая среда герменевтики // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4 (46). С. 84–96.
28. Слободнюк С. Л. Правовая реальность, правосознание и мнимость понятийных смыслов // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 40–44.
29. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 840 с.
30. Тимошина Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 48–75.
31. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3 (207). С. 5–16.
32. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
33. Честнов И. Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права: монография. СПб.: СПБЮИ Ген. прокуратуры РФ, 2002. 96 с.

References

1. Agamirov K. V. Yuridicheskoe prognozirovanie kak fundament povysheniya kachestva pravovoj sredy // *Obrazovanie i pravo*. 2021. № 5. S. 89–92.
2. Al'churron K. E., Bulygin E. V. Normativny'e sistemy // *Rossijskij ezhegodnik teorii prava*. № 3. 2010 / pod red. d-ra yurid. nauk A. V. Polyakova. SPb.: I. D. SPbGU, 2011. S. 307–472.
3. Antonov M. V., Ogleznev V. V. Yuridicheskij pozitivizm i istina v prave // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2020. № 4. S. 42–61.
4. Borisov V. N. *Filosofiya Aristotelya*. Samara: Izd-vo Samar. gumanitar. akad., 1996. 70 s.
5. Vasil'ev A. M. *Pravovy'e kategorii. Metodologicheskie aspekty` razrabotki sistemy` kategorij teorii prava*. M. : Yurid. lit., 1976. 264 s.

6. Vedeneev Yu. A. *Yurisprudenciya: yavlenie i ponyatie. Vvedenie v genealogiyu yazyka konceptual'nyh paradigm: monografiya.* M.: Prospekt, 2022. 328 s.
7. Gadzhiev G. A. *Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti): monografiya.* M.: Norma; INFRA-M, 2013. 320 s.
8. Didikin A. B. *Istoriya i metodologiya analiticheskoy yurisprudencii: uchebnoe posobie.* M.: Prospekt, 2020. 136 s.
9. Lazarev V. V. *Ob e'kzistencii otechestvennoj yuridicheskoy nauki // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii.* 2013. № 4 (93). S. 57–64.
10. Lazarev V. V. *Sudebny'j aktivizm v formirovanii pravovogo prostranstva // Zhurnal rossijskogo prava.* 2021. T. 25. № 9. S. 5–17.
11. Maksimov S. I. *Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmy'sleniya: monografiya.* Har'kov: Pravo, 2002. 328 s.
12. Maksimov S. I. *Klassicheskaya i neklassicheskaya modeli osmy'sleniya pravovoj real'nosti v kontekste kommunikativnoj paradigmy prava // Pravovedenie.* 2014. № 6 (317). S. 41–54.
13. Mal'cev G. V. *Nravstvenny'e osnovaniya prava: monografiya. 2-e izd., peresmotr.* M.: Norma; INFRA-M, 2015. 400 s.
14. Manov G. V. *Aksiomy' v sovetskoj teorii prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* 1986. № 9. S. 29–36.
15. Matuzov N. I. *Lichnost'. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy' sub`ektivnogo prava.* Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1972. 292 s.
16. Novgorodcev P. I. *Nravstvennyj idealizm v filosofii prava // Problemy' idealizma. Sb. St. [1902].* M.: Modest Kolerov i «Tri kvadrata», 2002. S. 505–574.
17. Pavlov V. I. *Mir yuridicheskogo pozitivizma i antropologicheskoe izmerenie prava // Kak vozmozhna logika v prave? Kollektivnaya monografiya / pod red. M. V. Antonova, E. N. Lisanyuk, E. N. Tonkova.* SPb.: Aletejya, 2021. S. 27–70.
18. Pashencev D. A. *Modernizaciya metodologii pravovy'h issledovanij v usloviyah stanovleniya novoj nauchnoj racional'nosti // Zhurnal rossijskogo prava.* 2020. № 8. S. 5–13.
19. Pashencev D. A. *Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real'nosti kak vy`zov Leviafanu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya.* 2020. № 3. S. 34–39.
20. Polyakov A. V. *Obshchaya teoriya prava: Problemy' interpretacii v kontekste kommunikativnogo podhoda: kurs lekcij.* SPb.: I. D. S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 864 s.
21. Polyakov A. V. *Proshchanie s klassikoj, ili kak vozmozhna kommunikativnaya teoriya prava // Rossijskij ezhegodnik teorii prava.* 2008. № 1. S. 9–42.
22. *Postklassicheskaya ontologiya prava: monografiya / pod obshch. red. I. L. Chestnova.* SPb.: Aletejya, 2016. 688 s.
23. Puchkov O. A. *Antropologicheskoe postizhenie prava: monografiya.* Ekaterinburg: Izd-vo Ur. gos. yurid. akad., 1999. 383 s.
24. Razuvaev N. V. *Pravo: social'no-konstruktivistskij podhod // Pravovedenie.* 2015. № 5. S. 48–98.
25. Razuvaev N. V. *Tri paradigmy' pravovogo poznaniya: k yubileyu professora A. V. Polyakova // Upravlencheskoe konsul'tirovanie.* 2015. № 3 (75). S. 60–67.
26. *Real'na li pravovaya real'nost': nauchnaya diskussiya / sost. G. G. Bernackij // Pravovedenie.* 2013. № 3. S. 238–271.
27. Romashov R. A. *Internet-pravovaya sreda germenevtiki // Leningradskij yuridicheskij zhurnal.* 2016. № 4 (46). S. 84–96.

28. Slobodnyuk S. L. Pravovaya real'nost', pravosoznanie i mnimost' ponyatijny'h smy'slov // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. № 1. S. 40–44.

29. Sociokul'turnaya antropologiya prava: kollektivnaya monografiya / pod red. N. A. Isaeva, I. L. Chestnova. SPb.: Alef-Press, 2015. 840 s.

30. Timoshina E. V. Pravo kak «ideya», kak «fikciya» i kak «fakt»: o nominalizme i realizme v teorii prava // Trudy Institutu gosudarstva i prava RAN. 2013. № 4. S. 48–75.

31. Tihomirov Y. A. Prognozy i riski v pravovoj sfere // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 3 (207). S. 5–16.

32. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya. SPb.: Alef-Press, 2012. 650 s.

33. Chestnov I. L. Sovremennye tipy pravoponimaniya: fenomenologiya, germenевtika, antropologiya i sinergetika prava: monografiya. SPb.: SPbYUI Gen. prokuratury RF, 2002. 96 s.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2023;
одобрена после рецензирования: 19.02.2023;
принята к публикации: 22.02.2023.

The article was submitted: 06.02.2023;
approved after reviewing: 19.02.2023;
accepted for publication: 22.02.2023.

УДК 342.7

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.05

Е. А. Певцова

Государственный университет просвещения,
Мытищи, Российская Федерация,
pevtsova@bk.ru

СУБЪЕКТИВНЫЕ КОЛЛИЗИИ В ПРАВЕ

Аннотация. Выявление новых тенденций развития современного права представляется важным для ученых-юристов с целью разработки предложений по совершенствованию российского законодательства. Автор ставит задачу уточнить сущность субъективных коллизий в праве, которые в большинстве своем приводят к проблемам в правовом поведении субъектов права и предложить ряд мер по их преодолению. Методы анализа, систематизации, исторического подхода позволяют заключить, что коллизии не всегда необходимо рассматривать исключительно в негативном формате, зачастую они выступают двигателем развития правовой системы. Конструкция «субъективные коллизии» мало распространена в теории права, больше говорится о субъективных причинах возникновения коллизий. Внимание к субъективным коллизиям позволяет более эффективно прогнозировать организационно-правовые мероприятия по устранению противоречий, возникающих в правотворческой и иной деятельности по вине человека. Определена взаимосвязь субъективных коллизий, уровня правосознания и правовой культуры специалистов разных профессий, обоснована необходимость изменения системы подготовки кадров в высшем образовании. Результаты исследования направлены на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере правотворчества и правового регулирования образовательных отношений.

Ключевые слова: коллизии в праве; субъективные коллизии; норма права; толкование как способ разрешения коллизий.

UDC 342.7

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.05

Е. А. Pevtsova

State University of Education,
Mytishi, Russian Federation,
pevtsova@bk.ru

SUBJECTIVE CONFLICTS IN LAW

Abstract. The identification of new trends in the development of modern law is important for legal scholars aimed at developing proposals for improving Russian legislation. The author sets the task to clarify the essence of "subjective collisions" in law, which mostly

lead to problems in legal behavior of subjects of law, and to propose a number of measures to overcome them. The methods of analysis, systematization, historical approach allow us to conclude that conflicts do not always need to be considered exclusively in a negative format, they often act as an engine for the development of the legal system. The construction of “subjective collisions” is not very common in the theory of law, more is said about the subjective causes of collisions. Attention to “subjective collisions” allows us to predict organizational and legal measures, to eliminate contradictions that arise in law-making and other activities through the fault of a person more effectively. The interrelation of subjective collisions, the level of legal awareness and legal culture of specialists of different professions are determined, the need to change the system of training in higher education is substantiated. The results of the study are aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of lawmaking and legal regulation of educational relations.

Keywords: conflicts in law; subjective conflicts; rule of law; interpretation as a way to resolve conflicts.

Введение

Развитие цифровых отношений, в которые все больше оказывается включенным современный человек, порождает необходимость разработки четкого инструментария поведения в тех случаях, когда мы сталкиваемся с различными коллизиями. Особенно это актуально в сфере профессиональной деятельности, где каждый выполняет определенные роли и функции, которые оказывают влияние на многие жизненно важные для людей процессы. Необходимо разобраться, как можно преодолеть коллизии в профессиональной деятельности, когда выполняется определенная трудовая задача. Именно в этом плане сегодня не хватает серьезных практико-ориентированных научных исследований.

В современном мире насчитывается более 250 000 профессий¹. Появляется немало новых, требующих исключительных компетенций. Это касается тех профессий, которые сопряжены с IT-технологиями, новыми бизнес-процессами в виртуальном пространстве. Многие сферы деятельности человека далеки от полностью урегулированного формата. Человек в мире цифровых технологий сталкивается с тем, что сложно было предугадать законодателю. Причем аналогия применения правовых норм, которые созданы для таких же, казалось бы, моделей поведения, но в реальном мире, оказывается неприменимой. Порождаются споры, противоречия, которые мы и обозначаем незамысловатым юридическим понятием «коллизия». Но многие противоречия в жизни, с которыми сталкиваются люди в правовом пространстве, связаны с волей и сознанием человека, порождаются субъективными факторами, которых можно было бы избежать. Вот почему сегодня важно обратить внимание на так называемые субъективные коллизии, приводящие к различного рода проблемам в правовом поведении субъектов права. Такой термин мало

¹ Краткий отчет по рынку труда в январе 2023 [Электронный ресурс] // Рынок труда в России онлайн. URL: <https://rutrud.com/2023-01/>

распространен в теории права. Больше говорится о субъективных причинах возникновения коллизий.

Представляется, что сегодня настал тот момент, когда, выделяя отдельно именно субъективные коллизии, можно более эффективно прогнозировать организационно-правовые мероприятия по устранению противоречий, которые возникают в правотворческой и иной деятельности по вине человека. Возможно, что государство, реализуя правотворческую функцию, должно включить в нее работу по предотвращению субъективных коллизий как важное направление деятельности. Кроме того, субъективные коллизии порождаются во многом, как ни парадоксально, серьезными проблемами, коренящимися в системе высшего образования, которые необходимо срочно решать.

Термин «коллизия» зародился давно (от *лат.* *collisio* — столкновение) и имеет множественность трактовок. В истории права не раз предпринимались попытки создания универсальных механизмов преодоления коллизий, однако ни одна из них так и не увенчалась успехом.

Актуальность исследования субъективных коллизий в процессе исполнения предписаний права в профессиональной деятельности обусловлена практическими потребностями людей найти оптимальные и эффективные способы правомерного поведения, которые зачастую затруднены в реализации права из-за возникновения различных, противоречащих друг другу юридических документов, норм права и даже интерпретационных актов, по-разному толкующих те или иные варианты возможного поведения субъектов права в современной реальной и виртуальной среде.

Степень изученности темы

Вопрос о существовании противоречий в тех или иных предписаниях является давним. Он осмысливался различными деятелями не только в рамках юридических идей, но и философской интерпретации. Если мы обратимся к истории права и проанализируем речи известного оратора Цицерона, то наверняка поймем, что в его высказываниях подчеркивался факт наличия противоречия в различных правилах, вероятность сообщения обратной силы закона, что влечет за собой ошибки. «Но каждому человеку свойственно ошибаться, и это признает мудрец, не делает этого только глупец», — утверждал оратор. Такие философские рассуждения, сопряженные с жизненным опытом, показывали, что людей и столетия назад волновали вопросы преодоления противоречий и столкновений в праве, обусловленных волей и сознанием человека.

В середине XIX века известный правовед К. А. Неволин в книге под названием «Энциклопедия законоведения» классифицировал законы на отдельные категории: определительные (устанавливают права и обязанности сторон) и охранительные (пресекают правонарушения) [18]. Между ними возникают противоречия, соперничество.

Борьбу законов и соперничество различных правопорядков описал немецкий юрист Г. Елинек [10], указывая, что даже внутри правоотношений борются разные мысли и идеи, определяющие как регулировать ту или иную область отношений. В результате борьбы ценность нового права одерживает победу.

Другой известный австрийский юрист Ганс Кельзен [12] в своей работе «Чистое учение о праве» подчеркивал, что конфликт правовых норм неизбежен, ибо все равно существует главная норма, но этот конфликт можно решить путем интерпретации.

По мнению русского философа-правоведа Е. Н. Трубецкого [26], в реальной действительности можно наблюдать разноместные законы. Их столкновение разрешается с помощью так называемой статуарной теории, когда выбор закона определяется природой правовых отношений [27]. На эту тему написан ряд диссертаций.

В последующие годы вопрос о коллизиях сопрягался с изъянами законов, несовершенством, как мы сказали бы сегодня, юридической техники [15; 19].

Вопрос о сути юридических коллизий изначально поднимался в юридической литературе нашей страны применительно к нормам, которые связаны с международным правом.

Фактически впервые о коллизиях применительно к национальной правовой системе стал ярко говорить известный советский юрист Анатолий Александрович Тилле. Им была написана работа под названием «Время. Пространство. Закон» [24], в которой автор доказал, что коллизии не есть преднамеренное зло, они порой связаны с иными объективными причинами и вполне могут возникать и в российском правопорядке.

Юридические коллизии исследовались в различных аспектах такими учеными, как М. Т. Баймахов, В. К. Бабаев, П. Е. Недбайло, А. Ф. Черданцев, В. Н. Кудрявцев, А. Б. Венгеров, М. В. Баглай и др. [3; 29]. Их идеи были развиты впоследствии Н. А. Власенко в работе «Коллизионные нормы в советском праве» [6]. Причем значимость коллизионных норм стала особенно понятна при столкновении правоприменителя с их большим количеством в практике. Это дало основание Ю. А. Тихомирову [25] заявить об институционализации коллизий и развитии коллизионного права в качестве особой отрасли права. Это означает, что у такой отрасли имеется и свой предмет правового регулирования, и свой арсенал методов, средств, с помощью которых осуществляется решение тех или иных противоречий в реальной жизни. Сегодня коллизионное право — это совокупность норм международного частного права, которые помогают разрешать противоречия между различными правовыми системами. Более того, специалисты стали инициировать принятие нового закона «О федеральном коллизионном праве» [22], который мог бы регулировать разрешение различных противоречий и споров в правовом пространстве.

По вопросам коллизионности права и законодательства высказывались многие ученые, в том числе В. В. Лазарев, А. В. Малько, Л. А. Морозова, М. Н. Марченко, Т. Я. Хабриева, В. Н. Хропанюк и др.

В начале XXI столетия тема коллизий в различных ее аспектах стала предметом многочисленных диссертационных исследований (Юдин А. И. Юридические коллизии и механизм их разрешения: теоретико-правовой аспект. Краснодар, 2014; Ахмеджанова К. В. Юридические коллизии: теория и практика. М., 2017 и др.). Несмотря на разработанность проблемы в 90-е годы прошлого столетия, авторы поднимали вопросы исследования коллизий с различных сторон, в том числе с позиции юридического позитивизма, с позиции интегративных подходов.

Ученые приходили к выводу, что в обществе значительно ускорился процесс перехода общественных отношений, которые возникают между различными субъектами, на уровень их нормативного регулирования. А юридические нормы весьма агрессивно вторгаются в эти общественные отношения. В начале XXI столетия юристы все больше задумываются над тем, что коллизии следует понимать с позиции разных источников права, в том числе тех, которые начали активно использоваться в юридической практике (прецеденты, принципы права). Авторы все больше стали акцентировать внимание не на разрешении коллизий, а на организации работы по их предотвращению [13; 14].

Интересный подход к теме заявил О. В. Мартышин, указав на необходимость обратить внимание на коллизии ценностей, которые наблюдаются в обществе, причем начиная с индивида и завершая государством. И решаются они неодинаково, потому что существует разное соотношение ценностей в действиях физического лица и в актах, исходящих от государства [16].

Сущность коллизий в современном понимании

Выделяя так называемые субъективные коллизии в праве, необходимо признать, что они носят особый характер, отличаются вообще от другого рода коллизий. Для понимания их сути следует иметь в виду те концепции понимания коллизий, которые стали хрестоматийными для теории права. Так, например, Ю. А. Тихомиров подчеркивал, что юридические коллизии есть противоречие между правовым порядком и действиями по его изменению [25]. Ученые обращали внимание на то, что коллизия в праве может выражаться в различных правовых позициях, взглядах, в правопонимании. Думается, что в таком случае она и приобретает субъективный характер, ибо находится в прямой зависимости от воли человека и порождается им.

В юридической науке появились разные определения коллизий. Например, А. А. Тилле [24] утверждал, что коллизия — это конфликт разных законов, которые должны быть применены. С. С. Алексеев [1] подчеркивал, что ведущим критерием коллизий является столкновение нормативных правовых актов. А. Ф. Черданцев [29] полагал, что важным является различное содержание законов, которые регулируют одни и те же ситуации. Н. А. Власенко [6] доказывал, что законы не могут противоречить друг другу, происходит процесс,

при котором при регулировании отношения предполагается различное решение, которое расходится между собой по разным признакам.

Если рассматривать коллизии как сопутствующий элемент правовой жизни, то необходимо отметить, что причинами их появления могут стать несвоевременные внесения изменений в нормативные акты, недостаточный анализ новых инициатив и вводимых норм права, нечеткое формулирование правовых идей в форме права. Это лишь небольшая часть того, что может тормозить эффективное применение права в практике.

Практики констатируют, что качество многих законопроектов оставляет желать лучшего. Выявляются противоречивые предложения, заложенные в текст, внутренняя несогласованность выраженных мыслей. Кроме того, констатируется отсутствие единообразия в применяемой терминологии, встречаются различные семантические ошибки. К сожалению, употребляемые термины непонятны не только лицам, которым они адресованы, но и профессиональным юристам. В последние годы отмечается обилие бланкетных норм, которые явно затрудняют не только восприятие текста, но и реализацию правовых установок. Все это происходит даже в том случае, когда специалистам вменяется использование Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов². Вкрапление в нормативные акты, казалось бы, одинаковых слов, вовсе не означает их одинаковый смысл понимания для правоприменителя. Вот, например, элементарные примеры от практиков.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ дедушки, бабушки, внуки, усыновители и усыновленные являются близкими родственниками, именно так они закреплены в нормах права. И, напротив, если мы анализируем Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³ эти же лица не являются близкими родственниками с юридической точки зрения, они не входят в их круг. Значит, одни и те же термины по смыслу, могут означать разное при их изложении в форме права.

Специалисты-практики утверждают, что отсутствие четкого определения терминов может привести не только к тому, что один и тот же термин будет по-разному использоваться в законодательстве, но и к правовой неопределенности. В Градостроительном кодексе РФ часто используется всем хорошо известный ряд — «здания, строения, сооружения». Например, объект капитального строительства — это здание, строение, сооружение. Строительство — это создание зданий, строений, сооружений. Все эти три понятия в Градостроительном кодексе РФ являются однородными, они находятся на одном уровне.

В Гражданском кодексе РФ при определении понятия «самовольная постройка» указанные выше термины перестают быть однородными. Самовольной

² См.: СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/rekomend/>

³ См.: Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228. URL: <http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2008/52.htm>

постройкой является здание, сооружение или другое строение. Использование слова «другое» позволяет говорить о том, что строение — это более общее понятие, которое включает в себя здания и сооружения. То есть здания и сооружения являются отдельными видами строений. Более того, осложняет использование этих трех терминов и отсутствие законодательного закрепления определений этих понятий, точнее, именно понятия «строение», поскольку в Федеральном законе от 30 декабря 2009 года № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» вводится, соответственно, понятие «здание» и понятие «сооружение»⁴.

Такие ошибки встречаются в случаях, когда законодатель по-разному выражает суть излагаемого смысла. Возникают внутренние противоречия. Например, в Гражданском кодексе РФ содержится императивная норма — использование самовольной постройки не допускается. Но в то же время в Федеральном законе «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» установлено, что религиозные организации вправе использовать самовольные постройки в случае соответствия таких построек требованиям, установленным Правительством Российской Федерации. Такое противоречие нарушает логику изложения и, конечно, установленное Гражданским кодексом РФ требование, согласно которому нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Гражданскому кодексу РФ. Довольно часто использование при одном определяемом слове причастного оборота и придаточной конструкции со словом «который» вызывает многочисленные ошибки. Например, «небанковские кредитные организации, осуществляющие функции центральных контрагентов, которым присвоен кредитный рейтинг»; причастный оборот «осуществляющие функции центральных контрагентов», и придаточная конструкция «которым присвоен кредитный рейтинг». Возникает неопределенность: конструкция «которым присвоен кредитный рейтинг» относится к центральным контрагентам или к небанковским кредитным организациям? Специалисты подчеркивают, что в таких случаях необходимо использовать либо только причастные обороты, если это все относится к одному слову, либо только придаточные части. Соответственно, фразу необходимо исправить следующим образом: «небанковские кредитные организации, которые осуществляют функции центральных контрагентов и которым присвоен кредитный рейтинг».

Важными для профессионалов являются знания того, как правильно найти тот или иной документ в текущей действующей редакции. Для этого необходимы умения пользоваться официальным интернет-порталом правовой информации, знать, что означают те или иные цифры. Например, на официальном интернет-портале правовой информации «0001» — это федеральный уровень, что говорит о том, что это федеральное законодательство, далее — год, месяц, число опубликования, последние четыре цифры — порядковый номер

⁴ См.: Собрание законодательства РФ, 04.01.2010, № 1, ст. 5. URL: <http://pravo.gov.ru/informatsionnyy-byulleten-sobranie-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii/index.php>

опубликования, с которым можно ознакомиться на интернет-портале правовой информации. Соответственно, по этому же номеру можно осуществлять поиск в поисковой системе «Законодательство России», которая также размещена на интернет-портале правовой информации. В рекомендациях на интернет-портале правовой информации приведены примеры оформления документов.

Если отбросить в сторону все рассуждения о сути коллизий в жизни общества, можно признать, что их полное отсутствие наверняка приведет к стагнации законодательства. Споры и противоречия часто становятся импульсом новых идей по разработке юридических норм, способных эффективно регулировать ту или иную ситуацию. Вместе с тем нельзя признавать, что коллизии должны стать нормой в правовом пространстве.

В последние годы все больше акцент делается на необходимости проведения социологических исследований с целью выявления того, что может стать верным ориентиром в том или ином варианте правового регулирования. При этом социологические исследования стали рассматривать как основу, позволяющую предотвратить подобные коллизии.

Появились призывы привлекать институты гражданского общества для предотвращения коллизий. Юридические коллизии стали восприниматься как расхождения между отношениями в обществе и нормативной регламентацией этих отношений. Учитывая, что в правотворческий процесс вовлечены не только государственные структуры, но и общественные организации, можно сделать вывод, что общество гораздо лучше способно заниматься решением вопросов профилактики коллизий и даже их полного недопущения.

Во многих исследованиях последних лет стал выдвигаться тезис о том, что чрезмерная регламентация общественных отношений от государства является нецелесообразной. С этими доводами можно спорить, ибо в истории известны примеры подобных тенденций, переходящих к социальным взрывам и столкновениям. Здесь важно не допускать перегибов. В таких случаях лучше исходить из того, что нормы права должны максимально отражать реальность общественной жизни, и именно это и позволит преодолеть коллизии.

Субъективные коллизии в системе видового разнообразия коллизий

Ученые констатируют, что в юридической практике встречаются различные коллизии [11; 15; 22]. Например, коллизии норм права могут возникать между национальным и международным правом, между правовыми нормами, которые закреплены в нормативных актах одного уровня либо разных уровней по юридической силе. Кроме того, коллизии могут носить временный характер, когда принимается норма, но при этом предыдущая не отменена [22]. Здесь действует известное правило о том, что позднее принятая норма, нашедшая закрепление в акте подобной юридической силы и будет применяться в регулировании общественных отношений.

Классификация коллизий в теории права разнообразна. Так, например, Н. И. Матузов [17] разделил коллизии на шесть групп, среди которых:

- 1) коллизии между нормативными актами или отдельными правовыми нормами, которые в них закреплены;
- 2) коллизии в правотворчестве (например, когда издаются акты, которые взаимоисключают друг друга);
- 3) коллизии, которые возникают в правоприменении (управленческие решения в реализации права противоречат друг другу);
- 4) коллизии полномочий и статусов государственных органов, должностных лиц, иных властных структур и образований;
- 5) коллизии целей (когда в нормативных актах разных уровней или разных органов содержатся противоречивые установки);
- 6) коллизии между национальным и международным правом [9].

В теории права имеются и другие классификации. Так, например, известный автор учебников по теории государства и права А. С. Пиголкин [21] выделял другие разновидности коллизий:

- 1) между нормами права: а) темпоральные, которые отличаются тем, что нормы расходятся во временных пределах, и, конечно, по-разному регулируют ту или иную ситуацию); б) пространственные (они связаны с действием правовых норм в строго обозначенных территориальных границах); в) иерархические (когда появляется несогласованность норм разной юридической силы); г) содержательные (возникают между общими и специальными нормами права, то есть нормами, регулирующими род и вид общественных отношений);
- 2) между нормативными правовыми актами внутри системы законодательства [22].

Как показывает практика, коллизии могут возникать между нормами, которые закреплены в различных источниках права:

- 1) в международных актах и национальных (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, абз. 2 п. 2 ст. 7 ГК РФ);
- 2) Конституции РФ и иных нормативных правовых актов (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ);
- 3) федеральных законах (абз. 1 п. 2 ст. 3 ГК РФ);
- 4) федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов (ч. 4 ст. 2 Лесного кодекса РФ, п. 4 ст. 2 Водного кодекса РФ, п. 2 ст. 2 Земельного кодекса РФ, п. 3–5 ст. 3 ГК РФ);
- 5) подзаконных нормативных правовых актов (например, коллизия норм нормативных правовых актов Правительства РФ и указов Президента РФ; нормативных правовых актов Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти) (п. 7 ст. 3 ГК РФ, п. 2 ст. 2 Земельного кодекса РФ, п. 4, 5 ст. 2 Водного кодекса РФ);
- 6) федеральных законах и нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (абз. 2 п. 1 ст. 2 Земельного кодекса РФ, п. 2 ст. 2 Водного кодекса РФ, п. 5 ст. 2 Лесного кодекса РФ);

7) законах субъектов Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (п. 5 ст. 2 Лесного кодекса РФ, п. 6 ст. 2 Водного кодекса РФ);

8) подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (п. 6 ст. 2 Водного кодекса РФ).

Также коллизия может возникнуть между нормами:

- подзаконных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации РФ;
- федеральных законов и муниципальных правовых актов;
- законов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов;
- подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации и муниципальных правовых актов;
- нормативных правовых актов и локальных нормативных актов;
- локальных нормативных правовых актов и коллективных договоров (или соглашений);
- различных локальных нормативных актов [9].

Субъективные коллизии присутствуют фактически в каждой группе коллизий и являются своего рода ведущей их составляющей. Их главным критерием является порождение их именно волей человека, при этом либо преднамеренно, либо в силу некомпетентности, бессистемности выполняемой юридической деятельности. Все это позволяет констатировать особый, всеобъемлющий в негативном смысле слова характер такого рода противоречий, искоренение которых и их профилактика позволит исключать и другие виды коллизий, которые встречаются в профессиональной деятельности специалистов.

Проблемы, возникающие на практике. Механизм разрешения субъективных коллизий

Примером субъективных коллизий могут стать расхождения, которые встречаются в кодифицированных правовых актах. Например, в Трудовом кодексе РФ правоприменители отмечают статью 136, которая закрепляет правила выплаты заработной платы работником. Эта норма, как мы знаем, устанавливает выплату заработной платы работникам не реже чем через каждые полмесяца. При этом дата выплат устанавливается локальными нормативными актами каждой организации самостоятельно. Трудовые нормы, которые закреплены в кодексе, указывают, что если дата установленной выплаты заработной платы, а такое встречается периодически, попадает на выходной или иной нерабочий день, то зарплата должна быть выплачена раньше. Это автоматически означает, что другая выплата в этом месяце будет сделана с нарушением, то есть в срок, превышающий половину месяца. Таким образом, кодифицированные нормы так систематизированы, что сами порождают коллизии в их применении в реальной жизни. Значит, тот, кто создавал эти нормы, руководствуясь защитой прав

работников, преднамеренно устанавливал коллизию, с которой практически сталкиваются все организации. Выполнить норму можно в таком случае, если ее нарушают. В том заключается определенный парадокс.

Другой пример, опять-таки в сфере трудовых отношений. Статья 61 Трудового кодекса РФ в части четвертой закрепляет такие правила: работник должен своевременно приступить к работе, в тот день, который указан в его трудовом договоре или на следующий день после его подписания. Если работник не сделал этого, то работодатель вправе аннулировать трудовой договор. В таком случае закон предлагает считать аннулированный договор незаключенным. Однако в первой части статьи 61 Трудового кодекса РФ зафиксировано, что трудовой договор вступает в силу с момента подписания его работником и работодателем по общему правилу. Значит, подписав договор, стороны понимают, что он вступил в силу. При этом его можно признавать в силу обстоятельств незаключенным, будто бы его и не было вовсе и он не вступил в силу. Опять налицо правовая коллизия. Это примеры, которые встречаются в одном кодифицированном законе; нормы, противоречащие друг другу, и порождают субъективные коллизии.

Субъективные коллизии могут встречаться и в нормах различных кодифицированных законов. Например, такие примеры, которые наблюдаются в нормах Трудового кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ. За неисполнение сторонами коллективного договора, соглашения ст. 55 Трудового кодекса РФ в качестве меры наказания указывает применение штрафа. Других мер не предусмотрено. В то же время в КоАП РФ говорится, что наряду со штрафом наказанием может послужить и предупреждение, о чем закреплено в ст. 5.31 КоАП РФ. При этом юристы хорошо знают правила о том, что никакие нормативные акты, которые содержат нормы трудового права, не могут противоречить Трудовому кодексу РФ, указам Президента РФ, постановлениям Правительства РФ; не должны противоречить Трудовому кодексу РФ и законам субъектов Российской Федерации, которые содержат нормы производственного законодательства. Органы местного самоуправления вправе принимать нормативные правовые акты, которые содержат нормы трудового права. Но только в пределах своей компетенции и только в соответствии с федеральными законами и иными нормативными актами субъектов Федерации.

Правовые коллизии, которые встречаются в таких случаях, должны решаться на общеправовых принципах построения системы права и применения норм права, таких как: приоритет нормы, которая обладает более высокой юридической силой; приоритет специальной нормы; приоритет нормы, принятой позднее, если она одинакова по уровню юридической силы.

Интересные примеры имеют место быть в практике⁵. Трудовой кодекс РФ в статье 20 предписывает, что работодателем может быть не только юридическое но и физическое лицо.

⁵ Обзор судебной практики профессиональными юристами [Электронный ресурс] // Сетевое издание delo-press.ru (Делопресс). URL: <https://delo-press.ru/journals/staff/kadrovaya-sluzhba-s-nulya/37247-kolliziya-norm-ili-kakomu-zakonu-otdat-predpochtenie/>

Например, профессиональные юристы, адвокаты, нотариусы вправе выступать работодателями, зарегистрировав себя надлежащим образом. Кроме того, гражданин может получить статус индивидуального предпринимателя, осуществляющего деятельность без образования юридического лица. Вот именно здесь и важны как никогда умения разрешать субъективные коллизии. Одновременно с этим нормы гражданского законодательства, в частности статья 27 ГК РФ, указывают, что в роли индивидуального предпринимателя может быть и несовершеннолетний, причем если он достиг 16 лет, имеет решение органа опеки и попечительства, а также согласие родителей. С момента регистрации такой несовершеннолетний становится не просто индивидуальным предпринимателем. Он объявляется еще и дееспособным. По гражданскому законодательству в таком случае он полностью несет ответственность за себя сам. Родители, усыновители, попечители не несут никакой ответственности за причинение несовершеннолетним работодателем имущественного вреда. И вот здесь наблюдается явная коллизия между нормами трудового и гражданского права. Для трудового законодательства важен процесс труда, оно стоит на страже здоровья несовершеннолетних работников. Более того, для тех, кому еще не исполнилось 18 лет, устанавливаются определенные льготы, в том числе в части рабочего времени, времени отдыха, условий выполнения трудовой функции. Для работодателей-несовершеннолетних Трудовой кодекс РФ не предусматривает подобных льгот. Нормы гражданского права не содержат также никаких льготных условий правового регулирования в части несовершеннолетних, выполняющих роль работодателей. Значит, к ним могут быть предъявлены в полном объеме любые претензии и иные требования по выполнению трудовых прав работников. При решении подобных коллизий в практике часто возникает вопрос: приоритет какой нормы следует взять за основу для использования в практике?

Очевидно, при столкновении с коллизиями подобного рода следует отдавать предпочтение кодифицированному закону только в том случае, если этот приоритет кодекса закреплен в самом кодексе относительно других федеральных законов. Приоритет кодекса может использоваться при невозможности применения принципа приоритета специальной нормы перед общей; федеральный закон сам не должен быть кодексом; норма иного федерального закона должна регулировать отношения, которые входят в предмет регулирования кодифицированного акта. В статье 5 Трудового кодекса РФ закреплено, что «в случае противоречий между настоящим Кодексом и иным федеральным законом, содержащим нормы трудового права, применяется настоящий Кодекс»⁶.

Таким образом, юридическая практика показывает, что субъективные коллизии на сегодняшний день довольно часто встречаются в реальной правовой жизни.

⁶ Обзор судебной практики профессиональными юристами [Электронный ресурс] // Сетевое издание delo-press.ru (Делопресс). URL: <https://delo-press.ru/journals/staff/kadrovaya-sluzhbas-nulya/37247-kolliziya-norm-ili-kakomu-zakonu-otdat-predpochtenie/>

Механизм разрешения субъективных коллизий является частью механизма правового регулирования. Для его большей эффективности необходимы результаты мониторинга правоприменительной практики, деятельности государственных органов, в первую очередь прокуратуры, министерства юстиции по экспертизе нормативных актов. Они позволяют понять причины коллизий.

Во многих случаях коллизии сегодня связаны и с тем, что современный человек уходит в виртуальный мир общения. И в большинстве своем переносит существующие в реальной жизни правила в виртуальное пространство. При этом существующие санкции не повлияли существенно на этот процесс. Так, например, по итогам опроса, проведенного сервисом «Зарплата.ру», отмечается, что в 2022 году пользоваться «Инстаграмом»⁷ перестали 38 % респондентов. Больше трети из них поняли, что ничего особенного не потеряли и у них освободилось много личного времени (35 %); 24 % опрошенных не пользуются соцсетью, так как против ее политики; не хотят скачивать лишнее на смартфон 22 %; у 7 % VPN тормозит другие приложения; 12 % поддерживают каждую из вышеперечисленных причин. Почти половина (45 %) ушедших из «Инстаграма» перешли в «ВКонтакте», в «Телеграм» — 39 %, в «Одноклассники» — 9 %, никакой из соцсетей не пользуются 7 %; 14 % опрошенных вели рабочий аккаунт в «Инстаграме». Из них больше половины (57 %) перешли в другие соцсети, а 15 % параллельно работали на других площадках и просто уведомили подписчиков, что уходят; 28 % опрошенных прекратили делать посты в «Инстаграме» и не перешли в другие соцсети⁸. Это позволяет сделать заключение о том, что современный человек, несмотря ни на какие ограничения, продолжает активно оставаться в виртуальном пространстве, пользуясь тем или иным спектром правовых норм, регулирующих его поведение⁹.

Подводя итог исследованию механизма разрешения субъективных правовых коллизий, необходимо подчеркнуть, что они должны опираться на следующие принципы:

1) приоритет нормы, которая обладает высшей юридической силой. Суды при разрешении дел, столкнувшись с субъективной коллизией, исходят из необходимости принятия решения на основании нормы, которая закреплена в акте, имеющем наибольшую юридическую силу (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ, п. 2 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ, п. 2 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ);

2) приоритет специальной нормы перед общей. Иногда в отсылочных нормах показан специальный характер тех правил, к которым отсылает нормативный документ. Например, в пункте 3 ст. 1 Федерального закона «Об акционерных

⁷ «Инстаграм» принадлежит компании «Мета», признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

⁸ Краткий отчет по рынку труда в январе 2023 [Электронный ресурс] // Рынок труда в России онлайн. URL: <https://rutrud.com/2023-01/>

⁹ Денисов Д. В. Юридические коллизии: понятие и причины возникновения [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-kollizii-ponyatie-i-prichiny-vozniknoveniya/viewer>

обществах» зафиксировано, что создание, реорганизация, ликвидация АО в банковской, инвестиционной и страховой деятельности определяются федеральными законами;

3) приоритет нормы, принятой позднее;

4) указанные принципы применяются таким образом, что каждый последующий применяется только в том случае, если нет возможности применить предыдущий принцип.

При разрешении коллизий между нормами, содержащимися в актах федерального уровня, и нормами, содержащимися в актах субъектов Российской Федерации, юридическая сила этих актов по отношению друг к другу определяется в зависимости от предметов ведения.

Практика Конституционного суда РФ по позициям разрешения субъективных коллизий

Выше уже были определены расходящиеся по сути решения при рассмотрении дел, которые связаны с субъективными коллизиями. Однако интересны исследования юристов, проведенные в последние годы, которые обратили внимание на несогласованность правовых позиций Конституционного суда РФ при разрешении коллизий. В конце прошлого столетия Конституционный суд РФ раскритиковал идею приоритета кодексов над федеральными законами при разрешении коллизий. При этом суд руководствовался принципом «равный над равным власти не имеет (*par in parem non habet imperium*)¹⁰. Далее в начале XIX столетия, а именно в 2003 году, Конституционный суд РФ указывает, что решение вопроса о соотношении правила о приоритете ГК РФ и специальных норм закона о банкротстве следует оставить на усмотрение судов, которые детально изучают дело и разрешают конкретные споры¹¹. Буквально через год Конституционный суд РФ подтвердил конституционность статьи 7 УПК РФ, в которой закреплена иерархия в уголовно-процессуальном законодательстве¹².

Проходит год и Конституционный суд РФ опять корректирует свою позицию: конструкция формального приоритета кодексов над другими федеральными законами соответствует Конституции РФ, но приоритет кодекса перед федеральными законами не является безусловным, может быть ограничен

¹⁰ Определения Конституционного Суда РФ от 05.11.1999 № 182-О, от 03.02.2000 № 22-О [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ, 27.12.1999, № 52, ст. 6460. URL: <http://pravo.gov.ru/informatsionnyu-byulleten-sobranie-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii/index.php>

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 504-О [Электронный ресурс] // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002398118>

¹² Постановление Конституционного Суда РФ № 13-П от 29.06.2004 «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ, 05.07.2004, № 27, ст. 2804. URL: <http://pravo.gov.ru/informatsionnyu-byulleten-sobranie-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii/index.php>

правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений¹³. Фактически, как указывают ученые, Конституционный суд РФ свел на нет значение предметной иерархии нормативных правовых актов с точки зрения преодоления коллизий в праве. Так, закреплен приоритет содержательного и хронологического критериев преодоления коллизий над приоритетом кодифицированного акта. Правовые позиции Верховного суда РФ также противоречивы в этом вопросе. Интересно, что в практике правоприменители используют все противоречивые позиции [24]. Это означает, что вопрос использования правил разрешения коллизий и практика их разрешения далеки от совершенства.

Выводы

Юридические коллизии являются фактором, подталкивающим законодателя на принятие новых норм права, а следовательно, выступают двигателем развития правовой системы. Их нельзя рассматривать исключительно с негативной точки зрения. Следовательно, коллизии в праве не есть тормоз, который приводит к стагнации правовой системы. Напротив, они мотивируют на принятие новых юридических норм, проведение их систематизации.

Вместе с тем их увеличивающееся количество является признаком бессистемного развития законодательства, что является недопустимым в условиях усложняющихся общественных отношений. Коллизии могут возникать в силу объективных факторов, которые никак не зависят от людей и складываются в силу различных причин, в том числе связанных с развитием новых государственно-правовых образований, прогрессом общества.

Коллизии могут быть связаны с волей, сознанием человека и порождаться отсутствием профессионализма людей, их компетентности. В последнем случае следует констатировать существование так называемых субъективных коллизий. Именно они и являются негативной характеристикой правовой системы. Субъективные коллизии напрямую связаны с уровнем правосознания и правовой культуры профессионалов, зависят от их воли и сознания. Причем речь идет не только о юристах, а обо всех специалистах, которые сегодня выходят из стен высшей школы. Низкий уровень правовой информированности, негативное отношение к праву и законам, отсутствие высокого уровня мотивации на правомерное поведение порождает многочисленные ошибки, коллизии, которые мы наблюдаем.

Если это отнести к разным сферам профессиональной деятельности человека, то возникает потребность разработки абсолютно новой модели подготовки

¹³ Определения Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О; от 02.03.2006 54-О; от 15.05.2007 № 371-О; от 17.06.2013 № 946-О [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ, 30.01.2006, № 5, ст. 633. URL: <http://pravo.gov.ru/informatsionnyy-byulleten-sobranie-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii/index.php>

специалистов высшей школы — тех профессионалов, от которых зависит будущее любой профессиональной деятельности, причем не только юридической, что особенно важно.

Необходимо отойти от созданной в нынешнее время эклектичной модели обучения бакалавра, специалиста, магистра в вузе. Должна быть выстроена система единого общего высшего образования с различными сроками обучения по разным направлениям подготовки. При этом необходимо в профессиональных компетенциях прописать задачу формирования умений разрешать юридические коллизии в профессиональной деятельности и осуществлять работу по их профилактированию. Для этого должна быть выстроена эффективная модель формирования правовой культуры, правового сознания будущего профессионала.

Профессионал должен обладать высоким уровнем правовых знаний в области профессиональной деятельности, уважительного отношения к закону и праву, а также умениями действовать правомерно при выполнении своих профессиональных задач. Значит, в системе высшей школы должен быть достигнут достаточный уровень воспитанности будущих профессионалов. Данная задача напрямую корреспондируется с нормами Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где важными задачами указаны вопросы воспитания и организации воспитательной работы¹⁴. Однако заметим, что в реальной практике эти задачи всегда были нацелены на воспитательную деятельность в системе общего образования в школе, в то время как студенческая молодежь оказывалась за бортом такой целенаправленной работы. В настоящее время необходимо не просто акцентировать воспитательную работу со студенческой молодежью, но и обратить внимание на следующие новые направления в этой части: переход к субъект-субъектному взаимодействию студентов и преподавателей, когда студент не является пассивным объектом воспитательной работы, а сам включен в эту деятельность. Подходы в воспитании, применяемые ранее, обнаруживают недостаточную функциональность в новых условиях, что обуславливает постановку задачи разработки и принятия новой модели воспитательной деятельности. Важной составляющей этой работы должна стать правовоспитательная и патриотическая деятельность, которая влияет на инициирование новых юридических правил в государстве, регулирующих сложные общественные отношения. Это связано с тем, что выстроенная система ценностей в правосознании личности находит отражение не только в правопонимании, но и в правовой культуре, поведении субъекта права.

Необходимы следующие рекомендации органам государственной власти, научно-экспертного и педагогического сообществ по формированию правового сознания, оказывающего влияние на правопонимание и качество принимаемых законов. Федеральному собранию Российской Федерации: принятие федерального закона о запрете героизации исторических противников России и изменников

¹⁴ См.: Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598. URL: <http://pravo.gov.ru/informatsionnyy-byulleten-sobranie-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii/index.php>

Родины; принятие федерального закона об иностранной пропаганде в России. Правительству Российской Федерации: разработка и принятие концепции Основ государственной исторической политики России; организация целевого противодействия антироссийской исторической пропаганде. Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, Министерству просвещения Российской Федерации: включение критерия патриотического просветительства в систему критериев оценок деятельности вузов; разработка и принятие нового поколения учебников по гуманитарным и обществоведческим дисциплинам, акцентированных на решение задач патриотического воспитания и отвечающих на вызовы антироссийской информационной кампании; концептуальный пересмотр утратившего функциональность в современных условиях Историко-культурного стандарта. Проведение ревизии образовательных программ, учебников и учебных пособий с целью устранения подходов, умаляющих роль России в мировом историческом процессе, навязывающих нехарактерные для российского общества ценности. Восстановление практики ежедневной политинформации в школах и лекториях о текущем международном положении в учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Устранение из показателей успешности вузов, научных организаций и рейтингования ученых показателей публикационной активности и цитирования в изданиях, входящих в международные базы цитирования. Изменение методики воспитательной деятельности в соответствии с российской традицией воспитания, традиционными для России представлениями о добре и зле. Восстановление начальной военной подготовки в школах, организация подготовки преподавателей НВП. Министерству культуры Российской Федерации: установление ограничений и квот на прокат иностранной кинопродукции и представленности в телевизионной сетке, на распространение иностранных песен в концертах, конкурсах и шоу-программах, в том числе на телевидении. Популяризация образов героев Отечества, включая героев-современников, в разных сферах государственной и общественной деятельности, раскрытие героизма в соотношении с российскими цивилизационными ценностями. Министерству иностранных дел Российской Федерации: контрпропаганда в отношении государств, проводящих информационную политику распространения антироссийских мифов; создание страновой серии учебников по истории России для иностранцев. Федеральной службе безопасности, Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: отстранение от руководящих позиций в сферах образования, науки, культуры, просветительской деятельности лиц, известных приверженностью ценностям и подходам, связываемым с недружественными России государствами; внесение критерия патриотизма при устройстве на должности, связанные с работой с молодежью и воздействием на массовое сознание. Установление моратория на деятельность учреждений в сфере образования и культуры, известных приверженностью ценностям и идеям недружественных России государств, умалением и дискредитацией роли России в мировых

процессах. Закрытие сайтов и социальных сетей, подрывающих патриотизм российских граждан, ведущих пропаганду в интересах недружественных России государств. Составление перечня обществоведческих концептов, признаваемых экстремистскими и запрещаемых к распространению в Российской Федерации. Российскому союзу молодежи: формирование патриотического молодежного движения, имеющего организационные ячейки в образовательных организациях всех уровней, включенных в решение задач воспитательной деятельности. Российскому обществу «Знание»: организация в масштабах страны просветительского лектория по противодействию фашизму, нацизму, проявлений россиефобии. Грантовым фондам Российской Федерации: переориентация грантового распределения на поддержку патриотического направления в науке, образовании, культуре, просветительстве; формирование системы государственных заказов на создание патриотических образов средствами художественной литературы, изобразительного искусства, кинематографа. Всероссийским социологическим центрам: проведение регулярного мониторинга патриотичности российской молодежи. Исполнительной власти субъектов Федерации: включение задач патриотического воспитания в отчетные позиции региональной и муниципальной власти. Научно-экспертному сообществу: формирование концептуальных подходов преподавания гуманитарных дисциплин на основе российских традиционных ценностей, цивилизационной идентичности и осмысления роли России в мировом процессе. Целевая поддержка разработок по раскрытию взгляда на Россию как государство-цивилизацию, поддержка цивилизационного подхода в научно-исследовательской и образовательной деятельности. Проведение ревизии, используемой в научной, образовательной, культурной и управленческой деятельности терминологии с целью блокирования неоправданного распространения англицизмов в русском языке; повышение вариативности при изучении иностранных языков в образовательных организациях. Создание профессиональных объединений ученых-гуманитариев, стоящих на патриотических позициях.

Важную роль в разрешении юридических коллизий играет толкование норм права, которое также основано на определенном уровне правовой культуры, правового сознания интерпретатора. Разрешая субъективные коллизии, важно объективно оценивать правовые взгляды законодателя, его правопонимание.

Список источников

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Свердлов. юрид. ин-т. Свердловск, 1972–1973. 2 т. 167 с.
2. Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Новое «указное» нормотворчество: общая характеристика результатов; тенденции развития // Государство и право. 2010. № 1. С. 12–20; 13.
3. Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме / АН КазССР. Ин-т философии и права. Алма-Ата: Наука, 1972. 358 с.
4. Беляева О. В., Мукиенко И. Н. Коллизии в правовом поле России. // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 8. С. 3–7.

5. Буюков А. П. Юридические коллизии и способы их устранения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1999. 279 с.
6. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 99 с.
7. Голубцов В. Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 20–33.
8. Гурьянова В. В. Проблемы определения понятия, структуры, особенностей и функционального назначения коллизионных норм национального права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 33–39.
9. Денисенко В. В. Коллизии правовых актив и механизм их разрешения: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 237 с.
10. Еллинек Георг // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 3. 289 с.
11. Занина М. А. Коллизии норм права равной юридической силы: понятие, причины, виды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 229 с.
12. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб.: АЛЕФ-Пресс», 2015. 542 с.
13. Кузнецов А. П. Коллизии в праве: теоретическое исследование. // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 190–195.
14. Курбатов А. Я. Разрешение коллизий с участием норм Гражданского кодекса Российской Федерации: старые и новые проблемы // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 36–44.
15. Лушников А. М. Коллизии в праве и пути их преодоления посредством коллизионных предписаний: отраслевой аспект // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 211–215.
16. Мартышин О. В. Коллизии ценностей и перспективы развития российской государственности // Государство и право. 2021. № 4. С. 50–58.
17. Матузов Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225–244.
18. Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. В 2 т. Т. 1. Энциклопедия законоведения: введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. 501 с.
19. Певцова Н. С. Новые подходы к конституционному статусу личности в свете принятия поправок к основному закону государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 32–36.
20. Петров А. А. Вопросы преодоления коллизий норм кодексов, устанавливающих собственный приоритет // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Право 1. С. 4–23.
21. Пиголкин А. С. Советское законодательство и его роль в коммунистическом строительстве / А. С. Пиголкин, И. Н. Рожко. М.: Знание, 1976. 64 с.
22. Сухов Э. В. Правовые коллизии и способы их разрешения: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 238 с.
23. Татаринцов С. А. Конституционно-правовые коллизии в решениях Конституционного суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 5. С. 45–50.

24. Тилле А. А. Время. Пространство, закон: действие советского закона во времени и пространстве. М.: Юрид. лит., 1965. 203 с.

25. Тихомиров Ю. А. Законодательная техника как фактор эффективности законодательной и правоприменительной деятельности // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2000. С. 44. 347 с.

26. Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. 352 с.

27. Хачаян С. В. Конституционные коллизии в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Южный федеральный ун-т, 2017. 230 с.

28. Червяков М. Э., Щекин А. Ю. К вопросу о выявлении и устранении юридических коллизий в праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1. С. 27–36.

29. Черданцев А. Ф. Системность норм права: сб. ученых тр. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1970. Вып. 12. 278 с.

References

1. Alekseev S. S. Problemy` teorii` prava: kurs lekcij: v 2 t. / M-vo vy`ssh. i sred. specz. obrazovaniya RSFSR; Sverdl. yurid. in-t. Sverdlovsk, 1972–1973. 2 t., 167 s.

2. Arzamasov Yu. G., Pevczova E. A. Novoe «ukaznoe» normotvorchestvo: obshhaya karakteristika rezul'tatov; tendencii razvitiya // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 1. S. 12–20; 13.

3. Bajmaxanov M. T. Protivorechiya v razvitii pravovoj nadstrojki pri socializme / AN KazSSR. In-t filosofii i prava. Alma-Ata: Nauka, 1972. 358 s.

4. Belyaeva O. V., Mukienko I. N. Kollizii v pravovom pole Rossii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2022. № 8. S.3–7.

5. Buyakov A. P. Yuridicheskie kollizii i sposoby` ix ustraneniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 1999. 279 s.

6. Vlasenko N. A. Kollizionny`e normy` v sovetskom prave. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1984. 99 s.

7. Golubczov V. G. Temporal'ny`e kollizionny`e normy` kak yuridicheskie sredstva preodoleniya vremenny`x protivorechij mezhdru pravovy`mi normami. // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 1. S.20–33.

8. Gur`yanova V. V. Problemy` opredeleniya ponyatiya, struktury`, osobennostej i funkcional'nogo naznacheniya kollizionny`x norm nacional'nogo prava // Aktual'ny`e problemy` rossijskogo prava. 2016. № 11. S. 33–39.

9. Denisenko V. V. Kollizii pravovy`x aktiv i mexanizm ix razresheniya: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2004. 237 s.

10. Ellinek Georg // Bol'shaya sovetskaya e`nciklopediya: [v 30 t.] / pod red. A. M. Proxorov 3-e izd. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1969. T. 3. 289 s.

11. Zanina M. A. Kollizii norm prava ravnoj yuridicheskoy sily`: ponyatie, prichiny`, vidy`: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. 229 s.

12. Kel`zen G. Chistoe uchenie o prave. 2-e izd. / per. s nem. M. V. Antonova i S. V. Lyozova. SPb.: Alef-Press, 2015. 542 s.

13. Kuznecov A. P. Kollizii v prave: teoreticheskoe issledovanie // Yuridicheskaya texnika. 2017. № 11. S. 190–195.

14. Kurbatov A. Ya. Razreshenie kollizij s uchastiem norm Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: stary`e i novy`e problemy` // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 10. S. 36–44.

15. Lushnikov A. M. Kolliziya v prave i puti ix preodoleniya posredstvom kollizionny`x predpisaniy: otraslevoj aspekt // Yuridicheskaya texnika. 2017. № 11. S. 211–215.

16. Marty`shin O. V. Kollizii cennostej i perspektivy` razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 4. S. 50–58.

17. Matuzov N. I. Kollizii v prave: prichiny`, vidy` i sposoby` razresheniya // Pravovedenie. 2000. № 5. S. 225–244.

18. Nevolin K. A. E`nciklopediya zakonovedeniya // Polnoe sobranie sochinenij K. A. Nevolina. V 2 t. T. 1. E`nciklopediya zakonovedeniya: vvedenie v e`nciklopediyu zakonovedeniya, obshhaya chast` ee i pervaya polovina osobennoj chasti. SPb.: Tip. E`duarda Pracza, 1857. 501 s.

19. Pevezova N. S. Novy`e podxody` k konstitucionnomu statusu lichnosti v svete prinyatiya popravok k osnovnomu zakonu gosudarstva // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 8. S. 32–36.

20. Petrov, A. A. Voprosy` preodoleniya kollizij norm kodeksov, ustanavlivayushhix sobstvenny`j prioritet // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2019. Pravo 1. S. 4–23.

21. Pigolkin A. S. Sovetskoe zakonodatel`stvo i ego rol` v kommunisticheskom stroitel`stve / A. S. Pigolkin, I. N. Rozhko. M.: Znanie, 1976. 64 c.

22. Sukhov E`. V. Pravovy`e kollizii i sposoby` ix razresheniya: dis. ... kand. jurid. nauk N. Novgorod, 2004. 238 s.

23. Tatarinov S. A. Konstitucionno-pravovy`e kollizii v resheniyax Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2019. № 5. S. 45–50.

24. Tille A. A. Vremya. Prostranstvo, zakon: dejstvie sovetskogo zakona vo vremeni i prostranstve. M.: Yurid. lit., 1965. 203 s.

25. Tixomirov Yu. A. Zakonodatel`naya texnika kak faktor e`ffektivnosti zakonodatel`noj i pravoprimeritel`noj deyatel`nosti // Problemy` yuridicheskoy texniki: sbornik statej / pod red. V. M. Baranova. N. Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta, 2000. S. 44. 347 s.

26. Trubeckzkoj E. N. Iz proshlogo. Vospominaniya. Iz putevy`x zametok bezhencza. Tomsk: Vodolej, 2000. 352 s.

27. Xachanyan S. V. Konstitucionny`e kollizii v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-n/D.: Yuzhny`j federal`ny`j un-t, 2017. 230 s.

28. Chervyakov M. E`. , Shhekin A. Yu. K voprosu o vy`yavlenii i ustranении yuridicheskix kollizij v prave // Pravo i gosudarstvo: teoriya i prakika. 2020. № 1. S. 27–36.

29. Cherdancev A. F. Sistemnost` norm prava: sbornik ucheny`x trudov. Sverdlovsk: Izd-vo Sverdlovskogo jurid. In-ta, 1970. Vy`p. 12. 278 s.

Статья поступила в редакцию: 04.02.2023;
одобрена после рецензирования: 21.02.2023;
принята к публикации: 26.02.2023.

The article was submitted: 04.02.2023;
approved after reviewing: 21.02.2023;
accepted for publication: 26.02.2023.

УДК 340:32

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.06

И. Л. Честнов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
ichestnov@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. Автор статьи показывает перспективы политической юриспруденции. Она зарождается в США как движение правового реализма. Затем политическая юриспруденция в США развивается школой критических правовых исследований. Однако сегодня, по мнению автора, наиболее перспективным является другое направление. Оно связано с постклассической картиной мира и возникает в конце XX века. Важнейшую роль в становлении политической постклассической юриспруденции сыграли французские мыслители М. Фуко и П. Бурдьё.

Правовую политику, по мнению автора, в широком смысле можно трактовать как государственное (или социальное) управление в сфере права. Ее содержание образует определение необходимости в законодательном регулировании некоторых общественных отношений, формирование соответствующей формы права (законодательного акта) и ее реализацию в правопорядке, а также обратную связь — мониторинг правопорядка и уточнение необходимости изменения законодательства.

Ключевые слова: право; политика; юриспруденция; политическая юриспруденция; правовая политика.

UDC 340:32

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.06

I. L. Chestnov

St. Petersburg Law Institute (branch)
of University of the Public prosecution of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation,
ichestnov@gmail.com

POLITICAL JURISPRUDENCE AS AN INTERDISCIPLINARY TREND IN POSTCLASSICAL LEGAL SCIENCE

Abstract. The author of the article shows the prospects of political jurisprudence. It originated in the United States as a movement of legal realism. Then the political jurisprudence in the USA is developed by the school of critical legal studies. However, today, according to the author, another direction is most promising. It is associated with the postclassical

picture of the world and arises at the end of the 20th century. French thinkers M. Foucault and P. Bourdieu played the most important role in the development of political postclassical jurisprudence.

Legal policy, according to the author, in a broad sense can be interpreted as state (or social) management in the field of law. Its content forms the definition of the need for legislative regulation of certain social relations, the formation of an appropriate form of law (legislative act) and its implementation in the legal order, as well as feedback such as monitoring the rule of law and clarifying the need to change legislation.

Keywords: law; policy; jurisprudence; political jurisprudence; legal policy.

Право — сложное, многогранное явление, объект многих социогуманитарных наук. Одним из важных и интересных, эвристически ценных направлений исследования права является его политический анализ. При этом право, оставаясь предметом преимущественно юридической науки, достаточно перспективно исследовать с позиции политологии, политического его измерения. Такие рамки анализа права задает политическая юриспруденция как междисциплинарное направление.

Право, рассматриваемое с политической точки зрения, предполагает отказ от формализма в пользу демонстрации политической обусловленности и ангажированности юридического. При этом такой подход включает несколько направлений. Правовой реализм, или школа критических правовых исследований (преимущественно в США), акцентирует внимание на политическом присутствии в любом юридически значимом действии и решении, на их политической ангажированности. Именно этот подход наиболее распространен в современной политической юриспруденции США. В то же время точка зрения французских социальных философов П. Бурдье или М. Фуко, например, предполагает гораздо более сложную картину взаимодействия политики и права и, соответственно, предмета политической юриспруденции.

1. Политическая юриспруденция США как направление современного правоведения

Политическая юриспруденция достаточно значимое направление в юридической науке США второй половины XX века. Оно возникает из влиятельного течения — правового реализма — и примыкающего к данному течению социологической инженерии права Р. Паунда. В то же время политическая юриспруденция, по мнению С. А. Егорова, так и не приобрела институционального статуса, а представляет собой междисциплинарное направление в современной политологии и науке публичного права США, акцентирующее внимание на изучении политической составляющей в отправлении правосудия, преимущественно в деятельности Верховного суда США [3, с. 4]. Представители политической юриспруденции также обращают внимание на то, какое воздействие на этот процесс оказывают различные внеправовые социально-политические факторы и каковы последствия судебных решений.

В качестве методологии политическая юриспруденция использует преимущественно методики бихевиористской психологии: установка (аттитюд), социально-биографические и ролевые методики, факторный анализ, включая анализ внешнего социально-политического окружения.

Политическая юриспруденция в 70–80-х годах XX века получает новый импульс развития в школе критических правовых исследований и в ренессансе правового реализма, прежде всего в Италии и Франции. В школе критических правовых исследований выделяется несколько направлений: романтическое (представленная Д. Сингером), глобально-прагматическое (восходящее к Ю. Хабермасу), умеренно-прагматическое, или локально-прагматическое (Г. Пеллер), и оппозиционное, провозгласившее «конец политики» как оппозиции любым иерархиям (Р. Ангер) [8, р. 290–299].

В общем и целом движение критических правовых исследований относится к неомарксистской политической философии и стремится выявить классовую составляющую (или основу) в законодательстве и правопорядке современных, прежде всего буржуазных обществ. Такой подход, как представляется, можно квалифицировать как неклассическую философию права.

Политическую юриспруденцию можно рассматривать также с позиций постклассической социальной философии. Политика, в интерпретации М. Фуко, П. Бурдьё, Э. Гидденса (независимо от различий в их позициях), — это формирование образа социального, включая тот его аспект, который нуждается в государственно-правовом опосредовании. Политика — это символическая борьба по укреплению социального статуса в соответствующем поле (в широком смысле — в поле власти), по выработке социального капитала как ставки в такой борьбе. Политика в таком случае — это конструирование социальности (вместе с правом и другими социальными феноменами, прежде всего знаково-символическими системами). Роль символического (знакового) в современном мире постоянно возрастает и образует содержание политического. С помощью конструирования социальных значений политика формирует выгодное ей представление о социальном и правовом порядке как должном (картину мира, включая юридическую ее составляющую) и обеспечивает его легитимацию. Три этих подхода — условно говоря, бихевиористское, неомарксистское и постклассическое — это весьма актуальные направления в современной юриспруденции и философии права.

2. Политика и право: их взаимообусловленность и взаимовлияние в постклассической социальной философии

Политика, в традиционном ее прочтении, — это деятельность по управлению делами общества. Кроме того, политика имманентна власти: борьба за власть, распоряжение ею и ее распределение образует содержание политики. Постклассическая же интерпретация политики акцентирует внимание

на знаковом ее опосредовании и процессуальности. Политическое не существует вне ментально-психических процессов, которые не просто ее опосредуют, но конституируют. «Символы господствуют над людьми, представляя им образы, выдаваемые за действительность», — афористично пишет И. А. Исаев [4, с. 295]. Политическое, в таком случае, — это конструирование социального мира с помощью символической власти, высшей формой которой, по мнению П. Бурдьё, является право. Вырабатываемая государством — главным субъектом политики — во взаимодействии с основными социальными группами идеология как система господствующих в данном социуме представлений обеспечивает легитимацию существующего общественного и правового устройства (общественного порядка и правопорядка). Как писал в свое время Л. Альтюссер, школа не только обучает и приобщает детей к знаниям, но и к правилам порядка, установленным, по его мнению, господствующим классом, обеспечивая тем самым установленный доминирующим классом порядок в обществе¹. При этом государство действует как идеологический аппарат, включающий, по мнению французского неомарксиста, не только школу, но и религию, семью, юриспруденцию, политическую систему, профсоюзы, информационные системы, культуру. Неважно, что такие институты могут быть и частными (например, школьные учреждения), а важно то, что они контролируются и направляются государственной властью и служат интересам государства, которое, в свою очередь, по мнению Л. Альтюссера, выражает интересы буржуазии². Такого рода воздействие значительно отличается от прямого (физического) принуждения и описывается в неомарксизме термином «гегемония». Со времен А. Грамши, гегемония — это такое сочетание силы и согласия, которое исключает преобладание первого над вторым, это создание видимости того, будто сила опирается на согласие большинства через органы общественного мнения.

Государство дисциплинирующими практиками, как показал М. Фуко, производит субъектов как таковых и, несомненно, субъектов права. Государство, используя такую форму власти, как «власть знания», распространяется непосредственно на повседневную жизнь, «классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов» [6, с. 168].

Более того, как заявляет П. Бурдьё, современное государство с помощью символической власти официальной номинации «учреждает» социальный мир. Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая

¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. Идеология и идеологические аппараты государства. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 05.01.2023).

² Там же.

гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (в особенности — чувство социального мира) предполагает то, что Дюркгейм назвал логическим конформизмом, то есть «гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами» [2, с. 89]. Эта символическая власть сосредоточена, прежде всего, в руках государства. Государственная власть, утверждает П. Бурдьё, производит и навязывает «(в частности, через школу) категории мышления, которые мы согласно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству» [1, с. 220].

Эти достаточно абстрактные положения социально-политической философии уместно конкретизировать анализом правовой политики, выступающей содержанием политической философии.

3. Правовая политика как содержание политической юриспруденции

Содержание политической юриспруденции, как представляется, составляет правовая политика. Именно в ней в концентрированном виде воплощаются все содержательные характеристики политической юриспруденции как направления научного исследования права с позиций политического измерения. Рассмотрим правовую политику в постсовременном обществе и то, как она исследуется в постклассической юридической науке.

В структурном аспекте правовая политика может быть рассмотрена как стадии выработки решений, облеченных в юридическую форму, имеющих социальное значение. Другими словами, это такие решения, которые касаются общества в целом. Стадиями же правовой политики выступают, во-первых, определение перспектив или основных направлений правового развития общества (правовая стратегия), во-вторых, ее конкретизация в принимаемых нормативных правовых актах (законодательстве в широком смысле слова, включающем все формы внешнего выражения нормативности права); в-третьих, реализация этих форм нормативности права в юридических практиках, образующих правопорядок в обществе (в социолого-правовом смысле). Правовая политика не может и не должна пониматься исключительно как выработка правовой стратегии, хотя это важнейшая ее — правовой политики — стадия. Только тогда, когда стратегия воплощается в практиках, можно говорить о функционировании правовой политики, о ее воплощении в правовой жизни. Именно эта стадия позволяет оценивать (всегда приблизительно) то, насколько реалистична правовая стратегия и эффективна правоприменительная политика.

Сама по себе структура правовой политики ничего не говорит о ее содержании. Содержательный же аспект правовой политики контекстуально опосредован и сегодня значительно изменился по сравнению с ее классическим образцом. Постсовременный мир, задающий контекст правовой политики, — это, прежде всего, новое представление о реальности, включая границу того,

что можно считать реальным и вымышленным («нереальным»). Реальность проблематизируется, во-первых, социальными представлениями о существующем как о реальном. Без таких представлений, циркулирующих в средствах массовой коммуникации, фактически совершенное общественно опасное деяние не будет квалифицировано как преступление, выход людей с политическими лозунгами как политическая акция и т. д. Так понимаемая реальность характеризуется стохастичностью, перманентной изменчивостью, нестабильностью. Важно также то, что она — реальность — не может иметь одной «единственно верной» оценки. Это связано с тем, что ценности, которые ранее были относительно гомогенными в разных культурах, стали фрагментарными и диффузными. В множестве социальных групп и культур (возможно, субкультур) свои системы ценностей, с позиций которых оценивается происходящее в мире. Борьба представителей основных социальных групп за право официального определения явлений и событий, приписывания некоторым из них юридической значимости и образует содержание правовой политики.

Содержание правовой политики в современной отечественной литературе все еще раскрывается через придание ей научной обоснованности. При этом предполагается возможность четкого и однозначного соотнесения рационально сформулированной цели, результата и средств, затраченных на достижение поддающегося калькулированию (расчету) результата [5]. Такая программа политики права характерна для эпохи модерна, или индустриального общества с его сциентистской картиной мира. Современная (постсовременная, постклассическая) наука видит, знает и признает свою ограниченность (что не ставит под сомнение важность и необходимость науки как феномена культуры). Ограниченная рациональность, невозможность дать точный прогноз сложным социальным процессам, оценить их последствия, особенно отдаленные и побочные, — вот далеко не полный перечень критики (или) провалов «сциентистского разума». Неопределенность сегодня выступает принципом не только политического мышления, но и фактически принципом функционирования правовой системы общества [7, с. 98–115]. Поэтому политика права должна отказаться (и уже отказывается) от претензий на рациональное преобразование мира с помощью методологии социальной инженерии (которая, как показал Р. Паунд, всегда опирается на право). Более того, правовая политика отказывается и от попыток онтологического (или онтического) ее обоснования. Невозможно найти причины, с неизбежностью производящие следствия, в стохастическом, неустойчивом социальном мире, в котором правит случайность (хотя вероятностные тенденции можно и нужно выявлять). Поэтому постсовременная политика права акцентирует внимание на процессе принятия решений в историческом и социокультурном контексте, на убедительность доводов в пользу их — решений — принятия (или отказа), на отношения власти и населения при обсуждении таких решений и их легитимации.

Таким образом, политическая юриспруденция как междисциплинарное направление в постсовременной юридической науке отказалась от догм наивного натурализма — поиска онтических оснований нормотворчества и правоприменения в пользу акцента на анализе дискурсивной процессуальности. Это не означает полного отказа от исследований функциональной значимости правовой стратегии и эффективности правопонимения, но говорит о необходимости их вписания в исторический и социокультурный контекст, воспроизводимый в том числе дискурсивными практиками наделения социальных явлений юридической значимостью и их реализации в правопорядке.

Список источников

1. Бурдые П. Дух государства // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.: отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
2. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
3. Егоров С. А. Политическая юриспруденция в США. М.: Наука, 1989. 219 с.
4. Исаев И. А. Господство: очерки политической философии. М.: Норма, 2008. 351 с.
5. Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А. В. Малько. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2010. 273 с.
6. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. В. М. Скуратова; под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис. 2006. Ч. 3. 311 с.
7. Честнов И. Л. Определенность/неопределенность в праве: постклассическая интерпретация // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. 296 с.
8. Tushnet M. Some Current Controversies in Critical Legal Studies // German Law Journal. 2011. № 12. 290–299 p.

References

1. Burd`e P. Dux gosudarstva // Burd`e P. Sociologiya social`nogo prostranstva / per. s fr.: otv. red. perevoda N. A. Shmatko. M.: Institut e`ksperimental`noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2005. 288 s.
2. Burd`e P. O simbolicheskoy vlasti // Burd`e P. Sociologiya social`nogo prostranstva / per. s fr.: otv. red. perevoda N. A. Shmatko. M.: Institut e`ksperimental`noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2005. 288 s.
3. Egorov S. A. Politicheskaya yurisprudenciya v SHA. M.: Nauka, 1989. 219 s.
4. Isaev I. A. Gospodstvo: Oчерki politicheskoy filosofii. M.: Norma, 2008. 351 s.
5. Pravovaya politika: slovar` i proekt koncepcii / pod red. A. B. Mal`ko. Saratov: Saratovskaya gos. akad. prava, 2010. 273 s.
6. Fuko M. Sub``ekt i vlast` // Fuko M. Intellektualy` i vlast`: Izbranny`e politicheskie stat`i, vy`stupleniya i interv`yu / per. s fr. V. M. Skuratova; pod obshhej red. V. P. Bol`shakova. M.: Praksis, 2006. Ch. 3. 311 s.

7. Chestnov I. L. *Opredeleenost' / neopredeleenost' v prave: postklassicheskaya interpretaciya* // *Neopredeleenost' prava: filosofskoe osmy'slenie i juridicheskoe znachenie: monografiya / pod obshh. red. O. Yu. Ry'bakova*. M.: Prospekt, 2022. 296 s.

8. Tushnet M. *Some Current Controversies in Critical Legal Studies* // *German Law Journal*. 2011. № 12. 290–299 p.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2023;
одобрена после рецензирования: 21.02.2023;
принята к публикации: 25.02.2023.

The article was submitted: 09.02.2023;
approved after reviewing: 21.02.2023;
accepted for publication: 25.02.2023.

УДК 342.7

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.07

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, adorskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, dorski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0991-2941>

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ ПРАВОСУДИЕ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ)

Аннотация. В статье показаны особенности реализации права на справедливое правосудие в зависимости от того, защита каких прав и свобод осуществляется.

Целью исследования является конкретизация реализации права на справедливое правосудие на примере защиты в судебном порядке свободы совести. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: раскрыть содержание основных международно-правовых документов и российских нормативных правовых актов, закрепляющих право на справедливое правосудие; охарактеризовать признаки справедливого правосудия; показать важность существования наряду с государственными судами религиозных судов, рассматривающих вопросы внутренней жизни конфессий; рассмотреть проблему необходимости защиты прав как верующих, так и неверующих; раскрыть особенности судебной защиты свободы совести как индивидуального и коллективного права.

В результате работы сделан вывод о том, что право на справедливое правосудие является одним из важнейших прав, способствующих конкретизации других прав

и свобод и обеспечивающих их защиту. В связи с тем, что свобода совести сочетает интересы как верующих, так и атеистов, индивидуальные и коллективные права, право должно оставаться универсальным социальным регулятором, способствующим разрешению религиозных споров и предотвращению конфликтов в данной сфере.

Ключевые слова: право на справедливое правосудие; свобода совести; судебная защита; поколения прав человека; верующие; атеисты; индивидуальные права; коллективные права; социальные регуляторы.

UDC 342.7

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.07

A. A. Dorskaya

Northwestern branch of Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
adorskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>

A. Y. Dorsky

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation,
dorski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0991-2941>

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO FAIR JUSTICE (ON THE EXAMPLE OF PROTECTION OF FREEDOM OF CONSCIENCE)

Abstract. The article shows the features of the realization of the right to fair justice, depending on what rights and freedoms are protected.

The purpose of the study is to specify the implementation of the right to fair justice on the example of the protection of freedom of conscience in court. In accordance with the goal, the following tasks are set in the article: to reveal the content of the main international legal documents and Russian regulatory legal acts that enshrine the right to fair justice, to characterize the signs of fair justice, to show the importance of the existence, along with state courts, of religious courts that consider issues of the internal life of confessions, consider the problem of the need to protect the rights of both believers and non-believers, reveal the features of judicial protection of freedom of conscience as an individual and collective right.

As a result of the work, it was concluded that the right to fair justice is one of the most important rights that contribute to the specification of other rights and freedoms and ensure their protection. Due to the fact that freedom of conscience combines the interests of both believers and atheists, individual and collective rights, law should remain a universal social regulator that helps resolve religious disputes and prevent conflicts in this area.

Keywords: right to fair justice; freedom of conscience; judicial protection; human rights generations; believers; atheists; individual rights; collective rights; social regulators.

Введение

Право на справедливое правосудие — это итог многовековой борьбы за права человека, который на современном этапе закреплён как на международном, так и на внутригосударственном уровне.

Так, статья 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 года гарантирует, что каждый имеет право на эффективное восстановление в своих правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, а статья 11 — презумпцию невиновности, принципы законности и публичности при осуществлении правосудия.

Конкретизация европейской традиции понимания права на справедливое правосудие содержится в статье 6 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 года: оно включает в себя право на справедливое и публичное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В Российской Федерации конституционно закреплено, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, предусмотрена возможность участия присяжных заседателей (статья 47, ч. 1 и 2).

Таким образом, признаками справедливого правосудия являются: законность, публичность, независимость, беспристрастность, разумность сроков рассмотрения дела и вынесения решения. Все они должны неукоснительно соблюдаться. Исключения могут относиться только к принципу публичности, поскольку в интересах правосудия, для обеспечения государственной безопасности или общественного порядка, по моральным соображениям, в интересах несовершеннолетних, для охраны тайны частной жизни могут проводиться и закрытые для публики и средств массовой информации заседания.

Однако, несмотря на такую широкую нормативно-правовую базу, вопрос о праве на справедливое правосудие постоянно стоит на повестке дня. Это происходит потому, что сам концепт справедливости, объективно обладает характеристикой универсальности [2, с. 46], а реализацию права на справедливое правосудие невозможно рассматривать в отрыве от других прав и свобод человека, каждое из которых имеет свои особенности. Данный процесс можно проследить на примере судебной защиты свободы совести.

Степень научной разработанности темы

Проблеме судебной защиты свободы совести, реализации права на справедливое правосудие при защите прав верующих и неверующих на современном этапе уделяется достаточно большое внимание. К основным направлениям российских исследований относятся: конституционная гарантия права на судебную защиту свободы совести [6], анализ судебной практики в Европейском

суде по правам человека по делам, связанным с реализацией свободы совести [11], реализация свободы совести в трудовых правоотношениях [8], судебные процессы по делам об оскорблении религиозных чувств верующих [4; 9], допустимость ограничений при реализации свободы совести [5], значение судебной религиоведческой экспертизы [1], судебная защита свободы совести в зарубежных странах [7; 10] и т. д. Зарубежные исследователи также большое внимание уделяют изучению защиты свободы совести в Европейском суде по правам человека [14], подчеркивая важность современного контекста при определении судом границ свободы совести [12; 13].

Методы

В статье при помощи дескриптивного метода описаны решения международных и национальных судов европейских стран, связанные с защитой свободы совести. Формально-юридический метод был применен при анализе содержания норм Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции о защите прав человека, Конституции Российской Федерации, посвященных праву на справедливое правосудие. В рамках использования сравнительно-правового метода был применен синхронный срез, позволивший проследить отличия в терминологии закрепления современными странами государственной религии, а также диахронный срез, благодаря которому показана разная ситуация в России в периоды отсутствия и существования религиозных судов. Наконец, благодаря анализу фактологического материала были выявлены основные проблемы, возникающие при вынесении судами решений по делам, затрагивающим свободу совести.

Основная часть

Суды при рассмотрении дел, связанных с реализацией свободы совести, сталкиваются со следующими основными проблемами.

Во-первых, в таких делах сталкиваются два социальных регулятора — право и религия, а поэтому для вынесения справедливого решения суд должен учитывать как нормы позитивного, так и нормы канонического права.

Во-вторых, если вопрос касается сугубо внутренней жизни религиозной организации, предпочтительным является его рассмотрение не государственным судом, а судом соответствующей конфессии. Иначе возможны различные казусы.

Так, в августе 2000 года был принят новый Устав Русской православной церкви, в котором новеллой постсоветского времени стало воссоздание системы церковных судов. Таким образом, произошло обращение к дореволюционной практике, существовавшей много веков.

До принятия такого решения было несколько дел, показывающих необходимость возрождения церковных судов. В частности, резонансным было дело Татьяны Малахович, которая в марте 2001 года в светском суде оспаривала акт Южно-Сахалинской и Курильской епархии Русской православной церкви о ее отлучении от церковного общения [3, с. 13–15].

В-третьих, если рассматривать свободу совести с точки зрения теории «поколений» прав человека, предложенной Карлом Васаком в 1970-е годы и продолжающей оставаться популярной до сих пор¹, она относится как к правам и свободам «первого поколения» (гражданские и политические права), так и «третьего поколения» (коллективные права).

Если в рамках индивидуальных прав свобода совести подразумевает право каждого на свободу своих религиозных убеждений, на право верить или не верить, то право на религиозное образование, публичную демонстрацию религиозных убеждений, право на создание религиозных объединений носят коллективный характер.

Справедливое правосудие, таким образом, — это учет интересов как конкретного верующего или неверующего человека, так и религиозной организации или сообщества атеистов.

В-четвертых, на современном этапе наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, развитие постсекулярного мира, который пришел на смену самого атеистического XX века и на наступление которого после событий 11 сентября 2001 года обратил внимание Юрген Хабермас². С другой стороны, существует течение, рассматривающее атеизм как способ противодействия тому виду терроризма, который базируется на религиозной основе.

Эти процессы являются очень сложными. Реализация права на справедливое правосудие в этом вопросе способствует преодолению перекося, когда защищаются только права верующих.

В качестве примера можно привести дело «Перовы против Российской Федерации», решение по которому было вынесено Европейским судом по правам человека в 2020 году. Суть жалобы состояла в том, что в светской школе православный священник благословил учащихся 1-го класса перед началом учебного года. А заявители и их 7-летний сын принадлежали к церкви общины Христа, причем глава семьи был священником этой церкви.

Решение Европейского суда по правам человека затронуло не только эту конкретную ситуацию, но и выразило мнение о пределах допустимости совершения религиозных обрядов в общеобразовательных учебных заведениях

¹ *Vasak K.* Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights [Электронный ресурс] // UNESCO Courier. 1977. Nov. URL: <https://interlaws.ru/pokoleniya-prav-cheloveka/>

² *Хабермас Ю.* Против «воинствующего атеизма» («Постсекулярное» общество — что это такое?) [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Русский журнал». URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (дата обращения: 01.02.2023).

светского государства. Суд поддержал выговор директору школы со стороны вышестоящей образовательной инстанции как адекватное наказание и признал действия российских властей соответствующими нормативно-правовой базе.

В-пятых, право на справедливое правосудие включает в себя учет исторических особенностей той или иной страны при рассмотрении международными или национальными судами дел о нарушении свободы совести. Например, в различных государствах используется разная терминология: в Греции — «господствующая религия», в Великобритании, Дании, Норвегии — «официальная религия», в Болгарии, Грузии, Литве — «традиционные религии» и т. д. При вынесении решения у суда должно быть точное представление о правовом статусе той или иной конфессии в стране.

В-шестых, обращение в суд по защите свободы совести может изменить сложившуюся практику и способствовать созданию новой реальности.

Так, в 2002 году был принят Закон о вероисповеданиях Республики Болгария, согласно которому право регистрации религиозных групп получил Софийский городской суд (статья 15), хотя до этого оно принадлежало только органам исполнительной власти.

В Греции после соответствующего решения Европейского суда по правам человека 1998 года было отменено наказание военным летчикам — Д. Ларисису, С. Мандаларидесу и И. Сарандису, которые были осуждены органами национального правосудия за проповедование религиозного учения пятидесятников, к которому они принадлежали. Суд посчитал, что невозможно устанавливать уголовную ответственность за то, что согласно учению веры пятидесятников ее приверженцы должны высказывать свое мнение о христианской вере и призывать присоединиться к нему. В этой связи суд посчитал справедливым применение к офицерам дисциплинарного взыскания за пропаганду своей религии среди подчиненных. В результате в греческое законодательство были внесены изменения, а судимость указанных лиц аннулирована.

В-седьмых, право на справедливое правосудие по делам о свободе совести включает в себя соблюдение баланса интересов религиозных организаций и верующих, общественного интереса и долга. В частности, это ярко проявилось при реализации Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

С одной стороны, должна была быть восстановлена справедливость, нарушенная при экспроприации церковного имущества в годы советской власти. С другой стороны, иногда религиозные организации пытались вернуть те объекты, которые выполняют важнейшую социальную функцию. Так, практически два года в Московском арбитражном суде рассматривался иск Кресто-Воздвиженского Иерусалимского ставропигиального женского монастыря к российскому реабилитационному центру «Детство». Дело вызвало большой резонанс, поскольку речь шла о больных детях.

Заключение

Права и свободы человека могут рассматриваться только в совокупности. В этом случае возможны их эффективное позитивное закрепление и воплощение в жизни. В этом ряду реализация права на справедливое правосудие является одним из важнейших прав, поскольку способствует конкретизации других прав и свобод и обеспечивает их защиту.

Свобода совести, относящаяся как к индивидуальным и коллективным правам, является одним из сложнейших понятий, сочетающих интересы как верующих, взгляды которых могут существенно отличаться в зависимости от религиозной принадлежности, так и атеистов. Именно поэтому, несмотря на серьезнейшее влияние религиозного фактора на мировоззрение современного человека, мотивацию его поступков и поведения, право должно оставаться универсальным социальным регулятором, способствующим разрешению любых споров и предотвращению конфликтов, в том числе в религиозной сфере.

Список источников

1. Аверина О. Р., Цюпко И. Н. Проблема правового статуса судебной религиозно-ведческой экспертизы // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 2 (75). С. 107–115.
2. Васильев И. А. Применение концепта справедливости к административным и юрисдикционным актам спортивных федераций // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 44–61.
3. Гаранова Е. П. Соотношение церковной и светской юрисдикции: история и современность // История государства и права. 2007. № 21. С. 13–15.
4. Доронина С., Кашаева М., Трубникова Ю. «Оскорбление религиозных чувств»: обыденное сознание и правоприменение // Юрислингвистика. 2022. № 24 (35). С. 45–52.
5. Исаева А. А. Использование принципа пропорциональности и метода взвешивания интересов при определении допустимости ограничений свободы совести // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3 (82). С. 34–50.
6. Колосова Н. М. Конституционное право на судебную защиту свободы совести // Российское правосудие. 2016. № 6 (122). С. 56–62.
7. Мазуркова Т. В. Свобода вероисповедания: конституционный опыт Канады // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 71–80.
8. Ногайлиева Ф. К. Реализация свободы совести и вероисповедания в трудовых правоотношениях: судебная практика // Теология. Философия. Право. 2020. № 1 (13). С. 20–33.
9. Пережегина Г. В., Петров В. В. К вопросу об установлении административной преюдиции при привлечении лиц к уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4–1. С. 341–349.

10. Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 36 с.

11. Султанов А. Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского суда по правам человека. М.: СТАТУТ, 2013. 544 с.

12. Guth J. L. New frontiers of religious freedom? LGBTQ rights versus religious conscience // *Religion, State & Society*. 2022. V. 50. № 3. P. 338–355.

13. Kerr S., Heiler J. Discrimination, and Freedom of Thought, Conscience, Religion, or Belief // *The Review of Faith & International Affairs*. 2022. V. 20. № 4. P. 12–20.

14. McCrea R. Religion in Workplace: *Eweida and Other v United Kingdom* // *The Modern Law Review*. 2014. V. 77. I. 2. P. 277–291.

References

1. Averina O. R., Czyupko I. N. Problema pravovogo statusa sudebnoj religiovedcheskoj e'kspertizy // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2016. № 2 (75). S. 107–115.

2. Vasil'ev I. A. Primenenie koncepta spravedlivosti k administrativny'm i yurisdikcionny'm aktam sportivny'x federacij // *Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2022. № 1 (45). S. 44–61.

3. Garanova E. P. Sootnoshenie cerkovnoj i svetskoj yurisdikcii: istoriya i sovremenost' // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2007. № 21. S. 13–15.

4. Doronina S., Kashhaeva M., Trubnikova Yu. «Oskorblenie religiozny'x chuvstv»: oby'dennoe soznanie i pravoprimenenie // *Yurislingvistika*. 2022. № 24 (35). S. 45–52.

5. Isaeva A. A. Ispol'zovanie principa proporcional'nosti i metoda vzveshivaniya interesov pri opredelenii dopustimosti ogranichenij svobody` sovesti // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2020. № 3 (82). S. 34–50.

6. Kolosova N. M. Konstitucionnoe pravo na sudebnuyu zashhitu svobody` sovesti // *Rossijskoe pravosudie*. 2016. № 6 (122). S. 56–62.

7. Mazurkova T. V. Svoboda veroispovedaniya: konstitucionny'j opy't Kanady` // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2012. № 2. S. 71–80.

8. Nogajlieva F. K. Realizaciya svobody` sovesti i veroispovedaniya v trudovy'x pravootnosheniyax: sudebnaya praktika // *Teologiya. Filosofiya. Pravo*. 2020. № 1 (13). S. 20–33.

9. Perezhogina G. V., Petrov V. V. K voprosu ob ustanovlenii administrativnoj preyudicii pri privlechenii licz k ugolovnoj otvetstvennosti za oskorblenie religiozny'x chuvstv veruyushhix v Rossijskoj Federacii // *Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2019. T. 9. № 4–1. S. 341–349.

10. Serebrennikova A. V. Ugolovno-pravovoe obespechenie konstitucionny'x prav i svobod cheloveka i grazhdanina po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Germanii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. М., 2008. 36 с.

11. Sultanov A. R. Zashhita svobody` sovesti, rasprostraneniya ubezhdenij cherez prizmu postanovlenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka. М.: СТАТУТ, 2013. 544 с.

12. Guth J. L. New frontiers of religious freedom? LGBTQ rights versus religious conscience // *Religion, State & Society*. 2022. V. 50. № 3. P. 338–355.

13. Kerr S., Heiler J. Discrimination, and Freedom of Thought, Conscience, Religion, or Belief // *The Review of Faith & International Affairs*. 2022. V. 20. № 4. P. 12–20.

14. McCrea R. Religion in Workplace: Eweida and Other v United Kingdom // *The Modern Law Review*. 2014. V. 77. I. 2. P. 277–291.

Статья поступила в редакцию: 05.02.2023;
одобрена после рецензирования: 15.02.2023;
принята к публикации: 21.02.2023.

The article was submitted: 05.02.2023;
approved after reviewing: 15.02.2023;
accepted for publication: 21.02.2023.

УДК 341.9.01

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.08

Н. В. Власова

Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
natasha.vlasova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-4143>

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА И ФОРМУЛИРОВАНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Высокая динамика общественных отношений в условиях современных тенденций и вызовов и связанные с ней трансформации правовой реальности актуализируют проблемы эффективности правового регулирования. Целью исследования стало выявление эффективных способов определения права, применимого к частноправовым отношениям с иностранным элементом. Для ее достижения в статье анализируются подходы к решению коллизионного вопроса, учение о нормообразующих факторах, особенности формулирования и реализации принципа автономии воли, вопросы эффективности гибких и жестких коллизионных норм. Делается вывод об обеспечении эффективности определения применимого права и формулирования коллизионных норм посредством расширения сферы и условий применения принципа автономии воли, роста числа гибких коллизионных норм, определенности в установлении их ограничений.

Ключевые слова: международное частное право; коллизионная норма; нормообразующие факторы; локализация правоотношения; закон наиболее тесной связи; закон характерного исполнения; автономия воли; унификация; эффективность.

UDC 341.9.01

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.08

N. V. Vlasova

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
natasha.vlasova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-4143>

PROBLEMS OF EFFECTIVENESS OF DETERMINATION OF APPLICABLE LAW AND FORMULATION OF CONFLICT RULES IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Abstract. The high dynamics of social relations in the context of modern trends and challenges and the transformations of legal reality associated with it actualize the problems

of the effectiveness of legal regulation. The aim of the study was to identify effective ways to determine the law applicable to private law relations with a foreign element. To achieve it, the article analyzes approaches to solving the conflict issue, the doctrine of norm-forming factors, the specifics of formulating and implementing the principle of autonomy of will, questions of the effectiveness of flexible and rigid conflict norms. The conclusion is made about ensuring the effectiveness of determining the applicable law and formulating conflict of rules by expanding the scope and conditions for applying the principle of autonomy of will, increasing the number of flexible conflict of rules, and certainty in establishing their limitations.

Keywords: international private law; conflict rule; normative factors; localization of legal relationship; the law of closest connection; the law of characteristic performance; autonomy of will; unification; efficiency.

Введение

В современных условиях роста динамики общественных отношений под влиянием технологических [6, с. 31–39], эпидемиологических факторов, расширения сфер и спектра применяемых санкционных ограничений [7, с. 7] важной проблемой является создание адекватного правового регулирования, отражающего существующие социально-экономические реалии и прогноз их развития, отвечающего потребностям граждан, общества и государства, соответствующего целям своего установления. В связи с этим одной из важных задач, стоящих перед юридической наукой и практикой, является дальнейшая разработка теории эффективности в праве [2, с. 154–160]. Фрагментация правового пространства в целом [3, с. 27–49] и международного частного права (далее — МЧП) в частности, характеризующаяся в последнем случае наличием достаточно большого числа источников МЧП конвенциональной и негосударственной природы, при этом не всегда складывающихся в определенную систему правового регулирования, имеющих пробелы, в том числе по важным аспектам трансграничных частноправовых отношений, нередко коллидирующих друг с другом либо публичным порядком и сверхимперативными нормами отдельных государств, ставит перед исследователями задачу выявления эффективных способов формулирования коллизионных норм в МЧП, определения права, применимого к трансграничным отношениям граждан и юридических лиц. Распространение санкционных мер в отношении Российской Федерации в последние годы заставляет взглянуть на эту проблему с новых позиций, когда решение коллизионного вопроса напрямую влияет на исполнимость вынесенного судебного решения в зарубежных государствах.

Подходы к решению коллизионного вопроса

При решении вопроса о том, право какого государства подлежит применению к трансграничным частноправовым отношениям (коллизионного вопроса),

может быть использован один из двух выработанных доктриной и практикой МЧП подходов [4, с. 57–66]. Одним из наиболее древних, исторически первых подходов, используемых для решения коллизионного вопроса, является материальный подход, под которым понимается создание новой совокупности материально-правовых норм специально для регулирования трансграничных частноправовых отношений. Он известен еще со времен Древнего Рима, где споры с участием иностранцев рассматривались особым претором, который решал их путем создания норм права, учитывающих потребности развития международного общения и торговли [1, с. 19] (так в последующем сформировалось *jus gentium*). В связи с этим в доктрине МЧП (преимущественно американской, например в лице известного коллизиониста Фридриха К. Юнгера) высказываются предложения о конструировании судом наиболее подходящих материально-правовых норм для регулирования спорного отношения с иностранным элементом на основе норм тех правопорядков, с которыми оно объективно связано. Однако то, что было возможно в древние времена, сложно реализовать в современных условиях развития и усложнения как самих трансграничных общественных отношений, так и их правовой регламентации. Эти идеи не находят отражения в национальном законодательстве о МЧП и не поддерживаются судебной практикой. В современном МЧП рассматриваемый материальный подход к решению коллизионного вопроса выражается в унификации материально-правовых норм [8, с. 19–55], которая осуществляется в форме принятия международных конвенций, имеющих обязательный характер для участвующих государств, а также в форме негосударственных регуляторов, число которых в последние десятилетия возрастает.

Второй подход связан с обращением к коллизионным нормам — нормам особого вида, отличающимся от иных норм в составе системы права (материальных, процессуальных). Их главное предназначение как раз и состоит в ответе на вопрос, каким правом должны регулироваться частноправовые отношения, в которых есть иностранный элемент. Коллизионная норма напрямую не регулирует трансграничных отношений, но отсылает к правопорядку, нормы которого будут применяться судом для их регламентации, причем к правопорядку в целом, а не к отдельным его нормам или правовым актам.

Учение о нормообразующих факторах

При определении наиболее эффективного способа формулирования коллизионных норм подлежат учету так называемые нормообразующие факторы, то есть явления, которые воздействуют на выявление потребности в коллизионном регулировании. Учение о нормообразующих факторах в МЧП, разработанное немецким коллизионистом Г. Кегелем, базируется на теориях юриспруденции интересов Р. Иеринга (вторая половина XIX века) и юриспруденции ценностей (середина XX века). Многообразие нормообразующих факторов

включает: материальные, то есть материально-правовые интересы субъектов частного права, которые зафиксированы в соответствующих материально-правовых нормах; публичные, то есть интересы государства; собственно коллизионные факторы, то есть те, что связаны с особенностями трансграничной природы отношений, регулируемых МЧП.

В числе последних выделяются, в свою очередь, те коллизионные факторы, которые связаны с определенными интересами в сфере коллизионного регулирования: индивидуальными, интересами оборота (любых лиц, которые потенциально могут вступить в трансграничные отношения) и правопорядка (проявления общих принципов системности и определенности правового регулирования [1, с. 58]).

Эффективность служит критерием для разработки и формулирования оптимальной коллизионной нормы с тем, чтобы судебное решение, вынесенное на основе права, определенного в соответствии с этой коллизионной нормой, впоследствии было признано и исполнено на территории другого государства.

Особенности реализации принципа автономии воли в МЧП

В последние годы как в российском, там и в зарубежном законодательстве о МЧП, а также в ряде принятых международных конвенций при решении коллизионного вопроса активную роль играет принцип автономии воли, предполагающий выбор применимого к трансграничным частноправовым отношениям права непосредственно их участниками. Современная тенденция реализации этого принципа заключается в распространении его не только традиционно на сферу договорных обязательств, но и на внедоговорные обязательства.

В российском Гражданском кодексе принцип автономии воли, применяемый в коллизионном регулировании договорных обязательств, сформулирован достаточно широко. Особенности его практической реализации были конкретизированы Пленумом Верховного суда РФ в 2019 году, когда, помимо прочего, был разрешен вопрос о допустимости согласования сторонами трансграничного договора в явной форме в качестве применимого права вненациональных правовых источников. Несмотря на используемую в ГК РФ широкую формулировку данного принципа, возможно его дальнейшее развитие и содержательное наполнение в направлениях:

- распространения на вещные права на движимое имущество;
- распространения на обязательства, возникающие из действий в чужом интересе без поручения;
- допустимости выбора права представителем и третьим лицом во внешних отношениях добровольного представительства [8, с. 403];
- допустимости выбора права сторонами переговорного процесса на любом этапе их взаимодействия и приоритетного применения соглашения о выборе права в преддоговорных отношениях [5, с. 82–97];

- установления возможности согласования сторонами вненациональных регуляторов в качестве права, применимого к их отношениям, основанным не на договоре.

В условиях действия свыше 10 000 введенных в отношении Российской Федерации односторонних экономических ограничений со стороны США, Европейского союза, иных недружественных государств актуальным для российских физических и юридических лиц является уход от применения права недружественных стран и, соответственно, выбор российского либо нейтрального права [7, с. 194].

Эффективность жестких и гибких коллизионных норм

Коллизионные нормы, которые устанавливают алгоритм определения применимого права, могут быть жесткими и гибкими. Первые отсылают к однозначно установленному государственному правопорядку, при этом могут являться односторонними, допуская применение к спорным отношениям только права страны суда и не предполагая возможности определения другого правопорядка. В ГК РФ имеется несколько таких норм, существование которых объясняется необходимостью защиты отечественного публичного порядка (к примеру, нормы п. 3 и 4 ст. 1209 о подчинении формы сделки российскому праву).

В последние десятилетия сохраняется тенденция к установлению в национальном законодательстве о МЧП и закреплению в международных конвенциях гибких коллизионных норм, то есть тех, что отсылают к закону наиболее тесной связи соответствующего отношения с тем или иным правопорядком (к локализации элементов контракта) либо к закону характерного исполнения (к правопорядку той стороны трансграничного отношения, которая осуществляет исполнение, имеющее для этого отношения решающее значение).

Обращение в коллизионных привязках к закону наиболее тесной связи отражено в большом числе конкретных коллизионных норм. Более того, именно наиболее тесная связь лежит в основе правотворческого процесса при формулировании коллизионных привязок к тому или иному правопорядку. Примером может служить коллизионная норма абзаца второго п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ, согласно которой отношения добровольного представительства определяются по праву страны представителя как центральной фигуры, взаимодействующей одновременно и с представляемым, и с третьим лицом. При использовании коллизионной привязки собственно к закону наиболее тесной связи «центр тяжести решения коллизионной проблемы смещается с уровня правотворчества на уровень правоприменения» [1, с. 322]. Суд (государственный или третейский) должен в таком случае исходя из всей совокупности обстоятельств дела определить преобладающую территориальную связь различных элементов спорного отношения с правопорядком того или иного государства. Для этого

учитываются место жительства, гражданство, основное место деятельности сторон, место нахождения объекта правоотношения, место исполнения обязательства, язык контракта, выбранный сторонами государственный суд и пр. При этом судом может приниматься во внимание тот факт, что обращение к праву того или иного государства позволит оптимальным образом осуществить общепризнанные принципы частного права.

Наиболее тесная связь имеет подчиненное значение по отношению к конкретным коллизионным привязкам (праву страны суда, праву места жительства стороны, праву места совершения деликта и пр.). При определении применимого права к договору закон наиболее тесной связи выступает в качестве корректирующей оговорки к закону характерного исполнения. Сейчас в ГК РФ последний принцип приобретает определяющее значение, в частности, для договора в отношении недвижимого имущества. При невозможности определить таковое применяется то, с которым отношение наиболее тесно связано.

Коллизионные нормы в разных государствах не являются единообразными, хотя во многих вопросах стремятся к установлению одинаковых подходов (например, в части коллизионного регулирования договорных обязательств), но в других случаях придерживаются разных позиций (например, при определении личного закона физического лица — по праву гражданства или места жительства, юридического лица — по принципу инкорпорации, оседлости либо контроля). Эффективность реализации жестких и гибких коллизионных норм проявляется по-разному. С одной стороны, жесткие коллизионные нормы (в особенности, односторонние), помимо собственно определения применимого права, имеют и такие цели, как защита собственного правопорядка, определенность правового регулирования, которые и достигаются посредством обращения к ним. С другой стороны, гибкие коллизионные нормы предоставляют определенную свободу для сторон, арбитража в установлении связующих факторов, учете всех обстоятельств локализации правоотношения, что отвечает цели определения наиболее тесной связи.

Заключение

Эффективность коллизионной нормы заключается в точном определении применимого права, которое должно:

- отражать связь с искомым частноправовым отношением, то есть представлять наилучшее решение коллизионного вопроса с пространственной точки зрения;
- соответствовать правам и законным интересам сторон данного правоотношения;
- не вступать в противоречие с публичными интересами правопорядков, с которыми это отношение имеет тесную связь. Речь в последнем случае идет о соответствии применимого права сверхимперативным нормам права страны

суда и правопорядка, с которым данное правоотношение тесно связано, а также о соблюдении условий неприменения оговорки о публичном порядке.

Обеспечению эффективности определения применимого права и формулирования коллизионных норм в МЧП способствует последующее расширение сферы и условий применения принципа автономии воли с соблюдением прав и законных интересов субъектов соответствующих отношений, рост числа гибких коллизионных норм, определенность в установлении их ограничений, в частности посредством сверхимперативных норм, оговорки о публичном порядке. В конечном итоге гибкая коллизионная норма, учитывающая все элементы локализации правоотношения в конкретном правопорядке, становится эффективной.

Список источников

1. Асосков А. В. Основы коллизионного права. М.: М-Логос, 2017. 352 с.
2. Залоило М. В. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. 2017. № 1 (241). С. 154–160.
3. Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49.
4. Марышева Н. И., Лазарева Т. П., Власова Н. В. Цивилистическая концепция международного частного права // Журнал российского права. 2015. № 9 (225). С. 57–66.
5. Муратова О. В. Практика рассмотрения преддоговорных споров, возникающих в международном коммерческом обороте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3 (76). С. 82–97.
6. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
7. Право в условиях санкций: монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М.: Проспект, 2023. 464 с.
8. Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. Н. Г. Доронина. М.: ИЗиСП; Юриспруденция, 2023. 2-е изд., перераб. и доп. 669 с.

References

1. Asoskov A. V. Osnovy kollizionnogo prava. M.: M-Logos, 2017. 352 s.
2. Zaloilo M. V. Problemy` obespechenija kachestva zakona // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 1 (241). S. 154–160.
3. Zaloilo M. V. Fragmentacija kak sovremennaja tendencija razvitija pravovogo prostranstva // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly jekonomiki. 2020. № 1. S. 27–49.
4. Marysheva N. I., Lazareva T. P., Vlasova N. V. Civilisticheskaja koncepcija mezhdunarodnogo chastnogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 9 (225). S. 57–66.
5. Muratova O. V. Praktika rassmotrenija preddogovorny`h sporov, vznikajushhih v mezhdunarodnom kommercheskom oborote // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedenija. 2019. № 3 (76). S. 82–97.
6. Pashencev D. A. Osnovny`e napravlenija i osobennosti razvitija zakonodatel`stva v uslovijah cifrovizacii i perehoda k novomu tehnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2021. № 3 (43). S. 31–39.

7. Pravo v uslovijah sankcij: monografija / pod obshh. red. M. V. Mazhorinoj, B. A. Shahnazarova. M.: Prospekt, 2023. 464 s.

8. Problemy` unifikacii mezhdunarodnogo chastnogo prava: monografija / otv. red. N. G. Doronina. M.: IZiSP ; Jurisprudencija, 2023. 2-e izd., pererab. i dop. 669 s.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2023;
одобрена после рецензирования: 20.02.2023;
принята к публикации: 27.02.2023.

The article was submitted: 08.02.2023;
approved after reviewing: 20.02.2023;
accepted for publication: 27.02.2023.

УДК 347.155.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.09

В. Г. Баукин

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, baukinvg@mail.ru

В. В. Кудряшова

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, Хабаровск, Российская Федерация, lera_patrakova@mail.ru

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРЕДСТАВИТЕЛЬ» И «ЗАКОННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ»

Аннотация. Институт представительства широко применим в различных отраслях права, однако имеет частноправовую природу и потому исследуется методами гражданского права. В статье анализируются значения терминов «представитель», «законный представитель», «договорный представитель» с точки зрения их соотношения и содержания, придаваемого им законодателем.

Целью исследования является установление действительного значения термина «представитель» в текстах правовых норм и определение границ участия законных и договорных представителей при совершении сделок. Исходя из цели, поставлены следующие задачи: исследовать виды сделок в зависимости от возможности совершения их через представителя; определить основания участия законных представителей в защите прав и интересов лиц; на основе расширительного толкования правовых норм подтвердить, что законодатель под термином «представитель» понимает как законного, так и договорного представителя; проанализировать возможность передоверия полномочий законного представителя; обосновать необходимость внесения изменений в законодательство, судебную практику и доктрину представительства.

По результатам проведенного исследования авторами предложены конкретные правовые нормы, подлежащие внесению в гражданское законодательство с целью устранения двоякого толкования исследуемого термина, сформулированы рекомендации по обеспечению единообразия судебной практики (что может быть достигнуто путем дополнения постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации), а также предложен авторский доктринальный подход к толкованию термина «представитель» в нормативных правовых актах.

Ключевые слова: гражданское право; гражданское законодательство; субъект правоотношения; представительство; представитель; опека и попечительство; полномочие; передоверие.

UDC 347.155.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.09

V. G. Baukin

Northwestern branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
baukinvg@mail.ru

V. V. Kudryashova

Far Eastern Branch of Russian State University of Justice,
Khabarovsk, Russian Federation,
lera_patrakova@mail.ru

ON THE TERMINOLOGICAL CORRELATION OF THE CONCEPTS “REPRESENTATIVE” AND “LEGAL REPRESENTATIVE”

Abstract. The institution of representation is widely applicable in various branches of law, however, it has a private law nature and is therefore studied by the methods of civil law. The article analyzes the meanings of the terms “representative”, “legal representative”, “contractual representative” from the point of view of their correlation and content given to them by the legislator.

The purpose of the study is to establish the actual meaning of the term “representative” in the texts of legal norms and to determine the boundaries of participation of legal and contractual representatives in transactions. Based on the goal, the following tasks were set: to explore the types of transactions depending on the possibility of making them through a representative; to determine the grounds for the participation of legal representatives in the protection of the rights and interests of persons; on the basis of a broad interpretation of legal norms, to confirm that the legislator understands the term “representative” as both a legal and contractual representative; to analyze the possibility of transferring the powers of a legal representative; to justify the need to amend the legislation, judicial practice and the doctrine of representation.

Based on the results of the study, the authors proposed specific legal norms to be introduced into civil law in order to eliminate the ambiguous interpretation of the term under study, formulated recommendations to ensure the uniformity of judicial practice (which can be

achieved by supplementing the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation), and also proposed the author's doctrinal approach to the interpretation of the term "representative" in regulatory legal acts.

Keywords: civil law; civil law; subject of legal relationship; representation; representative; custody and guardianship; authority; retrust.

Введение

Количество свершаемых сделок с каждым годом увеличивается, как увеличивается и их разнообразие. Возможность для лица совершить сделку не только лично, но и через третье лицо является неотъемлемой частью современного гражданского оборота. Представительство может быть инициировано волей самого потенциального представляемого, а может быть «навязано» законом как единственно возможный способ совершения сделок и представления своих интересов. В некоторых случаях закон требует исключительно личного присутствия лица при совершении сделок. Вместе с тем из содержания правовых норм не всегда можно однозначно уяснить, какой вид представительства допускает законодатель в конкретном случае. В связи с чем актуальным становится лингвистический анализ соотношения терминов «законный представитель» и «договорный представитель» в российских нормативных правовых актах.

Степень научной разработанности темы

Институт представительства был известен еще римским юристам, при этом по аналогии с современным регулированием римские юристы выделяли обязательное и добровольное представительство.

В России нормы о представительстве содержались в Своде законов Российской империи (т. X, ч. 1), в дальнейшем нормы о представительстве получили развитие в положениях Гражданских кодексов РСФСР 1922 и 1964 годов.

В настоящее время наиболее активно обсуждаемыми в научной среде являются следующие вопросы, связанные с представительством: правовая природа представительства [8], процессуальное представительство [9; 12], отдельные виды представительства (коммерческое представительство [5], представительство в трудовых правоотношениях [10] и т. д.).

Методы

В статье методом экстраполяции выводы относительно правового статуса опекунов малолетних и недееспособных граждан распространены на всех законных представителей. Лингвистический метод использован для толкования

используемой законодателем терминологии. Разработка проектов правовых норм, подлежащих внесению в законодательство, и оценка их влияния на правоотношения осуществлены с использованием метода моделирования.

Основная часть

Институт представительства в российском гражданском праве является гарантией права лиц на совершение сделок даже в случаях, когда в силу каких-либо факторов (выезд за пределы места совершения сделки, болезнь, возраст и т. д.) они не могут совершать их самостоятельно. Представитель в гражданском обороте является своего рода юридическим «дублером» и действует от имени стороны сделки и в ее интересах.

Учитывая такую правовую природу, гражданское законодательство достаточно четко регламентирует основания возникновения отношений представительства. Полномочия представителей могут быть основаны на указании закона, акте органа публичной власти или на доверенности (статья 182 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ)). ГК РФ выделяет два вида представительства: законное и договорное. Такие виды представительства не являются уникальными в мире, похожие существуют в том или ином виде в большинстве развитых стран.

Интересно отметить, что в основном положения законодательства о представительстве посвящены вопросам осуществления договорного представительства, в то время как отдельные положения в реализации законным представителем своих полномочий остаются неразрешенными и на практике вызывают существенные проблемы. Анализ статьи 182 ГК РФ в целом свидетельствует о том, что законодатель стремился уравнивать договорных и законных представителей в их статусе, однако ряд последующих правил несколько корректирует правовой статус договорного представителя, что выделяется из общей концепции статуса представителя. Такая оценка позволяет различать правосубъектность законного и договорного представителей. Различие может проявляться при установлении объема полномочий, при передаче полномочий представителя и при оспаривании представляемым разумности и результативности действий представителя.

Отдельные нормативные правовые акты предусматривают возможность совершения сделок только через законного представителя. Так, Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» запрещает привлечение несовершеннолетних обучающихся к труду без согласия их законных представителей. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» устанавливает запрет на публикацию сведений о частной жизни граждан без их согласия (согласия их законных представителей).

Сопоставительный анализ изложенного позволяет сформулировать базовые терминологические допущения. Термин «представитель» законодатель

относит и к законным, и к договорным представителям. То есть при толковании положений нормативных правовых актов, содержащих термин «представитель» необходимо использовать прием расширительного толкования. Однако в отдельных случаях законодатель допускает совершение сделок только через законного, но не договорного представителя.

Российскому законодательству (пункт 4 статьи 182 ГК РФ) известны сделки, которые могут быть совершены только лично (завещание, трудоустройство, заключение брака и др.), что автоматически подразумевает невозможность для недееспособных и малолетних граждан их заключать. Критерии таких личных сделок сформулированы только на уровне судебной практики. В частности, Московский городской суд определил критерии таких личных сделок: обусловлена личностью гражданина; требует его личного участия (апелляционное определение от 24.09.2013 по делу № 11-31050/2013).

Следовательно, оценивая личную природу правоотношения, стоит говорить о трех видах сделок. Сделки, которые могут быть совершены только лично (в силу указания закона или содержания); которые могут быть совершены лично или через законного представителя; которые могут быть совершены через представителя (подразумевая как законных, так и договорных представителей). Кроме того, в качестве предварительного вывода (гипотезы) предлагается утверждение об отсутствии у законного представителя права на заключение сделок по передоверию своих полномочий.

Основанием полномочий законного представителя, как уже говорилось выше, может быть акт уполномоченного органа или закон. К числу таких представителей физических лиц, следовательно, могут быть отнесены родители, опекуны или попечители (пункт 1 статьи 26, пункт 1 статьи 28, статьи 32, 33 ГК РФ), некоторые организации, осуществляющие образовательную деятельность, деятельность по оказанию социальных услуг (если недееспособные или не полностью дееспособные граждане помещены в них под надзор), а организации, осуществляющие медицинскую деятельность в отношении недееспособных пациентов, не имеющих иного представителя (статья 39 Закона Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»).

Издатель в отношении автора, опубликовавшего произведение анонимно или под псевдонимом (статья 1265 ГК РФ [3]), предполагается лицом, осуществляющим представительские функции. Законодательство не требует в этом случае выдачи доверенности или какой-либо специальной формализации договорных отношений. Согласно пункту 2 статьи 1265 ГК РФ издатель утрачивает свои полномочия, если автор произведения раскроет свою личность и заявит о своем авторстве. Следует признать, что указанное правило содержит потенциальную опасность конфликта интересов издателя и автора (правопреемников автора). И эта опасность не всегда устранима за счет оговорки издательского лицензионного договора. Выход может быть найден за счет применения аналогии правил статьи 189 ГК РФ.

Законным представителем грузовладельца является капитан морского судна в отношении сделок, необходимых в связи с нуждами судна, груза или плавания, а также исков, касающихся вверенного капитану судна имущества (статья 71 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации [6] (далее — КТМ)). Основная цель таких установлений тесно связана с тем, что морская (речная в меньшей степени) практика обнаруживает исключительную зависимость от природных и техногенных случайностей и опасностей. Выдача коносамента и ограниченное право перевозчика по распоряжению грузом не дает гарантию устранения всех возможных неожиданных обстоятельств. Представительство обеспечивает оперативное противодействие или устранение последствий в кризисных ситуациях.

Консульские учреждения в отношении отсутствующих граждан или граждан, по иной причине не способных осуществить защиту своих интересов на территории иностранного государства (пункт 8 Положения о Консульском учреждении Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 05 ноября 1998 года № 1330), осуществляют представительские полномочия в силу закона.

Существуют ли особенности при установлении объема полномочий, при передаче полномочий и при оспаривании представляемым разумности и результативности действий законного представителя? Полагаем, что ответ на этот вопрос возможен методом экстраполяции: анализ правового статуса опекунов малолетних и недееспособных граждан позволит распространить сделанные в отношении них теоретические и практические выводы на всех перечисленных законных представителей.

По общему правилу, установленному пунктом 1 статьи 28 ГК РФ, малолетние могут совершать сделки только через своих родителей (усыновителей, опекунов). От имени недееспособного гражданина сделки совершает его опекун (пункт 2 статьи 29 ГК РФ). В соответствии со статьями 31, 32 ГК РФ, статьей 15 Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [7] (далее — Закон об опеке) опекуны являются законными представителями своих подопечных и могут выступать в защиту их прав и законных интересов без специального полномочия (в том числе без доверенности).

Статьей 35 ГК РФ установлено, что опекуны назначаются органом опеки и попечительства, в обязанности которого вменяется проверка кандидата на соответствие предъявляемым законом требованиям: наличие личного согласия; достижение совершеннолетия; наличие дееспособности; отсутствие судимости за отдельные преступления; отсутствие некоторых заболеваний.

Предъявляемые к опекуну требования позволяют осуществить объективный выбор на основе всесторонней оценки качеств личности кандидата уполномоченным органом. То есть назначение конкретного лица опекуном малолетнего или недееспособного гражданина означает юридическое одобрение лично его кандидатуры уполномоченным органом. В основу одобрения не может быть

положено волеизъявление заинтересованного лица (как в договорном представительстве), поэтому производится анализ соответствия некоему абстрактному идеалу (достоин ли законный представитель доверия *ex aequo et bono*).

Данный вопрос является особенно актуальным при правовой оценке действий организаций, на которых в силу пункта 4 статьи 35 ГК РФ возложены обязанности опекунов или попечителей.

Действительно, ГК РФ предусматривает возможность исполнения функций опекуна или попечителя не конкретным человеком, а некоммерческим юридическим лицом, под надзор которого помещены недееспособные или не полностью дееспособные граждане. Означает ли это, что функции опекуна или попечителя в отношении такого гражданина может выполнять любой работник такой организации? Очевидно, что нет. ГК РФ устанавливает, что в составе органов управления юридического лица существуют лица, которые на основании учредительного документа без доверенности действуют от его имени. Обычно таким лицом является руководитель организации, только он и может непосредственно выполнять полномочия опекуна или попечителя в отношении граждан, помещенных под надзор в возглавляемую им организацию. Исполнение таких полномочий иными работниками организации требует выдачи им доверенности на право совершения таких действий. И когда количество помещенных под надзор граждан достаточно велико, вопрос о возможности выдачи директором доверенности на право осуществления отдельных функций опекуна (например, снятие денежных средств со счетов граждан) становится особенно актуальным.

Отличие назначения законного представителя от наделения полномочиями по договору прямо влияет на объем его правоспособности. Договорный представитель ограничен волеизъявлением представляемого, выход за пределы полномочий в исключительных случаях допускается, но может быть оспорен контрагентом. Представитель в силу закона не имеет четких границ своих действий, мерой его поведения служит представление о добросовестности и разумности. Отсюда следует еще одно важное отличие. Целью действия представителя в силу договора может быть как достижение имущественной выгоды (приобретение имущества), так и охрана имущественных интересов представляемого. Для законного представительства приобретение имущества по общему правилу не является самостоятельной целью и связано с защитой личных или имущественных прав представляемого. Опекун приобретает лекарственные средства не в целях перепродажи, а для лечения подопечного. Капитан судна управомочен распорядиться грузом не тогда, когда рыночная конъюнктура предполагает выгоду грузовладельца, но для защиты имущественных интересов, например путем минимизации потерь при угрозе сохранности груза.

Косвенным подтверждением такого вывода является сопоставительное толкование статей 980, 983, 986 ГК РФ [2]. Статьей 981 ГК РФ прямо устанавливается приоритет действий, направленных на защиту имущественных прав,

перед действиями гестора, которые предполагают получение имущественной выгоды доминусом.

Гражданским законодательством установлены исчерпывающие основания для передоверия своих полномочий: в соответствии со статьей 187 ГК РФ допускается только передоверие полномочий, удостоверенных доверенностью. Вместе с тем отдельными законами установлены нормы, позволяющие передачу полномочий опекуна третьим лицам. Так, например, в статье 52 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4] закреплена специальная норма о возможности передачи своих полномочий по представлению интересов подопечного: законные представители (например, опекуны, попечители) могут поручить ведение дела в суде другому лицу. В определенных случаях допускается перенесение деликтоспособности с родителей на образовательную, медицинскую или иную организацию, осуществляющую временный надзор. Такие частные примеры только подтверждают основное правило гражданского законодательства — передоверие для законного представительства не допускается. Орган опеки и попечительства доверил представление и защиту интересов подопечного непосредственно ему на основании оценки его личных качеств и представленных документов, характеризующих отдельные стороны его жизни. Однако отдельными законами могут быть предусмотрены исключения, которыми допускается передоверие полномочий опекуна.

Согласно статье 73 КТМ РФ на старшего помощника капитана судна могут быть возложены обязанности капитана судна до получения распоряжения судовладельца. В советское и постсоветское время морская практика предполагала использование в сложных районах плавания специальной должности дублера капитана (капитан-дублер в речном флоте). Правопреемство включает автоматический переход представительских функций и допустимо лишь в чрезвычайных обстоятельствах (невозможность капитана судна выполнять свои служебные обязанности, например, в случае смерти, болезни и др.). Легко предположить, что при исполнении представительства юридическим лицом, перемена представителя возможна в порядке универсального правопреемства в случае прекращения деятельности организации-представителя.

Полагаем, что вывод об исключительности передоверия полномочий законного представительства нуждается в нормативном закреплении. В этих целях предлагается:

1) статью 35 ГК РФ дополнить пунктом 5 следующего содержания:

«5. Опекуны и попечители не вправе выдавать доверенности на исполнение их полномочий в отношении подопечных, за исключением случаев, предусмотренных законом»;

2) статью 185 ГК РФ дополнить пунктом 7 следующего содержания:

«7. Не допускается выдача доверенности на совершение сделок, которые по своему характеру или в силу указания закона могут быть совершены только лично или через законного представителя»;

3) статью 15 Закона об опеке дополнить пунктом 1.1 следующего содержания:

«1.1. Опекуны и попечители исполняют свои полномочия лично за исключением случаев, предусмотренных законом».

Несмотря на кажущуюся справедливость и общеприменимость вывода о расширительном толковании термина «представитель», отдельные правовые нормы свидетельствуют о кардинально противоположном подходе законодателя к его толкованию, что на практике приводит к путанице.

Например, пунктом 2 статьи 857 ГК РФ установлен перечень лиц, имеющих доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну. К ним отнесены: сами клиенты и их представители, бюро кредитных историй. Любые другие лица могут получить доступ к таким сведениям только в силу прямого указания закона. Очевидно, в приведенной норме речь идет как о законном, так и о договорном представителе, вместе с тем такой вывод может быть сделан только на основании расширительного толкования.

В Федеральном законе от 02 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон о банках) закреплен иной перечень лиц, имеющих доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну (часть 4 статьи 26); к ним отнесены суд, органы принудительного исполнения и другие органы и организации. Верховный суд Российской Федерации в Определении от 01.02.2019 № 305-АД18-18535 по делу № А40-199212/2017 указал, что содержащийся в данной норме перечень лиц является закрытым.

В системном толковании данной нормы с положениями пункта 2 статьи 29 ГК РФ можно с большой долей вероятности предположить, что справки по счетам и вкладам недееспособных граждан могут быть выданы опекунам таких граждан. Вместе с тем статья 26 Закона о банках не допускает передачу сведений по счетам и вкладам представителям граждан. Дополнительную путаницу вносят иные положения рассматриваемого закона, которые в других случаях допускают обращение не только самого гражданина, но и его представителя (например, статья 30 Закона о банках).

Из представленного примера видно, что Закону о банках однозначно известен термин «представитель», однако в отдельных статьях законодатель сознательно его не использует. Можем ли мы из этого заключить, что даже недееспособные граждане обязаны получать сведения, составляющие банковскую тайну, только лично? Такое очевидно не представляется возможным в силу имеющегося у них заболевания.

Следовательно, в статье 857 ГК РФ законодатель ограниченно толкует термин «представитель», имея в виду только законного представителя, что в целом не соответствует статье 182 ГК РФ.

Данная путаница затрудняет понимание правовых норм и их реализацию, в связи с чем считаем, что необходимо доктринально прийти к тому, что если в нормативном правовом акте используется термин «представитель», то речь идет и о законном, и о договорном представителе. Но если закон не использует

этот термин, то это не означает, что закон в целом не допускает совершения сделки через законного представителя, а означает лишь то, что возможность совершения сделки через законного представителя в каждом конкретном случае должна быть оценена в совокупности с пунктом 4 статьи 182 ГК РФ. Такой подход в отношении представительства следует закрепить в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Полагаем, что справедливость такого подхода обусловлена природой прав представителей. Договорное представительство возникает из соглашения между доверителем и поверенным, то есть представляет собой осознанную передачу прав, но в некоторых случаях действительно разумно потребовать, чтобы гражданин совершил сделку лично (например, дача согласия на совершение сделки). Абсурдно предполагать выдачу доверенности на дачу согласия за доверителя. Основой полномочий законного представителя является объективная неспособность представляемого осуществлять и защищать свои права и законные интересы. В таких случаях представляемый в силу закона или состояния здоровья лишен возможности совершать сделки самостоятельно и, следовательно, у него нет иной возможности совершать сделки, кроме как через лицо, назначенное уполномоченным органом. То есть законное представительство по своему характеру является вынужденным для представляемого. Логично, что объем прав законного представителя может быть несколько больше, чем у договорного представителя. Следовательно, отождествление законодателем в некоторых случаях законных представителей с самим гражданином оправданно.

Право оспорить разумность и результативность действий договорного представителя является совершенно естественным. В качестве общего правила гражданское законодательство устанавливает обязанность должника возместить ущерб и компенсировать неполученный доход. Коммерческий представитель должен стремиться к заключению сделок на максимально выгодных для своего клиента условиях.

Иной подход при оценке действий законного представителя. Его основная цель не направлена на получение выгоды и тем более коммерческого дохода. Это находит подтверждение, например, в регламентации опеки и попечительства. Защита имущественных прав и интересов является задачей законного представителя, но при наличии у подопечного недвижимости или ценностей они передаются в доверительное управление. Следовательно, ответственность законного представителя должна быть ограничена размером реального ущерба.

Указанное решение представляется естественным и логичным. Тем не менее действующее законодательство допускает известные исключения. Опекун (попечитель) обязан заботиться об имуществе подопечных как о своем собственном, не допускать уменьшения стоимости имущества подопечного и способствовать извлечению из него доходов (пункт 5 статьи 18 Закона об опеке). Опекунам и попечителям в качестве исключения предоставлено право

заключать особо выгодные договоры о передаче имущества подопечного в пользование, если срок пользования имуществом превышает пять лет (пункт 6 статьи 19 Закон об опеке). Забота о выгоде в действиях законного представителя заставляет допустить исключение из предложенного правила ограниченной ответственности — в случае умышленного или в результате грубой неосторожности представитель не обеспечил получение подопечным очевидной выгоды.

Вынужденный характер законного представительства и его особая цель (значение) проявляются при установлении объема полномочий, при передаче полномочий представителю и при оспаривании представляемым разумности и результативности действий представителя. Указанные особенности необходимо учитывать при сопоставлении объема полномочий представителей в анализе реальных правовых казусов.

Заключение

Существуют сделки, которые могут быть совершены только лично, и сделки, совершение которых допускается через представителя. И право, и доктрина признают два вида представительства: законное и договорное, устанавливая разные основания их возникновения. Вместе с тем, как доказано в проведенном исследовании, законодатель в некоторых случаях допускает смешение этих видов представительства, в то время как разные основания их возникновения логически должны повлечь установление разного правового статуса представителей. В частности, в работе рассмотрен вопрос о возможности передоверия полномочий законного представителя по аналогии с передоверием полномочий представителя, действующего на основании договора.

Сопоставительный анализ текстов нормативных правовых актов, в которых упоминается возможность совершения юридически значимых действий через представителя, позволил авторам обозначить правовые пробелы и предложить действенные механизмы их преодоления. Выводы, полученные авторами на основе анализа представительства в отношениях опеки и попечительства, могут быть распространены на представительство, возникающее в иных областях.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [в редакции Федерального закона от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ] // Российская газета. 1994. № 238–239.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [в ред. Федер. закона от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ] // Российская газета. 1996. № 23.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ [в ред. Федер. закона от 11 июня 2021 г. № 213-ФЗ] // Российская газета. 2006. № 289.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 562-ФЗ [в ред. Федер. закона от 29 июня 2021 г. № 234-ФЗ] // Российская газета. 1994. № 238–239.

5. Гришин А. В., Селютин О. Г. О правовой природе представительства, профессионального коммерческого (торгового) представительства. Прошлое, настоящее и современные тенденции // Закон и право. 2021. № 9. С. 48–49.

6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ [в ред. Федер. закона от 30 декабря 2021 г. № 470-ФЗ] // Российская газета. 1999. № 85–86.

7. Об опеке и попечительстве: Федер. закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ [в ред. Федер. закона от 30 апреля 2021 г. № 114-ФЗ] // Российская газета. 2008. № 94.

8. Гришин А. В., Селютин О. Г. О правовой природе представительства // Закон и право. 2021. № 8. С. 67–68.

9. Карасев А. К. Особенности представительства в гражданском процессе // Вестник науки. 2019. № 5 (14). С. 273–275.

10. Карташова Г. Н. Представительство лиц в возрасте до 14 лет в трудовых отношениях // Право и практика. 2018. № 1. С. 218–223.

11. Попондопуло В. Ф. Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация. М.: Проспект, 2021. 736 с.

12. Сварчевский К. Г., Старцев А. Д. Тенденция развития норм, регулирующих процессуальное и правовое положение представителей в гражданском процессе // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13 октября 2017 г. / под общ. ред. Л. В. Войтович, В. И. Кайнова. СПб.: Петрополис, 2018. С. 432–436.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): from November 30, 1994, No. 51-FZ [as amended by Feder. Law No. 20-FZ of February 25, 2022] // Rossiyskaya Gazeta. 1994. № 238–239.

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two): dated January 26, 1996, No. 14-FZ [as amended by Feder. Law No. 456-FZ of December 22, 2020] // Rossiyskaya Gazeta. 1996. № 23.

3. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006, No. 230-FZ [as amended by Feder. Law No. 213-FZ of June 11, 2021] // Rossiyskaya Gazeta. 2006. № 289.

4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 562-FZ [as amended by Feder. Law No. 234-FZ of June 29, 2021] // Rossiyskaya Gazeta. 1994. № 238–239.

5. Grishin A. V., Selyutina O. G. On the legal nature of representation, professional commercial (trade) representation. Past, present and modern trends // Law and Law. 2021. № 9. P. 48–49.

6. Code of Merchant Shipping of the Russian Federation: dated April 30, 1999, No. 81-FZ [as amended by Feder. Law No. 470-FZ of December 30, 2021] // Rossiyskaya Gazeta. 1999. № 85–86.

7. About guardianship and guardianship: Feder. Law No. 48-FZ of April 24, 2008 [as amended by Feder. Law of April 30, 2021, No. 114-FZ] // Rossiyskaya Gazeta. 2008. № 94.

8. Grishin A. V., Selyutina O. G. On the legal nature of representation // Law and Law. 2021. № 8. P. 67–68.

9. Karasev A. K. Features of representation in civil proceedings // Bulletin of Science. 2019. № 5 (14). P. 273–275.

10. Kartashova G. N. Representation of persons under the age of 14 in labor relations // Law and practice. 2018. No. 1. Pp. 218–223.

11. Popondopulo V. F. Human activity: legal forms of implementation and public organization. M.: Prospect, 2021. 736 p.

12. Svarchevsky K. G., Startsev A. D. The Development Trend of the Norms Regulating the Procedural and Legal Status of the Representatives in Civil Proceedings // Actual problems of the procedural and legal status of subjects of civil, arbitration and administrative proceedings: Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 13, 2017 / Under the general editorship of L. V. Voitovich, V. I. Kainova. St. Petersburg: Petropolis, 2018. P. 432–436.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2023;

одобрена после рецензирования: 20.02.2023;

принята к публикации: 25.02.2023.

The article was submitted: 03.02.2023;

approved after reviewing: 20.02.2023;

accepted for publication: 25.02.2023.

УДК 347.43

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.10

А. В. Дашко

Московский университет им. С. Ю. Витте,

Москва, Российская Федерация,

89262322007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0097-1048>

ПРИЗНАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ПРИ ПРИНЯТИИ НОВОГО ЗАКОНА

Аннотация. Заключение дополнительного соглашения часто приводит к практическим проблемам и не позволяет должным образом защитить права его участников. Целью статьи является поиск наиболее эффективных критериев допустимости признания дополнительного соглашения недействительным в силу действующего законодательства путем определения его понятия, правовой природы и видов. В статье делается попытка обобщения практики высших судов Российской Федерации по вопросам действия законодательства и применения его обратной силы. Методологической основой статьи стала совокупность диалектического и системного методов исследования, а также телеологический подход, в соответствии с которыми дополнительные соглашения могут быть признаны недействительными, как самостоятельная сделка и как часть основного договора, что по-разному влияет на защиту прав его участников. Аргументирована авторская позиция относительно влияния закона на действительность дополнительного соглашения, определены критерии возможности самостоятельного признания недействительности дополнительного соглашения, при том условии, что оно является частью основного договора. В статье делаются предложения по дальнейшему изучению данной проблемы и совершенствованию отдельных положений гражданского законодательства, позволяющие устранить пробелы и коллизии в правовом регулировании.

Ключевые слова: основной договор; дополнительное соглашение; недействительность дополнительного соглашения; действие гражданского законодательства; обратная сила закона.

UDC 347.43

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.10

A. V. Dashko

Witte Moscow University,

Moscow, Russian Federation,

89262322007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0097-1048>**RECOGNITION OF AN ADDITIONAL AGREEMENT
AS INVALID WHEN A NEW LAW IS ADOPTED**

Abstract. The conclusion of an additional agreement often leads to practical problems and does not allow for proper protection of the rights of its participants. The purpose of the article is to search for the most effective criteria for the admissibility of the recognition of an additional agreement as invalid by virtue of the current legislation by defining its concept, legal nature and types. The article attempts to generalize the practice of the supreme courts of the Russian Federation on the operation of legislation and the application of its retroactive effect. The methodological basis of the article is a set of dialectical and systematic research methods, as well as a teleological approach, according to which additional agreements can be invalidated as an independent transaction and as part of the main contract, which affects the protection of the rights of its participants in different ways. The author's position on the influence of the law on the validity of the supplementary agreement is reasoned, the criteria for the possibility of independent invalidation of the supplementary agreement are determined, provided that it is part of the main agreement. The article makes proposals for further study of this problem and improvement of certain provisions of civil legislation, allowing to eliminate gaps and conflicts in legal regulation.

Keywords: main contract; additional agreement; invalidity of the additional agreement; operation of civil law; retroactive effect of the law.

Введение

Гражданско-правовое регулирование изменений уже имеющихся договоров законом практически не предусмотрено. В последнее время законодатель значительное внимание уделяет развитию и совершенствованию общих положений о сделках, обязательствах и договорах, но значительный объем нормативного материала не содержит системных правил, применимых к дополнительным соглашениям, что требует пристального, углубленного и постоянного изучения действующего законодательства. Например, это необходимо в контексте выявления и устранения правовых коллизий, в целях установления на данном участке правовой регламентации оптимального баланса публично-правового и частноправового регулирования и прочее. Заключение и исполнение дополнительных соглашений сопровождается большими трудностями в судебной практике, в понимании субъектов гражданского оборота и потребителей. Нужно заметить, что данная проблематика пока еще не в должной мере исследовалась в науке гражданского права.

Методы

Центральным, основным элементом методологии научной статьи стали диалектический и системный метод исследования, а также телеологический подход, основанный на приемах и способах юридического мышления в границах указанного института. С помощью формально-логических способов и приемов автор стремился исследовать внешнюю сферу института дополнительного соглашения, его источников, классификацию, изучил его внутреннюю сущность. Это позволило провести классификацию и систематизацию дополнительных соглашений; определить их функции; изучить признаки, свойства и сущностные характеристики.

Основными целями исследования было получение достоверной информации о состоянии правового регулирования дополнительных соглашений, выявление качества норм права, наличия правотворческих ошибок и формулирование конкретных оценок и выводов по итогам исследования.

Автор осуществил толкование для уяснения подлинного смысла и оценки качества института дополнительных соглашений: языковой (установление смысла содержания норм), логический (средства формальной и диалектической логики), исследовал внутреннюю структуру норм (гипотеза, диспозиция, санкция), определил круг субъектов и пределы применения толкуемых норм.

Основное исследование

Дополнительное соглашение к договору — это сделка, направленная на его изменение или расторжение. В том случае, если дополнительное соглашение направлено на изменение договора, стоит говорить о появлении дополнительных прав и обязанностей, которые должны регулироваться законом.

Действующее законодательство не содержит общих правил о правовой природе, действии и особенностях дополнительных соглашений, поэтому целесообразно их рассматривать как вид сделки, на который распространяются соответствующие правила ст. 153, 420, 450 ГК РФ¹ и т. д. При этом в литературе существуют разные точки зрения на соотношение основного договора и дополнительного соглашения. Рассмотрим каждую из них.

На самостоятельный характер дополнительных соглашений указывает М. А. Егорова: «Соглашение об изменении или расторжении договора представляет собой особый вид договоров, обособленную, самостоятельную группу в системе гражданско-правовых договоров» [5, с. 28]. Являясь сделкой, которая возникает в момент ее совершения, дополнительное соглашение характеризуется определенным набором присущих ему условий.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994 (здесь и далее — ГК РФ).

С другой стороны, дополнительное соглашение является производным от основного договора и является его частью. Поэтому следует говорить о его двойственной правовой природе. Недействительность соглашения об изменении договора определяется как общими основаниями, присущими всем видам сделок, так и особенными, характерными только для этого вида соглашений, что определяется его правовой сущностью и спецификой направленности действия [1, с. 167]. На последнее обстоятельство указывает следующее:

1. Целеполагание. Дополнительное соглашение заключается на основе действующего договора, оно полностью зависит от его действительности и законности. Например, невозможно продлить договор аренды, если он признан судом недействительным. Его условия и содержание целиком обусловлены ранее заключенным договором.

2. Юридическая судьба. Производный характер выражается и в том случае, когда основной договор признается недействительным. В этом случае дополнительное соглашение также признается недействительным и к нему применяются последствия признания недействительности основного договора.

3. Специалитет. Дополнительное соглашение является более узким по предмету регулирования, касается только тех вопросов, которые прямо в нем указаны, и не может выходить за пределы регулирования основного договора, например регулирования сроков, цены, порядка взыскания убытков и т. д. Если стороны изменили только эти условия, то все остальные — предмет договора, ответственность сторон — остаются изначальными.

4. Действие во времени. Дополнительное соглашение действует только в пределах действия основного договора, в том числе в случае продления последнего.

Двойственный характер и отсутствие общих положений сказывается на вопросах признания дополнительного соглашения недействительным. Если его рассматривать как самостоятельную сделку, то нет оснований не применять к нему правила о недействительности сделок напрямую, минуя рассмотрение условий, связанных с основным договором. Если же дополнительное соглашение производно и полностью зависимо от основного договора, признание его недействительным отдельно и самостоятельно от последнего не представляется возможным. Полагаем, что истина находится где-то посередине. Главное в этой ситуации разобраться, в каких ситуациях дополнительное соглашение выступает как самостоятельная сделка, а в каких случаях — нет.

Рассмотрение природы дополнительного соглашения должно строиться на выделении критерия зависимости от основного договора. Таким критерием может выступать взаимосвязь условий основного договора и дополнительного соглашения. Так, Верховный суд РФ отметил, что, поскольку условия дополнительного соглашения о размере арендной платы и об объеме заготовки древесины являются взаимосвязанными, не может быть признана недействительной только часть сделки об изменении размера арендной платы. Между тем суды апелляционной и кассационной инстанций, признавая недействительными

пункты дополнительного соглашения, касающихся арендной платы, в нарушение ст. 180 ГК РФ не сделали выводы относительно недействительности иных его частей².

Остановимся на том, каким образом закон может влиять на действительность дополнительного соглашения. Последнее, как сделка, может быть недействительным по любому основанию: пороки субъектного состава, воли, формы, содержания. Основанием может быть один из четырех вариантов: дополнительное соглашение противоречит одним и тем же положениям закона на момент заключения основного договора и на момент заключения дополнительного соглашения; дополнительное соглашение противоречит имеющимся запретам на момент заключения основного договора, а последнее противоречит положениям закона на момент заключения дополнительного соглашения; дополнительное соглашение не противоречит имеющимся запретам на момент заключения основного договора, но противоречит имеющимся запретам на момент заключения дополнительного соглашения; дополнительное соглашение противоречит имеющимся запретам на момент заключения основного договора, но не противоречит имеющимся запретам на момент заключения дополнительного соглашения.

Не является проблемной ситуация, когда дополнительное соглашение одновременно противоречит одним и тем же положениям закона на момент заключения основного договора и на момент заключения дополнительного соглашения. Такие случаи часто встречаются в сфере государственных и муниципальных закупок, в частности при продлении срока поставки товаров (выполнения работ, оказания услуг) по контракту³. Среди других примеров нарушения дополнительными соглашениями к договору положений закона можно выделить сферу долевого участия в строительстве жилья, в которой встречаются ситуации снижения неустойки за нарушение срока передачи объекта участнику долевого строительства по сравнению с законной неустойкой⁴. Условия основного договора и дополнительного соглашения регулируются одной редакцией закона и их недействительность нераздельна и следует одной юридической судьбе. Случай, когда дополнительное соглашение противоречит имеющимся запретам на момент заключения основного договора, а последнее противоречит положениям закона на момент заключения дополнительного соглашения, должен решаться в пользу действия дополнительного соглашения.

Третий и четвертый варианты вызывают множество вопросов с точки зрения науки, законодательства и судебной практики. В данном случае вступают в силу правила о действии гражданского законодательства во времени

² Определение Верховного Суда РФ от 08.12.2015 № 301-ЭС15-11442 по делу № А43-3237/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 30.12.2019 № 306-ЭС19-25198 по делу № А72-16393/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., напр.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.05.2019 № 33-11574/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

(ст. 4 ГК РФ). По мнению Э. Гаврилова, это всего лишь общая норма, норма-принцип [4, с. 75], которая нуждается в конкретизации в гражданском законодательстве, а также в исключениях, как и любой принцип.

Также встает вопрос о возможном самостоятельном признании недействительности дополнительного соглашения, при том условии, что оно является частью основного договора. В данном случае видится три варианта решения казуса: дополнительное соглашение полностью подчиняется той редакции закона, которая действует в момент его заключения и признается недействительной; дополнительное соглашение не подчиняется той редакции закона, которая действует в момент его заключения, а подчиняется редакции на момент заключения основного договора и считается действительным, вместе с основным договором; и смешанный вариант, при котором допускается применение действующей редакции закона, но в определенных пределах (например, если это не нарушает прав и законных интересов третьих лиц).

Примером первого случая может быть договор аренды государственного имущества и дополнительное соглашение о его продлении. На нем акцентирует внимание Н. Ю. Рассказова. В соответствии со ст. 6 и ст. 422 ГК РФ договор должен оцениваться с точки зрения законодательства, действующего в момент его заключения. В том случае, если после заключения сторонами договора аренды государственного имущества вступили в силу нормы, регулирующие особенности заключения таких договоров, то арендатор имеет преимущественное право на заключение договора аренды, при условии, что предшествующий договор был заключен по результатам проведения торгов. Арендатор может считать, что он имеет право на преимущественное заключение договора на новый срок в соответствии со ст. 621 ГК РФ; при этом новые правила Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О защите конкуренции»⁵ к его отношениям с арендодателем неприменимы, поскольку эти отношения возникли до вступления указанных норм в силу. Практика ВС РФ указывает⁶, что при заключении договора на новый срок или продлении срока действия договора путем подписания дополнительного соглашения у сторон возникают новые правоотношения, которые в силу п. 1 ст. 422 ГК РФ должны соответствовать закону, действующему на момент их возникновения [6, с. 44].

Другим примером является необходимость государственной регистрации дополнительных соглашений к договору аренды, заключенному до введения в действие Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»⁷, если эти соглашения

⁵ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О защите конкуренции» // «Парламентская газета», № 126-127, 03.08.2006.

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 11, ноябрь, 2018.

⁷ Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета, № 145, 30.07.1997 (утратил силу).

подписаны после вступления в силу указанного закона, существуют две позиции судов. Часть судов указывает, что они подлежат государственной регистрации, если они подписаны после вступления в силу указанного закона.

Аргументируют они указанную позицию так: в соответствии с п. 8 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁸, вступившей в силу с 1 марта 2013 года, правила о государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом, содержащиеся в ст. 609 и 651 ГК РФ, не подлежат применению к договорам, заключенным после 1 марта 2013 года.

Однако ст. 3 Федерального закона от 04.03.2013 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» исключила указанные статьи ГК РФ из указанного выше перечня. В связи с этим государственная регистрация договоров аренды недвижимого имущества, заключенных на срок год и более, возобновляется с 4 марта 2013 года.

При отсутствии государственной регистрации таких договоров, если они заключены до 4 марта 2013 года, действует п. 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»⁹. В соответствии с изложенной в нем позицией судам в отношении данных договоров рекомендовано применять разъяснения, содержащиеся в п. 14, в соответствии с которым арендатор не имеет преимущественного права на заключение договора на новый срок (см. п. 1 ст. 612 ГК РФ). Кроме того, к отношениям между ним и третьим лицом, которое приобрело на основании договора недвижимую вещь, переданную в пользование, не применяется п. 1 ст. 617 ГК РФ.

Прямо противоположное мнение выражают другие суды, указывая, что дополнительные соглашения не подлежат государственной регистрации, даже если они подписаны после вступления в силу соответствующих поправок¹⁰. В ряде случаев делался вывод, аналогичный представленному в настоящей позиции, однако при этом не уточнялось, были ли дополнительные соглашения подписаны до или после введения в действие закона о государственной регистрации¹¹.

⁸ Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 3, 11.01.2013.

⁹ Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение), № 1, 13.01.2012.

¹⁰ Постановление ФАС Московского округа от 07.03.2013 по делу № А40-36449/12-10-336 // КонсультантПлюс.

¹¹ Постановление ФАС Московского округа от 27.06.2006 № КГ-А40/5812-06 по делу № А40-63534/05-82-508 // СПС «КонсультантПлюс».

Нераспространение действующего законодательства на те отношения, которые возникли после его вступления в силу, именуется обратной силой закона. Утверждение «закон обратной силы не имеет» является аксиомой права [2, с. 205], соответственно, это послужило предпосылкой для формирования принципа запрета обратной силы закона [3, с. 174], если иное не предусмотрено самим законом, поскольку принципы могут быть ограничены в публичных интересах.

Обратная сила закона должна исходить от законодателя и быть обоснована спецификой круга общественных отношений или конкретной ситуации, нуждающейся в обратной силе. Как показывает опыт отечественного законодательства, это исключительные случаи, которые связаны с основными правами и свободами граждан, либо какими-то важными государственными интересами.

Конституционный суд РФ неоднократно указывал, что общим (основным) принципом действия закона во времени является распространение его на отношения, возникшие после введения его в действие, и только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, которые возникли до введения соответствующих норм в действие, то есть придать закону обратную силу¹². Помимо серьезной аргументации данное исключение не должно нарушать другие принципы права, например, принципы равенства, свободы договора, неприкосновенности собственности и т. д. Данный подход обусловлен необходимостью достижения соразмерности при соблюдении интересов общества и условий защиты основных прав личности, обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, а потому вопрос придания обратной силы закону, изменяющему обязательства юридически равных участников гражданского правоотношения, требует дифференцированного подхода, обеспечивающего сбалансированность и справедливость соответствующего правового регулирования, не допускающего ущемления уже гарантированных прав и законных интересов одной стороны и умаления возможностей их защиты в пользу другой¹³.

Обратная сила закона, являясь общеправовой категорией, используется в гражданском праве и может придаваться только законам (п. 2 ст. 4 ГК РФ). Мнение ученых и практиков при этом разделились. Часть из них придерживается буквального толкования указанных норм и не признают допустимым

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 7-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3, 2005.

¹³ См.: абз. 4 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации»».

придание обратной силы актам, обладающим меньшей юридической силой¹⁴. В других случаях возможность действия обратной силы допускается в актах более низкой юридической силы. Например, совокупное толкование ч. 1 ст. 5 и ч. 2 ст. 6 ЖК РФ свидетельствует, что обратная сила может устанавливаться в указах Президента РФ.

На возможность придания обратной силы может оказывать воздействие предмет регулирования нормативно-правового акта. Сложности не вызывает ситуация, когда принимается акт, одинаковый по предмету регулирования с предыдущим, например федеральные законы, регулирующие одни и те же правоотношения с одним названием (закон о банкротстве, разные редакции закона об акционерных обществах). Ситуация усложняется, если акт, содержащий обратную силу, носит более общий или более узкий предмет регулирования. В первом случае имеется риск обобщения случаев применения обратной силы, распространения на слишком большой круг отношений или размывания правового регулирования. В другом случае риск связан с невозможностью учесть весь круг общественных отношений, нуждающихся в применении обратной силы. Таким образом, на корректность придания обратной силы закона может влиять не только юридическая сила акта, но и другие обстоятельства.

Обратимся к вопросу допустимости придания обратной силы и определим условия, исключающие ее применение. Представляется, что можно выделить две группы условий, исключающих применение обратной силы закона. Согласно ч. 1 ст. 54 Конституции РФ не имеет обратной силы закон, устанавливающий или отягчающий ответственность. Указанное положение характерно для уголовного, административного, налогового и других отраслей публичного права, а для гражданского права не является актуальным, поскольку ответственность в последнем носит не карательную, а восстановительную функцию. Аналогичная ситуация с ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, которая предусматривает устранение или смягчение ответственности за правонарушение. Указанные критерии к гражданскому праву неприменимы.

Остается только одно. Из всего того, что говорит Конституционный суд РФ в своих позициях, единственным законным путем придания обратной силы нормам гражданского права является специальное указание на это в нормативном акте. То же самое подтверждает практика других высших судов¹⁵. При этом никаких позиций, связанных с применением обратной силы закона к дополнительным соглашениям, не имеется.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20.05.2015 № 44-АПГ15-4 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ П. 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5, май.

Выводы

По своей правовой природе дополнительное соглашение является самостоятельной и одновременно производной от основного договора гражданско-правовой сделкой. Поэтому следует говорить о его двойственной правовой природе. Недействительность соглашения об изменении договора определяется как общими основаниями, присущими всем видам сделок, так и особенными, характерными только для этого вида соглашений, что определяется его правовой сущностью и спецификой направленности действия. На последнее обстоятельство указывает его целеполагание, юридическая судьба, специалитет и действие во времени.

Если дополнительное соглашение рассматривать как самостоятельную сделку, то нет оснований не применять к нему правила о недействительности сделок напрямую, минуя рассмотрение условий, связанных с основным договором. Если же дополнительное соглашение производно и полностью зависимо от основного договора, признание его недействительным отдельно и самостоятельно от последнего не представляется возможным.

Рассмотрение природы дополнительного соглашения должно строиться на выделении критерия зависимости от основного договора. Таким критерием может выступать взаимосвязь условий основного договора и дополнительного соглашения.

Вопрос о возможном самостоятельном признании недействительности дополнительного соглашения, при том условии, что оно является частью основного договора, имеет три варианта решения: дополнительное соглашение полностью подчиняется той редакции закона, которое действует в момент его заключения и признается недействительным; дополнительное соглашение не подчиняется той редакции закона, которая действует в момент его заключения, а подчиняется редакции на момент заключения основного договора и считается действительным, вместе с основным договором; и смешанный вариант, при котором допускается применение действующей редакции закона, но в определенных пределах (например, если это не нарушает прав и законных интересов третьих лиц).

Список источников

1. Бородкин В. Г., Станкевич А. В. О некоторых проблемах арбитражного процесса и способов защиты прав: сб. очерков. Ч. 1. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 180 с.
2. Василевич С. Г. Обратная сила закона: основания и пределы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 203–210.
3. Власова Т. В. Принципы права и аксиомы права: соотношение понятий // Принципы права: проблемы теории и практики: мат-лы XI Международной науч.-практ. конференции (г. Москва, 18–22 апреля 2016 года): сб. науч. ст.: в 2 ч. / ред. совет В. М. Сырых, В. Н. Власенко. М.: РГУП, 2017. Ч. 1. С. 174–178.
4. Гаврилов Э. Действие во времени гражданского законодательства, касающегося интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2012. № 5 (424). С. 74–84.

5. Егорова М. А. Особенности недействительности соглашения об изменении и расторжении договора // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2008. № 2. С. 28–35.

6. Рассказова Н. Ю. Действие актов гражданского законодательства во времени // *Арбитражные споры*. 2019. № 2. С. 31–52.

References

1. Borodkin V. G., Stankevich A. V. *O nekotory`h problemah arbitrazhnogo processa i sposobov zashchity` prav: sb. ocherkov. Ch. 1. M.: Infotropik Media, 2018. 180 s.*

2. Vasilevich S. G. *Obratnaya sila zakona: osnovaniya i predely` // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 6. S. 203–210.*

3. Vlasova T. V. *Principy` prava i aksiomy` prava: sootnoshenie ponyatij // Principy` prava: problemy` teorii i praktiki: materialy` XI Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii (g. Moskva, 18–22 aprelya 2016 goda): sb. nauch. st.: v 2 ch. / red. sovet V. M. Sy`ry`h, V. N. Vlasenko. M.: RGUP, 2017. CH. 1. S. 174–178.*

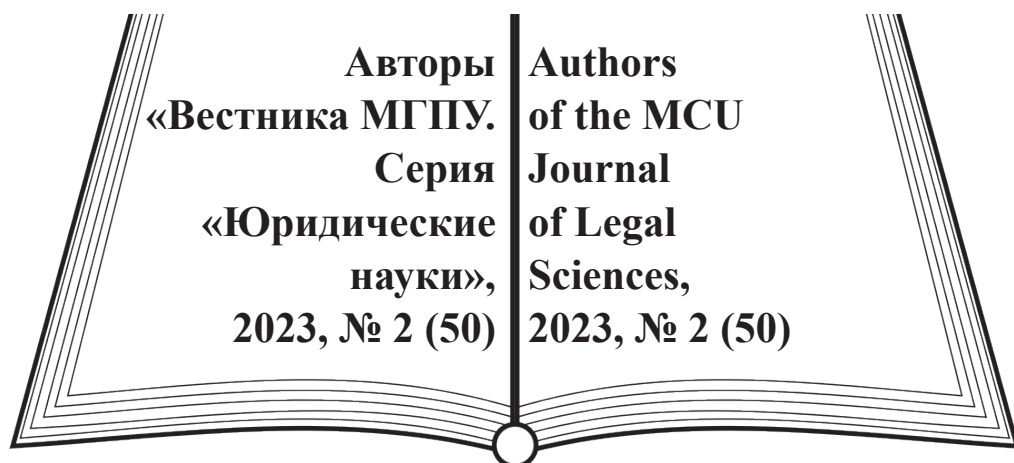
4. Gavrilov E. *Dejstvie vo vremeni grazhdanskogo zakonodatel`stva, kasayushchegosya intellektual`ny`h prav // Hozyajstvo i pravo. 2012. № 5 (424). S. 74–84.*

5. Егорова М. А. Особенности недејствител`ности соглашеиия об изменении и расторжении договора // *Законы` России: опыт, анализ, практика*. 2008. № 2. С. 28–35.

6. Рассказова Н. Ю. Действие актов гражданского законodatel`stva во времени // *Арбитражны`е споры`*. 2019. № 2. С. 31–52.

Статья поступила в редакцию: 05.02.2023;
одобрена после рецензирования: 21.02.2023;
принята к публикации: 28.02.2023.

The article was submitted: 05.02.2023;
approved after reviewing: 21.02.2023;
accepted for publication: 28.02.2023.

Баукин Вячеслав Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Baukin Vyacheslav Gennadievich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Civil Law Faculty North-West Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: baukinvg@mail.ru

Власова Наталия Викторовна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела международного частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Vlasova Natalia Viktorovna — Candidate of Law, Senior Researcher, Department of Private International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: natasha.vlasova@rambler.ru

Дашко Александр Викторович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского университета им. С. Ю. Витте.

Dashko Aleksandr Victorovich — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Witte Moscow University.

E-mail: 89262322007@mail.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Dorskaya Aleksandra Andreevna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Dorsky Andrey Yuryevich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Mass Communications Management, St. Petersburg State University.

E-mail: dorski@yandex.ru

Залоило Максим Викторович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Zaloilo Maxim Viktorovich — Candidate of Law, Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Legislative Studies, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: z-lo@mail.ru

Кудряшова Валерия Владимировна — преподаватель кафедры гражданского права Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия.

Kudryashova Valeriya Vladimirovna — Lecturer at the Department of Civil Law, Far Eastern Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: lera_patrakova@mail.ru

Лановая Галина Михайловна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Lanovaya Galina Mikhailovna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya.

E-mail: lanovaya-galina@mail.ru

Ломакина Ирина Борисовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

Lomakina Irina Borisovna — Doctor of Law, Professor, Department of Theory of Law and State, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Павлов Вадим Иванович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Pavlov Vadim Ivanovich — Candidate of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of State Building and International Law, Institute of Legal Studies, National Center for Legislation and Legal Studies of the Republic of Belarus.

E-mail: vadim_pavlov@tut.by

Певцова Елена Александровна — доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор Государственного университета просвещения.

Pevtsova Elena Alexandrovna — Doctor of Law, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the State University of Education.

E-mail: pevtsova@bk.ru

Честнов Илья Львович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Chestnov Ilya Lvovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of University of Public prosecution of the Russian Federation.

E-mail: ichestnov@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: PashencevDA@mgru.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и Редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Образец оформления

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация
..a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского

общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2021.

Поступила после рецензирования / Revised 10.01.2022.

Принята к публикации / Accepted 11.01.2022.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.
Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2023, № 2 (50)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

А. В. Лященко

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 26.06.2023 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 8,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.